

СБОРНИКЪ

ПОСМЕРТНЫХЪ СТАТЕЙ

А. И. ГЕРЦЕНА

СБОРНИКЪ

посмертныхъ статей

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

ГЕРЦЕНА

издание второе

GENEVE-BALE-LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-EDITEUR

1874

женева. — тинографія трусова.

104988

ОГЛАВЛЕНІЕ

	UIP.
ARRESTATUF & AMRESTATUF & AMRES	VII
Былое и Думы — ко Второй части:	
H. X. K. (1842—1847)	1
Эпилогъ	39
Эпизодъ изъ 1844 года, Базиль и Армансъ	41
Отрывки изъ Былаго и Думъ — Нъмцы въ эмиграци	51
Прибавленіе къ Горнымъ Вершинамъ:	
І. Ледрю-Ролленъ и Кошутъ	84
И. Ф. Пья, В. Гюго и пр., Лун-Бланъ и француз. эмигранты.	97
Baptrieme	113
С. Ворцель	123
Апогей и Перигей (продолжение)	139
За Кулисами (1863—1864)	160
В. И. Кельсіевъ	161
Овщий фондъ	177
М. Б. и Иольское Дъло (продолжение Главы Перигей)	192
I. Пароходъ Ward Jackson, R. Weterli et Co	222
II. Lapinski-colonel Polles - aide de camp	229
Докторъ, Умирающій и Мертвые (Повасть):	
І. Докторъ	238
И. Умирающій	248
III. MEPTBHE	271
IV. Эпилогъ	280
Thiers-Daniel	284
Письма къ старому товарищу:	
Письмо Первое	288
— Второв	296
— Третье	303
— Четвертое	310

къ читателямъ

Рано умеръ Герценъ для русскаго дѣла и не дождавшись европейскаго переворота.

Его дъти ръшились печатать все послъ него оставшесся и начали съ выпуска "Былаго и Думы".

Искренность и мощь его слова не могутъ пройти незамътно и должны отозваться въ средъ русскихъ читателей.

Память о его вліяніи пройдти не можетъ.

Н. Огаревъ.

Женева, сентябрь 1870 года.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ко второй части

H. X. K.

(1842 - 1847)

Мнъ приходится говорить о К. опять, и на этотъ разъ гораздо подробнъе. Возвратившись изъ ссылки, я засталь его по прежнему въ Москвъ. Онъ, впрочемъ, до того сросся и сжился съ Москвой, что я не могу себъ представить Москву безъ него, или его въ какомъ нибудь другомъ городъ. Какъ-то онъ попробовалъ перебраться въ Петербургъ, но не выдержалъ шести мѣсяцевъ, бросилъ свое мъсто и снова явился на берега Неглинной, въ кофейной Бажанова, проповъдывать вольный образъ мыслей офицерамъ, играющимъ на бильярдъ, поучать актеровъ драматическому искусству, переводить Шекспира и любить до прптъсненія прежнихъ друзей своихъ. Правда, теперь у него быль и новый кругъ, т. е. кругъ Бълинскаго, Бакунина; но, хотя онъ ихъ и поучаль денно и нощно, однако душею и сердцемъ все же держался насъ.

Ему было тогда лѣтъ подъ сорокъ, но онъ рѣшительно остался старымъ студентомъ. Какъ это случплось? этото и надобно прослѣдить.

К. по всему принадлежить къ тъмъ страннымъ личностямъ, которыя развились на закраинъ Петровской Россіп, особенно посл'я 1812 г., и какъ ея посл'ядствіе, какъ ея жертвы и косвенно какъ ея выходъ. Люди эти сорвались съ общаго пути, тяжелаго и безобразнаго, н никогда не попадали на свой собственный, искали его и на этомъ исканіи останавливались. Въ этой пожертвованной шеренгъ черты очень разны: не всъ похожи на Онъгина или Печорина, не всъ лишніе и праздные люди; а есть люди трудившіеся и ни въ чемъ не успъвшіелюди неудавшіеся. Мнѣ тысячу разъ хотѣлось передать рядъ своеобразныхъ фигуръ, ръзкихъ портретовъ, снятыхъ съ натуры, и я невольно останавливался, подавленный матеріаломъ. Въ нихъ нѣтъ стаднаго, рядскаго; чеканъ розный, но одна общая связь связуетъ ихъ, или лучше, одно общее несчастие; вглядываясь въ темносфрый фонъ, видны солдаты подъ палками, крфпостные подъ розгами, подавленный стонъ, выразившійся въ лицахъ, кибитки, несущіяся въ Сибирь, колодники, плетущіеся туда же, бритые лбы, клейменныя лица, каски, эполеты, султаны,... словомъ, петербургская Россія. Ею они несчастны, и нътъ силъ ни переварить ее, ни вырваться, ни помочь дёлу. Они хотять бёжать съ полотна, и не могутъ: земли нътъ подъ ногами; хотятъ кричать — языка нътъ, да нътъ и уха, которое бы слышало.

Дпвиться нечему, что при этомъ потерянномъ равновъсіи больше развивалось оригиналовъ и чудаковъ, чѣмъ практически-полезныхъ людей, чѣмъ неутомимыхъ работниковъ, что въ ихъ жизни было столько же неустроеннаго и безумнаго, какъ хорошаго и чисто человѣческаго.

Отецъ К. былъ инструментальный мастеръ. Онъ славился своими хирургическими инструментами и высокой

честностью. Онъ умеръ рано, оставивъ большую семью на рукахъ вдовы и очень разстроенныя дёла. Происхожденіемъ онъ быль, кажется, Шведъ. Стало, объ истинной связи, о той непосредственной связи съ народомъ, которая всасывается съ молокомъ, съ первыми играми, даже въ господскомъ домъ, не можетъ быть и ръчи. Общество иностранныхъ производителей, индустріаловъ, ремесленниковъ и ихъ хозяевъ, составляетъ замкнутый кругъ жизни, — привычками, интересами, всфмъ на свфтф отделенный и отъ верхняго, и отъ нисшаго русскаго слоя. Часто эта среда внутри своей семейной жизни гораздо нравственнъе и чище, чъмъ дикая тиранія и затворническій разврать нашего купечества, чёмъ печальное и тяжелое пьянство мъщанъ, чъмъ узкая, грязная и основанная на воровствъ жизнь чиновниковъ, но тѣмъ не меньше она совершенно чуждая окружающему міру, иностранная, дающая съ самаго начала другой pli и другія основы.

Мать К. была русская, вѣроятно отъ того К. и не сдѣлался пностранцемъ. Въ воспитаніе дѣтей, я не думаю, чтобъ она входила; но чрезвычайно важно было то, что дѣти были крещены въ православной вѣрѣ, т. е. не имѣли никакой. Будь они лютеране или католики, они совсѣмъ бы отошли на нѣмецкую сторону, они ходили бы въ ту или другую кирку и вступили бы незамѣтно въ выдѣляющуюся, обособляющуюся Gemcinde, съ ея партіями, и приходскими интересами. Въ русскую церковь конечно К. никто не посылалъ; сверхъ того, если онъ иногда и хаживалъ туда ребенкомъ, то она не имѣетъ того паутиннаго свойства какъ ея сестры, особенно на чужбинѣ.

Надобно вспомнить, что время, о которомъ идетъ ръчь, вовсе не знало судорожнаго православія. Церковь, какъ и Государство, не защищались тогда чемъ попало, не ревновали о своихъ правахъ, можетъ потому, что никто не нападалъ. Всѣ знали какіе это два звѣря, и не клали имъ пальца въ ротъ. За то и они не хватали прохожихъ за воротъ, сомнъваясь въ ихъ православіи или върноподданничествъ. Когда въ Московскомъ университетъ учредили канедру богословія, старикъ профессоръ Геймъ, памятный лексиконами, съ ужасомъ говориль въ университетской "Ауль": Es ist ein Ende mit der grossen Hochschule Ruthenias. Даже свиръпая холера изувърства, безумная, кричащая, доносящая, полицейская (какъ все у насъ) Магницкаго и Рунича, пронеслась зловредной тучей, побила народъ, попавшійся на дорогћ, и исчезла, воплощаясь въ разныхъ Өотіевъ и Графинь. Въ гимназіяхъ и школахъ катехизисъ преподавался для формы и для экзамена, который постоянно начинался съ "Закона Божья".

Когда пришло время, К. поступилъ въ медико-хирургическую Академію. Это было тоже чисто иностранное заведеніе, и тоже не особенно православное. Тамъ проповъдывалъ Just Christian Loder, другъ Гёте, учитель Гумбольдта, одинъ изъ той плейяды сильныхъ и свободныхъ мыслителей, которые подняли Германію на ту высоту, о которой она не мечтала. Для этихъ людей наука еще была религіей, пропагандой военной; имъ самимъ свобода отъ теологическихъ цѣпей была нова, они еще помнили борьбу, они върили въ побъду и гордились. Лодеръ никогда не согласился бы читать анатомію по Филаретову катехизису. Возлѣ него стояли Фишеръ Вальдгеймскій и операторъ Гильдебрандтъ, о которыхъ я говорилъ въ другомъ мъстъ. Ни слова русскаго, ни русскаго лица, а разные другіе нѣмецкіе адъюнкты, лаборанты, прозекторы и фармацевты: все

русское было отодвинуто на второй планъ. Одно исключеніе мы только и помнимъ, это Детковскій. К. чтилъ его память, и онъ, въроятно, имълъ хорошее вліяніе на студентовъ; впрочемъ медицинскіе факультеты и въ позднъйшее время жили не общей жизнью университетовъ, составленные изъ двухъ націй: нъмцевъ и семинаристовъ, а занимались своимъ дпломъ.

Этого дѣла показалось мало К., и это лучшее доказательство тому, что онъ не былъ нѣмецъ и не искалъ прежде всего профессіи.

Особенной симпатіи къ своему домашнему кругу онъ не могъ имѣть; съ молодыхъ лѣть любилъ онъ жить особнякомъ. Остальная окружающая среда могла только оскорблять и отталкивать его. Онъ принялся читать и читать Шиллера.

К. впослъдствіи перевелъ всего Шекспира, но Шиллера съ себя стереть не могъ.

Шиллеръ былъ необыкновенно по плечу нашему студенту. Поза и Максъ, Карлъ Моръ и Фердинандъ студенты, разбойники-студенты: все это протестъ перваго разсвъта, перваго негодованія. Больше дъятельный сердцемъ чёмъ умомъ, К. понялъ, овладълъ поэтической рефлекціей Шиллера, его революціонной философіей въ діалогахъ и на нихъ остановился. Онъ былъ удовлетворенъ, критика и скептицизмъ были для него совершенно чужды.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Шиллера онъ попалъ на другое чтеніе и нравственная жизнь его была окончательно рѣшена. Все остальное проходило безслѣдно, мало занимало его. Девяностые годы, эта громадная, колоссальная трагедія въ Шиллеровскомъ родѣ, съ рефлексіями и кровью, съ мрачными добродѣтелями и свѣтлыми идеалами, съ тѣмъ же характеромъ разсвѣта

и протеста, поглотили его. Отчета К. и тутъ себѣ не давалъ. Онъ бралъ французскую революцію, какъ библейскую легенду; онъ вѣрилъ въ нее, онъ любилъ ея лица, имѣлъ личныя къ ней пристрастія и нанависти; за кулисы его ничто не звало.

Такимъ я его встрътилъ въ 1831 году у Пассека и такимъ оставилъ въ 1847 году на Черной Грязи.

Мечтатель, не романтическій, а такъ сказать этикополитическій, врядъ ли могъ найти въ тогдашней медико-хирургической Академін ту среду, которую искалъ. Червь точиль его сердце и врачебная наука не могла заморить его. Отходя отъ окружавшихъ людей, онъ больше и больше вживался въ одно изъ тъхъ лицъ, которыми было полно его воображение. Наталкиваясь вездъ на совсъмъ другіе интересы, на мелкихъ людишекъ, онъ сталъ дичать, привыкъ хмурить брови, говорить безъ нужды горькія истины и истины всёмъ извъстныя, старался жить какимъ-то лафонтеновскимъ "Зондерлингомъ", какимъ-то "Робинсономъ въ Сокольникахъ". Въ небольшомъ саду ихъ дома была бесъдка, туда перебрался "лъкарь К. и принялся переводить лъкаря Шиллера", какъ въ тъ времена острилъ Н. А. Полевой. Въ беседкъ дверь не имъла замка.... въ ней было трудно повернуться: это-то и было надобно. Утромъ копался опъ въ саду, сажалъ и пересаживалъ цваты и кусты, даромъ лечилъ бъдныхъ людей въ околодкъ, правилъ корректуру "Разбойниковъ" и "Фіески", и, вмѣсто молитвы на сонъ грядущій, читалъ рѣчи Марата и Робеспьера. Словомъ, еслибъ онъ меньше занимался книгами и больше заступомъ, онъ былъ бы тьмъ, чьмъ желалъ Руссо, чтобы былъ каждый.

Съ нами К. сблизился черезъ Вадима въ 1831 году. Въ нашемъ кружкъ, состоявшемъ тогда, сверхъ насъ двоихъ, изъ Сазонова, старшихъ Пассековъ и еще двухътрехъ студентовъ, онъ увидълъ какой-то зачатокъ исполненія своихъ завътныхъ мечтаній, новые всходы на плотно скошенной нивъ въ 1826 году, и потому горячо къ намъ придвинулся. Постарше насъ, онъ вскоръ овладълъ "цензурой нравовъ" и не давалъ намъ дълать шагу безъ замѣчаній, а пногда и выговора. Мы в'врили, что онъ практическій человікь и опытный больше нась, сверхъ того мы любили его, и очень. Занемогъ ли кто, К. являлси сестрой милосердія и не оставляль больнаго пока тотъ оправлялся. Когда взяли Кольрейфа, Антоновича и др., К. первый пробрадся къ нимъ въ казармы, развлекалъ ихъ, дълалъ имъ поученія и дошелъ до того, что жандармскій генераль Лисовскій призываль его и внушаль ему быть осторожнее и вспомнить свое звание (Штабъ-Лъкарь!). Когда Надеждинъ, теоретически влюбленный, хотъль тайно обвънчаться съ одной барышней, которой родители запретили думать о немъ, К. взялся ему помогать, устроиль романтическій побёгь, и самь, завернутый въ знаменитомъ плащъ чернаго цвъта съ красной подкладкой, остался ждать завётнаго знака, сидя съ Надеждинымъ на лавочкъ Рождественскаго бульвара. Знака долго не подавали. Надеждинъ унылъ и палъ духомъ. К. стоически утъщалъ его; отчаяніе и утъщенія подъйствовали на Надеждина оригинально, онъ задремалъ. К. насупилъ брови и мрачно ходилъ по бульвару. "Она не прійдеть, говориль Надеждинь съ просонья, пойдемте спать". К. вдвое носупиль брови, мрачно покачалъ головой и повелъ соннаго Надеждина домой. Вслёдъ за ними вышла и дёвушка въ сёни своего дома, и условленный знакъ былъ повторенъ не одинъ, а десять разъ, и ждала она часъ-другой: все тихо, она сама еще тише возвратилась въ свою комнату, въроятно поплакала, но за то радикально вылечилась отъ любви къ Надеждину. К. долго не могъ простить Надеждину эту сонливость и, покачивая головой, съ дрожащей нижней губой говорилъ: "онъ ее не любилъ!"

Участіе К. во время нашего тюремнаго заключенія, во время моей женитьбы, разсказано въ другихъ мѣстахъ. Пять лѣтъ, которые онъ оставался почти одинъ, съ 1834 до 1840, изъ нашего круга въ Москвѣ, онъ съ гордостью и доблестью представлялъ его, храня нашу традицію и не измѣняя ни въ чемъ ни іоты. Такимъ мы его и застали, кто въ 1840, кто въ 1842; въ насъ ссылка, столкновеніе съ чужимъ міромъ, чтеніе и работа измѣнили многое. К., неподвижный представитель нашъ, остался тотъ же, только вмѣсто Шиллера переводилъ Шексшира.

Одна изъ первыхъ вещей, которой занялся К., чрезвычайно довольный, что старые друзья събзжались снова въ Москву, состояла въ возобновленіи своей цензуры тогит, — и туть оказались первыя шереховатости, которыхъ онъ долго не замъчалъ. Его брань иногда сердила, чего прежде не бывало, иногда надобдала. Прежняя жизнь кипъла такъ быстро и шла такъ обще, что никто не обращалъ вниманія на маленькіе камешки по дорогъ. Время, какъ я сказалъ, измънило многое, личности развились ръзче, развились розно — роль добраго, но ворчащаго дяди, часто была хуже чемъ смешна, всъ старались повернуть въ смъшное, покрыть его дружбой, его чистыми намфреніями, ненужную искрепность и обличительную любовь, и делали очень дурно. Да, дурно было и то, что была необходимость покрывать, объяснять, натягивать. Еслибъ его остановили съ самаго начала, не выросли бы тъ несчастныя столкновенія, которыми заключилась наша московская жизнь въ началъ 1847 года.

Впрочемъ новые друзья не совсѣмъ были такъ снисходительны, какъ мы, и самъ Бѣлинскій, очень любившій его, выбившись иной разъ изъ силъ и столько же истерпѣвшій несправедливости, какъ самъ К., давалъ ему рѣзкіе уроки, на цѣлые мѣсяцы переставая съ нимъ спорить. Холоднымъ или равнодушнымъ К. никогда не бывалъ. Онъ былъ постоянно въ пароксизмѣ преслѣдованія, или въ припадкѣ любви, быстро переходя изъ самаго горячаго друга — въ уголовнаго судью; изъ этого ясно, что онъ всего менѣе выносилъ холодъ и молчаніе.

Тотчасъ послъ ссоры или ряда крупныхъ обвиненій, К. развлекался, гнъвъ проходилъ безслъдно, въроятно внутренно бывалъ онъ недоволенъ собой, но никогда не сознаваль; напротивь, онь старался всему придать видъ шутки и опять переходилъ за тѣ предѣлы, за которыми шутка не веселить. Это было въчное повтореніе знаменитаго "Гусака" въ примиреніи Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Кто не видалъ дътей, которыя, закусивъ удила, нервно не могутъ остановиться въ какой нибудь шалости; увъренность въ томъ, что будетъ наказаніе, какъ будто усиливаетъ искушеніе. Чувствуя, что успълъ снова додразнить кого нибудь до холодныхъ и колкихъ отвътовъ, онъ окончательно возвращался въ мрачное расположение духа, поднималъ брови, ходилъ большими шагами по комнатъ, становился трагическимъ лицомъ изъ Шиллеровскихъ драмъ, присяжнымъ изъ суда Фукье Тэнвиля, произносилъ свиръпымъ голосомъ рядъ обвиненій на всёхъ насъ, обвиненій, неим'євшихъ ни мальйшаго основанія, самъ подъ конецъ убъждался въ нихъ и, подавленный горемъ, что его друзья такіе мерзавцы, уходиль угрюмо домой, оставляя насъ ошеломленными, взбешенными до техъ поръ, пока гнъвъ ложился на милость и мы хохотали какъ сумашедшіе.

На другой день К., съ ранняго утра, тихій и печальный, ходиль изъ угла въ уголь; свирбио дымя трубкой и ожидая, чтобъ кто нибудь изъ насъ прівхаль побранить его и помириться; мирился онъ разумфется, сохраняя всегда все свое достоинство взыскательнаго, но стараго дяди. Если же никто не являлся, то К., затая въ груди смертельный страхъ, шелъ печально въ кофейную на Неглинной или въ свътлую, покойную гавань, въ которой всегда встръчалъ его добродушный смъхъ и дружескій пріемъ, т. е. отправлялся къ М. С. Щепкину, ожидая у него пока буря, поднятая имъ, уляжется; онъ разумвется жаловался М. С. на насъ; добрый старикъ мылилъ ему голову, говорилъ, что онъ поретъ дичь, что мы совсвмъ не такіе злодви, какъ онъ говорить, и что онъ его сейчасъ повезетъ къ намъ. Мы знали какъ К. мучился послѣ своихъ выходокъ, понимали, или лучше прощали то чувство, почему онъ не говорилъ прямо и просто, что виновать, и стирали по первому слову до чиста слъды размолвки. Въ нашихъ уступкахъ на первомъ планъ участвовали дамы, становившіяся почти всегда его заступницами. Имъ нравилась его открытая простота (онъ и ихъ не щадилъ), доходившая до грубости, какъ странность; видя ихъ потворство, К. убфдился, что такъ и слъдуетъ поступать, что это мило, и что сверхъ того, это его обязанность.

Наши споры и ссоры въ Покровскомъ иногда бывали полны комизма, а все таки оставляли на цѣлые дни длинную, сѣрую тѣнь.

- Отчего кофе такъ дуренъ? спросилъ я у Матвъя.
- Его не такъ варятъ отвъчалъ К. и предложилъ свою методу. Кофе вышелъ такой же.

- Давайте сюда спиртъ и кофейникъ я самъ сварю, замѣтилъ К. и принялся за дѣло. Кофе не поправился, я замѣтилъ это К. К. попробовалъ и, уже нѣсколько взволнованнымъ голосомъ и устремивъ на меня свой взглядъ изъ подъ очковъ, спросилъ: "Такъ по твоему этотъ кофе не лучше?"
 - Нѣтъ.
- Однако же это удивительно, что ты въ эдакой мелочи не хочешь отказаться отъ своего мийнія.
 - Не я, а кофе.
- Это наконецъ изъ рукъ вонъ, что за несчастное самолюбіе.
- Помплуй, да въдь не я вариль кофе и не я дълалъ кофейникъ...
- Знаю я тебя... лишь бы поставить на своемъ. Какое ничтожество изъ за поганаго кофе, адское самолюбіе! Больше онъ не могъ, удрученный моимъ деспотизмомъ, и самолюбіемъ во вкусѣ, онъ нахлобучилъ свой картузъ, схватилъ лукошко и ушелъ въ лѣсъ. Онъ воротился къ вечеру, исходивши верстъ двадцать; счастливая охота по бѣлымъ грибамъ, березовикамъ и масленкамъ разогнала его мрачное расположеніе, я разумѣется не поминалъ о кофе и дѣлалъ разныя вѣжливости грибамъ.

На слѣдующее утро онъ попытался было снова поставить кофейный вопросъ, но я уклонился.

Одинъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ препинаній, было воспитаніе моего сына. Воспитаніе дёлить судьбу медицины и философіи: всё на свётё имёютъ объ нихъ опредёленныя и рёзкія мнёнія, кромё тёхъ, которые серьезно и долго ими занимались. Спросите о постройкё моста, объ осушеніи болота, человёкъ откровенно скажетъ, что онъ не инженеръ, не агрономъ. Заговорите

о водяной или чахоткѣ, онъ предложитъ лекарство, по памяти, по наслышкѣ, по опыту своего дяди, но въ воспитаніи онъ идетъ далѣе. "У меня, говоритъ, такое правило, и я отъ него никогда не отступаю; что касается до воспитанія, я шутить не люблю, это предметъ слишкомъ близкій къ сердцу".

Какія понятія о воспитаніи долженъ былъ имѣть К., можно вывести до послѣдней крайности изъ того очерка его характера, который мы сдѣлали. Тутъ онъ былъ послѣдователенъ себѣ, обыкновенно толкующіе о воспитаніи и этого не имѣютъ. К. имѣлъ Эмилевскія понятія и твердо вѣровалъ, что ниспроверженіе всего, что теперь дѣлается съ дѣтьми, было бы само по себѣ отличное воспитаніе. Ему хотѣлось исторгнуть ребенка пзъ искусственной жизни и сознательно возвратить его въ дикое состояніе, въ ту первобытную независимость, въ которой равенство простирается такъ далеко, что различіе между людьми и обезьянами снова стерлось бы.

Мы сами были не очень далеки отъ этого взгляда, но у него онъ дѣлался, какъ все однажды усвоенное имъ, фанатизмомъ, нетериящимъ ни сомнѣній, ни возраженій. Въ противодѣйствіи старинному, богословскому, схоластическому, аристократическому воспитанію, съ его догматизмомъ, доктринаризмомъ, натянутымъ педантскимъ классицизмомъ и наружной выправкой, поставленной выше нравственной, выразилась дѣйствительная и справедливая потребность. По несчастію въ дѣлѣ воспитанія, какъ во всемъ, крупный и революціонный путь, зря ломая старое, ничего не давалъ въ замѣну. Дикій предразсудокъ нормальнаго человъка, къ которому стремились послѣдователи Жанъ-Жака, отрышаль ребенка отъ исторической среды, дълаль его въ ней иностранцемъ, какъ будто воспитаніе не есть привитіе родовой жизни лицу.

Споры о воспитаніи рёдко велись на теоретическомъ пол'є, прикладное было слишкомъ близко. Мой сынъ, тогда ему было л'єть семь, восемь, быль слабаго здоровья, очень подверженъ лихорадкамъ и кровавымъ поносамъ. Это продолжалось до нашей по'єздки въ Неаполь, или до встр'єчи въ Сорренто съ однимъ неизв'єтнымъ докторомъ, который изм'єнилъ всю систему леченія и гигіены. К. хот'єль его закалить съ разу, какъ жел'єзо, я не позволилъ и онъ выходилъ изъ себя: "ты консерваторъ", кричалъ онъ съ неистовствомъ, "ты погубишь несчастнаго ребенка, ты сд'єлаешь изъ него изн'єженнаго барича и вм'єсть съ т'ємъ раба".

Ребенокъ шалилъ и кричалъ во время болѣзни матери, я останавливалъ его; сверхъ простой необходимости мнѣ казалось совершенно справедливымъ заставлять его стѣснять себя для другаго, для матери, которая его такъ безконечно любила; но К. мрачно говорилъ мнѣ, затягиваясь до глубины сердечной Жуковымъ: "гдѣ твое право останавливать его крикъ, онъ долженъ кричать, это его жизнь. Проклятая власть родителей!"

Размолвки эти, какъ я ни бралъ ихъ легко, дѣлали тяжелыми наши отношенія и грозили серьезнымъ отдаленіемъ между К. и его друзьями. Еслибъ это было, онъ больше всѣхъ былъ бы наказанъ и потому, что онъ все же былъ очень привязанъ ко всѣмъ, и потому, что онъ мало умѣлъ жить одинъ. Его нравъ былъ по преимуществу экспансивный и вовсе не сосредоточенный. Кто нибудь ему былъ необходимъ. Самый трудъ его былъ постоянной бесѣдой съ другимъ, этотъ другой былъ Шекспиръ. Проработавши цѣлое утро, ему становилось скучно. Лѣтомъ онъ еще могъ бродить по полямъ, работать въ саду; но зимой оставалось надѣть знаменитый плашъ, или верблюжьяго цвѣта шерехова-

тое пальто, и идти изъ подъ Сокольниковъ къ намъ на Арбатъ или на Никитскую.

Доля его строптивой нетерпимости происходпла отъ этого отсутствія внутренней работы, повѣрки, разбора, приведенія въ ясность вопросовъ; для него вопросовъ не было: дѣло рѣшеное, и онъ шелъ впередъ не оглядываясь. Можетъ, еслибъ онъ былъ призванъ на практическое дѣло, это и было бы хорошо, но его не было. Живое вмѣшательство въ общественныя дѣла было невозможно, у насъ въ нихъ мѣшаютъ только первые три класса, и онъ свою жажду дѣла перенесъ на частную жизнь друзей. Мы пзбавлялись отъ пустоты, которая сосала его сердце, теоретической работой. К. рѣшалъ всѣ вопросы sommairement, съ плеча, такъ или иначе—все равно; а рѣшивши, продолжалъ, не запинаясь ни за что и оставаясь упрямо вѣрнымъ своему рѣшенію.

При всемъ томъ, серьезнаго отдаленія до 1846 между нами не было. Natalie очень любила К., съ нимъ неразрывна была память 9 Мая 1838 года, она знала, что подъ его ежевыми колючками хранилась нѣжная дружба, и не хотѣла знать, что колючки росли и пускали дальше и дальше свои корни.

Ссора съ К. представлялась ей чѣмъ-то зловѣщимъ, ей казалось, если времи можетъ подпилить, и притомъ такой маленькой пилкой, одно изъ колецъ такъ крѣпко державшихся во всю юность, то оно примется за другое, и вся цѣпь разсыпется. Середь суровыхъ словъ и жесткихъ отвѣтовъ, я видѣлъ какъ она блѣднѣла и просила взглядомъ остановиться, стряхивала минутную досаду и протягивала руку. Иногда это трогало К., но онъ употреблялъ гигантскія усилія, чтобъ показать, что ему въ сущности все равно, что онъ готовъ примириться, но пожалуй будетъ продолжать ссору.

На этомъ можно было бы годы продлить страшное, колебавшееся отношение карающей дружбы и дружбы уступающей. Но новыя обстоятельства, усложнившія жизнь К., повели дела круче.

У него быль свой романь, странный какъ все въ его жизни и заставившій его быстро осъсть въ довольно топкой семейной сферф. Жизнь К., сведенная на величайшую простоту, на элементарныя потребности стулентскаго бездомовья и кочевья по товарищамъ, вдругъ измѣнилась. У него въ домъ явилась женщина, или вѣрнье, у него явился домь, потому, что въ немъ была женщина. До тъхъ поръ никто не предполагалъ К. семейнымъ человъкомъ, въ своемъ chez soi; его, любившаго до того все дѣлать безпорядочно, ходя закусывать, курить между супомъ п говядиной, спать не на своей кровати, что Константинъ Аксаковъ замъчалъ шутя: "что К. отличается отъ людей твмъ, что люди обвдають, а К. встъ", у него вдругъ ложе, свой очагъ, своя крыша!

Случилось это вотъ какъ.

За нъсколько лътъ до того К., ходя всякій день по пустыннымъ улицамъ между Сокольниками и Басманной, сталь встрвчать бъдную, почти нищую дввочку; утомленная, печальная возвращалась она этой дорогой изъ какой-то мастерской. Она была некрасива, запугана застънчива и жалка, ея существование никъмъ не было замъчено... ее никто не жалълъ. Круглан сирота, она была принята ради имени Христова въ какой-то раскольническій скить, тамъ выросла и оттуда вышла на тяжелую работу, безъ защиты, безъ опоры, одна на свътъ. К. сталъ съ ней разговаривать, пріучиль ее не бояться себя, разспрашивая ее о ея печальномъ ребячествѣ, о ея горемычномъ существованіи. Въ немъ первомъ она нашла участіе и теплоту, и привязалась къ нему душей

и тѣломъ. Его жизнь была одинока и сурова: за всѣми шумами пріятельскихъ пировъ, московскихъ первыхъ спектаклей и Бажановской кофейни, была пустота въ его сердцѣ, въ которой онъ конечно не признался бы даже себѣ самому, но которая сказывалась. Бѣдный, невзрачный цвѣтокъ самъ собою падалъ на его грудь,— и онъ принялъ его, не очень думая о послѣдствіяхъ и, вѣроятно, не приписывая этому случаю особенной важности.

Въ лучшихъ и развитыхъ людяхъ для женщинъ все еще существуетъ что-то въ родъ электоральнаго ценза, и есть классы ниже его, которые считаются естественно обреченными на жертвы. Съ ними не женировались мы всъ, и потому бросить камень врядъ ли посмъетъ кто нибудь.

Сирота безумно отдалась К. Не даромъ воспиталась она въ раскольническомъ скиту: она изъ него вынесла способность изувърства, идолопоклонства, способность упорнаго, сосредоточеннаго фанатизма и безграничной преданности. Все, что она любила и чтила, чего боялась, чему повиновалась, Христосъ и Богоматерь, святые угодники и чудотворныя иконы: все это теперь было въ К., человъкъ, который первый пожалъль, первый приласкалъ ее. И все это было въ половину скрыто, погребено, не смъло обнаружиться.

..... У ней родился ребенокъ; она была очень больна, ребенокъ умеръ... Связь, которая должна была скрѣпить ихъ отношенія, лопнула. К. сталъ холоднѣе къ С., видался рѣже и наконецъ совсѣмъ оставилъ ее. Что это дикое дитя "не разлюбитъ его даромъ" — можно было смѣло предсказать. Что же у ней оставалось на всемъ бѣломъ свѣтѣ, кромѣ этой любви? Развѣ броситься въ Москву рѣку. Бѣдная дѣвушка, оканчивая дневную работу, едва прикрытая скуднымъ платьемъ, выходила, не

смотря ни на ненастье, ни на холодъ, на дорогу, ведущую къ Басманной, и ждала часы цёлые, чтобъ встрётить его, проводить глазами, и потомъ плакать, плакать цѣлую ночь; большею частью она пряталась, но иногда кланялась ему и заговаривала. Если онъ ласково отвѣчаль, С. была счастлива и весело бъжала домой. О своемъ же "несчасти", о своей любви, она говорить стыдилась и не смъла. Такъ прошли года два или больше. Молча и безропотно выносила она судьбу свою. Въ 1845 К. переселился въ Петербургъ. Это было свыше силъ. Не видать его даже на улицъ, не встръчать издали и не проводить глазами, знать, что онъ за семьсотъ верстъ, между чужими людьми, и не знать здоровъ ли онъ и не случилось ли съ нимъ какой бъды. Этого вынести она не могла. Безъ всякихъ пособій и помощи, С. начала копить копъйками деньги, сосредоточила всъ усилія къ одной цёли, работала мёсяцы, исчезла и добралась таки до Петербурга. Тамъ, усталая, голодная, исхудалая, она явилась къ К., умоляя его, чтобъ онъ не оттолкнулъ ее, чтобъ онъ ее принялъ, что дальше ей ничего не нужно, она найдеть себъ уголь, найдеть черную работу, будеть жить на хлёбё и водё, — лишь бы остаться въ томъ городъ гдъ онъ, и иногда видъть его. Тогда только К. вполнъ понялъ, что за сердце билось въ ея груди. Онъ быль подавлень, потрясень. Жалость, раскаяніе, сознаніе, что онъ такъ любимъ, измѣнили роли: теперь она останется здъсь у него, это будеть ен домъ, онъ будеть ея мужемъ, другомъ, покровителемъ. Ея мечтанія сбылись, забыты холодныя осеннія ночи, забыть страшный путь, и слезы ревности, и горькія рыданья: она съ нимъ, и уже навърное не разстанется больше — живая. До прівзда К. въ Москву никто не зналъ всей этой исторіи, развъ одинъ Михаилъ Семеновичъ — теперь скрыть

ее было невозможно и не нужно: мы двое и весь нашъ кругъ приняли съ распростертыми объятіями этого дичка, сдълавшаго геройскій подвигъ. И эта-то дъвушка, полная любви, со своей безусловной преданностью, покорностью, надълала К. бездну вреда. На ней было все благословеніе и все проклятіе, лежащее на пролетаріатъ — да еще особенно на нашемъ.

Въ свою очередь и мы нанесли ей чуть ли не столько же зла, сколько она К.

И то и другое въ совершенномъ невъденіи и съ безусловной чистотой намфреній! Она окончательно испортила жизнь К., какъ ребенокъ портитъ кистью хорошую гравюру, воображая, что онъ ее раскрашиваетъ. Между К. и С., между С. и нашимъ кругомъ, лежалъ огромный, страшный обрывь, во всей ръзкости своей крутизны, безъ мостовъ, безъ брода. Мы и она принадлежали къ разнымъ возрастамъ человъчества, къ разнымъ формаціямъ его, къ разнымъ томамъ всемірной исторіи. Мы — д'яти новой Россіи, вышедшіе изъ Университета и Академіи, мы, увлеченные тогда политическимъ блескомъ Запада, мы, религіозно хранившіе свое невъріе, открыто отрицавшіе церковь; и она, воспитавшаяся въ раскольническомъ скитъ, въ до-петровской Россіи, во всемъ фанатизмъ сектаторства, со всъми предразсудками прячущейся религіи, со всёми причудами стариннаго русскаго быта. Связывая вновь, необыкновенной силой воли, порванные концы, она кръпко держалась за узелъ. Ускользнуть К. уже не могъ. Но онъ п не хотъль этого. Упрекая себя въ прошедшемъ, К. искренно стремплся загладить его; подвигъ С. увлекъ его. Склоняясь передъ нимъ, онъ зналъ, что въ свою очередь и онъ дёлаетъ жертву; но, натура въ высшей степени чистая и благородная, онъ былъ радъ ей какъ пскупленію. Только зналъ онъ одну матеріальную сторону ея: фактическое стѣсненіе жизни; — противорѣчіе сожитія стараго студента съ шиллеровскими мечтами, съ женщиной, для которой не только міръ Шиллера не существоваль, но и міръ грамотности, міръ всего свѣтскаго образованія, — ему и въ голову не приходило.

Что ни говори и ни толкуй, но пословица inter pares amicitia совершенно върна, и всякій mesaillance — впередъ посъянное несчастие. Много глупаго, надменнаго, буржуазнаго разумълось подъ этимъ словомъ, но сущность его истинна. Въ худшемъ изъ всъхъ неравенствъ — въ неравенствъ развитія, одно спасеніе и есть: воспитаніе одного лица другимь, но для этого надобно два рѣдкіе дара: надобно, чтобъ одинь умпль воспитывать, а другой умълъ воспитываться, чтобъ одинъ велъ, другой шель. Гораздо чаще неразвитая личность, сведенная на мелочь частной жизни, безъ другихъ захватывающихъ душу интересовъ, одолъваетъ; человъка возьметъ одурь, усталь; онъ незамътно мельчаетъ, съуживается и, чувствуя неловкость, все же успокопвается, запутанный нитками и тесемками. Бываетъ и то, что ни та, ни другая личность не сдаются, и тогда сожитіе превращается въ консолидированную войну, въ въчное единоборство, въ которомъ лица крепнутъ и остаются на въки въковъ въ безплодныхъ усиліяхъ съ одной стороны поднять и съ другой стянуть, т. е. отстоять свое мъсто. При равныхъ силахъ этотъ бой поглощаетъ жизнь, и самыя кръпкія натуры истощаются и падають обезсиленными середь дороги. Падаетъ всего прежде натура развитая, ея эстетическое чувство глубоко оскорблено двойнымъ строемъ, лучшія минуты, въ которыя все звонко п ярко, ей — отравлены: экспансивные люди страстно требують, чтобъ все близкое имъ, было близко

ихъ мысли, ихъ религіи; — это принимаютъ за нетерпимость. Для нихъ прозелитизмъ дома, продолженіе апостольства, пропаганды; ихъ счастіе оканчивается тамъ, гдѣ ихъ не понимаютъ.... а чаще всего ихъ не хотятъ понять.

Позднее воспитаніе сложившейся женщины дёло очень трудное; особенно трудное въ тёхъ сожитіяхъ, которыми оканчиваются, а не начинаются близкія отношенія. Связи легко, вётренно начатыя, рёдко подымаются выше спальной и кухни. Общая крыша слишкомъ поздно покрываетъ ихъ, чтобъ подъ ней можно было учиться, развё какое нибудь странное несчастіе разбудитъ душу спящую, но способную проснуться. По большей части la petite femme никогда не дёлается большой, никогда не дёлается женой и сестрой вмъстъ. Она остается или любовницей и лореткой, или дёлается кухаркой и любовницей.

Сожитіе подъ одной крышей само по себѣ вещь страшная, на которой рушилась половина браковъ. Живя тѣсно вмѣстѣ, люди слишкомъ близко подходятъ другъ къ другу, видятъ другъ друга слишкомъ подробно, слишкомъ на распашку, и незамѣтно срываютъ по лепестку всѣ цвѣты вѣнка, окружающаго поэзіей и граціей личность. Но одинаковость развитія сглаживаетъ многое. А когда ен нѣтъ, а есть праздный досугъ, нельзя вѣчно пороть вздоръ, говорить о хозяйствѣ или любезничать; а что же дѣлать съ женщиной, когда она что-то промежуточное между одалиской и служанкой, существо тѣлесно близкое и умственно далекое. Ее не нужно днемъ, а она безпрестанно тутъ; мужчина не можетъ дѣлить съ ней своихъ интересовъ, она не можетъ не дѣлить съ нимъ своихъ сплетень.

Каждая неразвитая женщина, живущая съ развитымъ

мужемъ, напоминаетъ миъ Далилу и Самсона: она отръзываетъ его силу, и отъ нея никакъ не остережещься. Межиу объдомъ, даже и очень позднимъ, и постелью чаже тогда, когда ложимся въ десять часовъ, есть еще бездна времени, въ которое не хочется больше заниматься и еще не хочется спать, въ которое бълье сочтено и расходъ провъренъ. Вотъ въ эти-то часы жена стягиваеть мужа въ тёсноту своихъ дрязгъ, въ міръ раздражительной обидчивости, пересудовъ и злыхъ намековъ. Безследнымъ это не остается. Бываютъ прочныя отношенія сожитія мужчины съ женщиной безъ особеннаго равенства развитія, основанныя на удобствь, на хозяйствъ, я почти скажу на гигіенъ. Иногда это рабочія ассоціацій, взаимная помощь, соединенная съ взаимнымъ удовольствіемъ; большей частію жена берется какъ сидълка, какъ добрая хозяйка, pour avoir un bon pot ан feu, какъ говорплъ мнъ Прудонъ. Формула старой юрисируденціи очень умна, a mensa et toro, уничтожь общій столь и общую кровать, они и разойдутся съ покойной совфстью.

Эти дѣловые браки, чуть ли не лучшіе. Мужъ постоянно въ своихъ занятіяхъ, ученыхъ, торговыхъ, въ своей канцеляріи, конторѣ, лавкѣ. Жена постоянно въ бѣльѣ и прппасахъ. Мужъ возвращается усталый: все готово у него, и все идетъ шагомъ и маленькой рысцой къ тѣмъ же воротамъ кладбища, къ которымъ доѣхали родители. Это явленіе чисто городское, въ Англіи оно ивляется чаще чѣмъ гдѣ либо; это та среда мѣщанскаго счастья, о которомъ проповѣдывали моралисты французской сцены, о которой мечтаютъ Нѣмцы (*);

^(*) Ни у пролетарія, ни у крестьянь ність между мужемь и женой двухь разныхь образованій, а есть тяжелое равенство передъ работой и тяжелое неравенство власти мужа и жены.

въ ней легче уживаются разныя степени развитія черезъ годъ послѣ окончанія курса въ университетѣ; тутъ есть раздѣленіе труда и чинопочитаніе. Мужъ, особенно при капиталѣ, дѣлается тѣмъ, чѣмъ его назваль смыслъ народный — хозяинъ, "mon bourgeois " своей жены. Этимъ путемъ, и благодаря законамъ о наслѣдствѣ, онъ не заростетъ травой, всякая женщина постоянно остается женщиной на содержаніи, если не у посторонняго, то у своего мужа. Она это знаетъ.

«Dessen Brod man ist Dessen Lied man singt».

Но въ этихъ бракахъ есть свое нравственное единство, есть свое одинакое воззрѣніе, свои одинакія цѣли. К. самъ цёли не имёль и не могь быть ни хозяиномь, ни воспитателемъ. Онъ не могъ даже бороться съ С., она всегда уступала. Своимъ крикомъ, своимъ строптивымъ характеромъ онъ запугалъ ее. При ея развитомъ сердцѣ, у нея было тяжелое, упирающееся пониманіе, та неповоротливость мозга, которую мы часто встручаемъ въ людяхъ, совершенно непривычныхъ къ отвлеченной работъ, и которая составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ до-иетровскихъ временъ. Соединенная съ своимъ кровнымъ, болъзненнымъ, она ничего не желала и ничего не боялась. Да и чего же было бояться? Бѣдности? да развъ она всю жизнь не была бъдна, развъ она не вынесла нищету, эту бъдность съ унижениемъ. Работы? развъ она не работала съ утра до ночи въ мастерской за нъсколько грошей. Ссоры, разлуки? Да, последнее было страшно, и очень; но она до такой степени отказалась отъ всякой воли, что трудно было съ ней въ самомъ дѣлѣ поссориться, а капризъ она вынесла бы, пожалуй вынесла бы и побои, лишь бы быть увъренной, что онъ ее хоть немного любитъ и не хочетъ съ ней разстаться. И онъ этого не хотълъ, и на это сверхъ всего росла новая причина. Ее очень хорошо поняла чутьемъ любви С. Темно сознавая, что она не можетъ вполнъ удовлетворить К., она стала замънять чего въ ней не было постоянными уходомъ и заботливостью.

К. было за сорокъ лътъ. Въ отношеніп къ домашнему комфорту онъ не быль избаловань. Онъ почти всю жизнь прожиль дома, такъ какъ киргизъ въ кибиткъ, безъ собственности и безъ желанія ее имъть, безъ всякихъ удобствъ и безъ потребности на нихъ. Исподволь все мъняется; онъ окруженъ сътью вниманья и услугъ, онъ видитъ дътскую радость, когда онъ чъмъ нибудь деволень; ужась и слезы, когда онъ поднимаеть брови; п это всякій день, съ утра до ночи. К. сталъ чаще оставаться дома: жаль же было и ее оставлять постоянно одну. Къ тому же трудно было, чтобъ К. не бросалось въ глаза различіе между ея совершенной покорностью и возраставшимъ отпоромъ нашимъ. С. переносила самые несправедливые взрывы его съ кротостью дочери, которая улыбается отцу, скрывая слезы, и ожидаетъ, безъ rancune, чтобъ туча прошла. Покорная, безотвътная до рабства, С., трепещущая, готовая плакать и цёловать руку, имъла огромное вліяніе на К. Нетерпимость воспитывается уступками.

Тереза, бѣдная, глупая Тереза Руссо, развѣ не сдѣлала изъ пророка равенства щепетильнаго разночинца, постоянно занятаго сохраненіемъ своего достоинства?

Вліяніе С. на К. приняло ту самую складку, о которой говорить Дидро, жалунсь на Терезу. Руссо быль подозрителень; Тереза развила подозрительность его въ мелкую обидчивость и, нехотя, безъ умысла, разсорила его съ лучшими друзьями. Вспомните, что Тереза никогда не умѣла порядкомъ читать и никогда не могла

выучиться узнавать который чась,— что ей не помѣшало довести ипохондрію Руссо до мрачнаго помѣшательства.

Утромъ Руссо заходитъ къ Ольбаху; человъкъ приносить завтракъ и три куверта: Ольбаху, его женъ и Гриму; въ разговоръ никто не замъчаетъ этого, кромъ Жанъ-Жака. Онъ беретъ шляпу. "Да останьтесь же завтракать", говоритъ г-жа Ольбахъ и велитъ подать приборъ; но уже поправить поздно: Руссо, желтый отъ досады, бъжить, мрачно проклиная родь человъческій, къ Терезъ и разсказываетъ, что ему не поставили тарелки, намекая, чтобъ онъ ушелъ. Ей такіе разсказы по душт; въ нихъ она могла принять горячее участіе: они ставили ее на одну доску съ нимъ, и даже немного повыше его, и она сама начинала сплетничать, то на Мте Удсто, то на Давида Юма, то на Дидро. Руссо грубо перерываетъ связи, пишетъ безумныя и оскорбительныя письма, вызываеть иногда страшные отвъты. (напр. отъ Юма) и удаляется, оставленный всёми, въ Монморанси, проклиная, за недостаткомъ людей, воробьевъ и ласточекъ, которымъ бросалъ зерна.

Еще разъ: безъ равенства, нѣтъ брака въ самомъ дѣлѣ. Жена, исключенная изъ всѣхъ интересовъ, занимающихъ ея мужа, чуждая имъ, не дѣлящая ихъ, наложница, экономка, нянька, но не жена въ полномъ, въ благородномъ значеніи слова. Гейне говорилъ о своей "Терезѣ", что опа "не знаетъ, и никогда не узнаетъ о томъ, что онъ писалъ". Это находили милымъ, смѣшнымъ и никому не приходило въ голову спросить: "Зачѣмъ же она была его жена? Мольеръ, читавшій своей кухаркѣ свои комедіи, былъ во сто разъ человѣчественнѣе. За то Мте Айнъ и заплатила вовсе нехотя своему мужу. Въ послѣдніе годы его страдальческой жизни, она окружила его своими пріятельницами и пріятелями,

увядшими камеліями прошлаго сезона, сдѣлавшимися нравственными дамами отъ морщинъ, и полинялыми, посѣдѣвшими, падшими на ноги друзьями ихъ.

Я нисколько не хочу сказать, чтобъ жена непремѣнно должна и дѣлать и любить то, что дѣлаетъ и любитъ
мужъ. Жена можетъ предпочитать музыку, а мужъ живопись:—это не разрушитъ равенства. Для меня всегда
были ужасны, смѣшны и безсмысленны оффиціальныя
тасканія мужа и жены, и чѣмъ выше, тѣмъ смѣшнѣе;
зачѣмъ какой нибудь императрицѣ Евгеніи являться
на кавалерійское ученіе и зачѣмъ Викторіи возить
своего мужчину, le Prince Consort, на открытіе парламента, до котораго ему дѣла нѣтъ. Гейне прекрасно
дѣлалъ, что не возилъ свою дородную половину на
веймарскіе куртаги. Проза ихъ брака была не въ этомъ,
а въ отсутствіи всякаго общаго поля, всякаго общаго
интереса, который бы связывалъ ихъ помимо половаго
влеченія...

Перехожу ко вреду, который мы сдѣлали бѣдной С. Ошибка, сдѣланная нами, опять таки родовая ошибка всѣхъ утопій и идеализмовъ. Вѣрно схватывая одну сторону вопроса, обыкновенно не обращается никакого вниманья къ чему эта сторона приросла и можно ли ее отдѣлить, — никакого вниманья на глубокое сплетеніе жилъ, связывающихъ дикое мясо со всѣмъ организмомъ. Мы все еще по христіански думаемъ, что стоитъ сказать хромому "возьми одръ твой и ступай", онъ и пойдетъ.

Мы разомъ перебросили затворницу С., — С. полудикую, невидавшую людей, изъ ея одиночества въ нашъ кругъ. Ея орнгинальность нравилась, мы хотъли ее сберечь и обломили послъднюю возможность развитія, отняли у нея охоту къ нему, увъривъ ее, что и токо хорошо. Но оставаться просто по прежнему ей самой не хотѣлось. Что же вышло? Мы, революціонеры, соціалисты, защитники женскаго освобожденія, сдѣлали изънаивнаго, преданнаго, простодушнаго существа, московскую мъщанку!

Не такъ ли Конвентъ, Якобинцы и сама Коммуна сдълали изъ Франціи—мъщанина, изъ Парижа—épicier?

Первый домъ, открывшійся С. съ любовью, съ теплотой сердца, былъ нашъ домъ. Natalie поѣхала къ ней и силой привезла къ намъ. Съ годъ времени С. держалась тихо и дичилась чужихъ; пугливая и застѣнчивая, какъ прежде, она была полна тогда своего рода народной поэзіи. Ни малѣйшаго желанія обращать на себя вниманіе своей странностью; напротивъ, желаніе, чтобъ ее не замѣтили. Какъ дитя, какъ слабый звѣрекъ, она прибѣгала подъ крыло Natalie; ея преданности тогда не было границъ. Часы цѣлые любила она играть съ Сашей и разсказывала ему и намъ подробности своего ребячества, своей жизни у раскольниковъ, своихъ горестей въ ученьи, т. е. въ мастерской.

Она сдѣлалась чгрушкой нашего круга; это наконецъ ей понравилось; она поняла, что ея положеніе, что она сама — оригинальны, и съ этой минуты она пошла ко дну; — никто не удерживалъ ее. Одна Natalie серьезно думала о томъ, чтобъ развить ее. С. не принадлежала къ гуртовымъ натурамъ; ее миновали множество дрянныхъ недостатковъ; она не любила рядиться, была равнодушна къ роскоши, къ дорогимъ вещамъ, къ деньгамъ, — лишь бы К. не чувствовалъ нужды, былъ бы доволенъ, до остальнаго ей не было дѣла. Сначала С. любила долго-долго говорить съ Natalie и вѣрила ей, кротко слушала ея совѣты и старалась имъ слѣдовать...., но оглядѣвшись, обжившись въ нашемъ кругу и, можетъ, подстрѣкаемая другими, тѣшившимися ем странностями,

она начала показывать страдательную оппозицію и на всякое замъчание далеко не наивно отвъчала: "Ужъ я такая несчастная, гдё мнё мёняться, да передёлываться; видно ужъ такая глупая и безталанная и въ могилу сойду." Въ этихъ словахъ, свѣдома или безъ въдома, звучало задътое самолюбіе. Она перестала себя чувствовать свободной у насъ, ръже и ръже ходила она къ намъ. "Богъ съ ней, съ Н. А.", говорила она, "разлюбила она меня бъдную". Панибратство, пансіонская фамиліярность, были чужды Natalie; въ нейво всемъ преобладаль элементь покойной глубины и великаго эстетическаго чувства. С. не поняла смысла разницы обхожденіи съ нею Natalie и другихъ, и забыла кто первый протянуль ей руку и прижаль къ сердцу; вибств съ ней отдалился и К., все больше и больше угрюмый и раздражительный.

Подозрительность К. удвоплась. Въ каждомъ неосторожномъ словъ онъ видълъ преднамъренностъ, злой умысель, желаніе обидъть, и не его одного, а и С. Она со своей стороны плакала, жаловалась на судьбу, обижалась за К. и, по закону нравственной ревербераціи, собственныя подозрънія его возвращались къ нему удесятеренными. Его обличительная дружба стала превращаться въ желаніе найти въ насъ вины, въ надзоръ, въ постоянное полицейское слъдствіе и мелкіе недостатки его друзей покрывали для него гуще и гуще всъ остальныя стороны ихъ.

Въ нашъ чистый, свътлый, совершеннолътній кругъ стали врываться пересуды дъвичьей и пикировка провинціональныхъ чиновниковъ.

Раздражительность К. становилась заразительной; постоянныя обвиненія, объясненія, примиренія, отравляли наши сходки.

Вся эта ѣдкая пыль насѣдала во всѣ щели, и мало но малу разлагала цементъ, соединявшій такъ прочно наши отношенія къ друзьямъ. Мы всѣ подверглись вліянію сплетень. Самъ Грановскій сталъ угрюмъ и раздражителенъ, несправедливо защищалъ К. и сердился. Къ Грановскому приходилъ К. съ своими обвиненіями противъ меня и Огарева. Грановскій не вѣрилъ имъ; но, жалѣя "больнаго, огорченнаго и все таки любящаго К.", запальчиво бралъ его сторону и сердился на меня за недостатокъ терпимости. "Вѣдь ты знаешь, что у него нравъ такой; это болѣзнь, вліяніе доброй С., но неразвитой и тяжелой, дальше и дальше толкаетъ его на этотъ несчастный путь, а ты споришь съ нимъ, какъ будто онъ былъ въ нормальномъ положеніи".

Чтобъ кончить этотъ грустный разсказъ, приведу два примъра... Въ нихъ ярко выразилось какъ далеко мы ушли отъ теоріи варенія кофея въ Покровскомъ.

Какъ-то вечеромъ, весной 1846 года, у насъ было человъкъ пять близкихъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ Михаилъ Семеновичъ. — "Нанялъ ты нынѣшній годъ домъ въ Соколовѣ?" — Нѣтъ еще: денегъ нѣтъ, а тамъ надобно платить впередъ. — "Неужели же все лѣто останешься въ Москвѣ?" — Подожду немного, потомъ увидимъ. — Вотъ и все. Никто не обратилъ на этотъ разговоръ никакого вниманія и, черезъ секунду, шла покойно другая рѣчь. Мы собирались на другой день нослѣ обѣда съѣздить въ Кунцово, которое любили съ дѣтства. К., Коршъ и Грановскій хотѣли ѣхать съ нами. Поѣздка состоялась, и все шло своимъ порядкомъ, кромѣ К., мрачно подымавшаго брови; но наконецъ всѣ были обстрѣлены.

Вечеръ былъ весенній, безъ палящаго жара, но теп-

лый; листъ только что развернулся; мы сидѣли въ саду, шутя и разговаривая. Вдругъ К., молчавшій съ полчаса, всталъ и остановился передо мной; съ лицомъ прокурора оемическаго суда и съ дрожащей отъ негодованія губой, онъ сказалъ мнѣ:

"А надобно тебѣ честь отдать: ловко ты вчера Михаилу Семеновичу напомниль, что онъ еще не заплатиль тебѣ девятьсотъ рублей, которые браль у тебя".

Я истинно ничего не понялъ; тѣмъ больше, что навърное годъ не думалъ о долгѣ Щепкина.

— Деликатно, нечего сказать: старикъ теперь безъ денегъ, со своей огромной семьей, собирается въ Крымъ, а тутъ ему въ присутствии пяти человѣкъ: "нѣтъ денегъ на наемъ дачи"! Фу, какая гадость.

Огаревъ вступился за меня. К. накинулся на него, нелѣпымъ обвиненіямъ не было конца; Грановскій попробовалъ его унять, не смогъ и уѣхалъ съ Коршемъ прежде насъ. Я былъ разсерженъ, униженъ и отвѣчалъ очень жестко. К. посмотрѣлъ изъ подлобья и, не говоря ни слова, пошелъ пѣшкомъ въ Москву. Мы остались одни и въ какомъ-то жалкомъ раздраженіи поѣхали домой. Я хотѣлъ на этотъ разъ дать сильный урокъ и, если не вовсе прервать, то пріостановить сношенія съ К. Онъ раскаявался, плакалъ; Грановскій требовалъ мира, говорилъ съ Natalie, былъ глубоко огорченъ. Я помирился, но не весело и говоря Грановскому: "вѣдь это на три дня".— Вотъ прогулка, а вотъ и другая.

Мѣсяца черезъ два мы были въ Соколовѣ. К. п С. отправились вечеромъ въ Москву. Огаревъ поѣхалъ ихъ провожать верхомъ на своей черкесской лошади; не было ни тѣни ссоры, размолвки.

..... Огаревъ возвратплся черезъ два-три часа; мы посмъялись, что день прошелъ такъ мирно, — и разошлись. На другой день Грановскій, который наканунѣ быль въ Москвѣ, встрѣтилъ меня у насъ въ паркѣ; онъ былъ задумчивъ, грустнѣе обыкновеннаго, и наконецъ сказалъ мнѣ, что у него есть что-то на душѣ и что онъ хочетъ поговорить со мной. Мы пошли длинной аллеей и сѣли на лавочкѣ, видъ съ которой знаютъ всѣ, бывшіе въ Соколовѣ. "Герценъ,—сказалъ мнѣ Грановскій,— еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, какъ больно.... какъ я, не смотря ни на что, всѣхъ люблю, ты знаешь..... и съ ужасомъ вижу, что все разваливается. И тутъ, какъ на смѣхъ, мелкія ошибки, проклятое невниманіе, чедели-катность..."

- Да что случилось, скажи пожалуйста? спросиль я, дъйствительно испуганный.
- То, что К. взбѣшенъ противъ Огарева, да и по правдѣ сказать, трудно не быть взбѣшеннымъ; я стараюсь, дѣлаю что могу, но силъ моихъ нѣтъ, особливо, когда люди не хотятъ ничего сами сдѣлать.
 - Да дѣло-то въ чемъ?
- А вотъ въ чемъ: вчера Огаревъ поѣхалъ К. и С. провожать верхомъ.
- При миѣ было, да я и Огарева видѣлъ вечеромъ, онъ ни слова не говорилъ.
- На мосту "Кортикъ" зашалилъ, сталъ на дыбы; Огаревъ, усмиряя его, съ досады выругался при С., и она слышала.... да и К. слышалъ. Положимъ, что онъ не подумалъ, но К. спрашиваетъ: "отчего на него не находятъ разсѣянности въ присутствіи твоей жены или моей". Что на это сказать?.... и притомъ, при всей простотъ своей, С. очень сентиментальна, что при ея положеніи очень понятно.

Я молчалъ. Это перешло всъ границы.

— Что же тугъ дълать?

- Очень просто: съ негодяями, которые въ состояніи намѣренно забываться при женщинѣ, надобно раззнакомиться. Съ такими людьми быть близкимъ другомъ презрительно...
- Да онъ не говоритъ, что Огаревъ это сдѣлалъ намѣренно.
- Такъ о чемъ же рѣчь? И ты, Грановскій, другъ Огарева, ты, который такъ знаешь его безграничную деликатность, повторяешь бредъ безумнаго, котораго пора посадить въ желтый домъ. Стыдно тебъ.

Грановскій смутился.

— Боже мой, — сказаль онь, — неужели и наша кучка людей, единственное мъсто гдъ я отдыхаль, надъялся, любиль, куда спасался отъ гнетущей среды, — неужели и она разойдется въ ненависти и злобъ?

Онъ покрылъ глаза рукой.

Я взялъ другую; мнѣ было очень тяжело.

— Грановскій, сказаль я ему, — К. правъ: мы всѣ слишкомъ близко подошли другъ къ другу, слишкомъ стиснулись и заступили другъ другу въ постромки..... Gemach! другъ мой, Gemach! намъ надобно провѣтриться, освѣжиться. Огаревъ осенью ѣдетъ въ деревню, я скоро уѣду въ чужіе края, — мы разойдемся безъ ненависти и злобы; что было истиннаго въ нашей дружбѣ, то поправится, очистится разлукой.

Грановскій плакалъ. Съ К. по этому дёлу никакихъ объясненій не было.

Огаревъ дъйствительно осенью уъхалъ, а вслъдъ за нимъ и мы.

Laurelhouse, Putney, 1857.

Пересмотрено въ Буассьере и на дороге, въ Сентябре 1865.

... Рѣже и рѣже доходили до насъ вѣсти о московскихъ друзьяхъ. Запуганные терроромъ послѣ 1848 г., они ждали вѣрной оказіи. Оказіи эти были рѣдки, паспортовъ почти не выдавали. Отъ К. годы цѣлые ни слова; впрочемъ онъ никогда не любилъ писать.

Первую живую вѣсть послѣ моего переселенія въ Лондонъ привезъ въ 1855 году докторъ ІІ. — К. былъ въ своей стихіи, шумѣлъ на банкетахъ въ честь севастопольцевъ, обнимался съ Погодинымъ и Кокоревымъ, обнимался съ черноморскими моряками, шумѣлъ, бранился, поучалъ. Огаревъ, пріѣхавшій прямо со свѣжей могплы Грановскаго, разсказывалъ мало; его разсказы были печальны.

Прошло еще года полтора. Въ это время была окончена мною эта глава и кому первому изъ постороннихъ прочтена?

Да, — habeunt sua fata libelli.

Осенью 1857 года прівхаль въ Лондонъ Чичеринъ. Мы его ждали съ нетерпвніємъ; нвкогда одинъ изъ любимыхъ учениковъ Грановскаго, другъ Корша и К., онъ для насъ представлялъ близкаго человвка. Слышали мы о его жесткости, о консерваторскихъ веллентетахъ, о безмврномъ самолюбіи и доктринаризмв, но онъ еще былъ молодъ... Много угловатаго обтачивается теченьемъ времени.

— Я долго думаль, ёхать мнё къ вамъ, пли нёть? къ вамъ теперь такъ много ёздить русскихъ, что, право, надобно имёть больше храбрости не быть у васъ, чёмъ быть; я же, — какъ вы знаете, — вполнё уважая васъ, далеко не во всемъ согласенъ съ вами.

Вотъ съ чего началъ Чичеринъ.

Онъ подходилъ не просто, не юно, у него были камни за назухой; свётъ его глазъ былъ холоденъ, въ тэмбрё

голоса быль вызовь и страшная, отталкивающая самоувъренность. Съ первыхъ словъ я понялъ, что это не противникъ, а врагь; но подавилъ физіологическій сторожевой окрикъ, и мы разговорились.

Разговоръ тотчасъ перешелъ къ воспоминаніямъ и къ разспросамъ съ моей стороны. Онъ разсказывалъ о послъднихъ мъсяцахъ жизни Грановскаго, и, когда онъ ушелъ, я былъ довольнъе имъ, чъмъ сначала.

На другой день, послѣ обѣда, рѣчь зашла о К. Чичеринъ говорилъ о немъ, какъ о человъкъ, котораго онъ любитъ, беззлобно смъясь надъ его выходками; изъ подробностей, сообщенныхъ имъ, я узналъ, что обличительная любовь къ друзьямъ продолжается, что вліяніе С. дошло до того, что многіе изъ друзей ополчились противъ нея, исключили изъ своего общества и проч. Увлеченный разсказами и воспоминаніями, я предложиль Чичерину прочесть ненапечатанную тетрадь о К. и прочелъ ее всю. Я много разъ раскаявался въ этомъ, не потому, чтобъ онъ во зло употребилъ читанное мною, а потому, что мнъ было больно и досадно, что я въ сорокъ пять летъ, могъ разоблачать наше прошедшее передъ черствымъ человъкомъ, насмъявшимся потомъ съ такой безпощадной дерзостью надъ тъмъ, что онъ называлъ моимъ "темпераментомъ".

Разстоянія, дѣлившія наши воззрѣнія и наши темпераменты, обозначились скоро. Съ первыхъ дней начался споръ, по которому ясно было, что мы расходимся во всемъ. Онъ былъ почитатель французскаго демократическаго строя и имѣлъ нелюбовь къ англійской, неприведенной въ порядокъ, свободѣ. Онъ въ императорствѣ видѣлъ воспитаніе народа, и проповѣдывалъ сильное государство и ничтожность лица передъ нимъ. Можно понять, что были эти мысли въ приложеніи къ русскому

вопросу. Онъ былъ гувернементалистъ, считалъ правительство гораздо выше общества и его стремленій, и принималъ императрицу Екатерину II почти за идеалъ того, что надобно Россіи. Все это ученіе шло у него изъ цѣлаго догматическаго построенія, изъ котораго онъ могъ всегда и тотчасъ выводить свою философію бюрократіи.

— Зачѣмъ вы хотите быть профессоромъ? — спрашивалъ я его, и ищете канедру? — Вы должны быть министромъ и искать портфель.

Споря съ нимъ, проводили мы его на желѣзную дорогу и разстались несогласные ни въ чемъ, кромѣ взаимнаго уваженія.

Изъ Франціи онъ написаль миѣ недѣли черезъ двѣ письмо, съ восхищеніемъ говориль о работникахъ, объ учрежденіяхъ. "Вы нашли то, что пскали, отвѣчаль я ему, и очень скоро. Вотъ что значитъ ѣхать съ готовой доктриной". Потомъ я предложилъ ему начать печатную переписку и написалъ начало длиннаго письма.

Онъ не хотълъ, говорилъ, что ему некогда, что такая полемика будетъ вредна...

Замѣчаніе, сдѣланное въ Колоколю о доктринерахъ вообще, онъ принялъ на свой счеть; самолюбіе было задѣто и онъ мнѣ прислалъ свой "обвинительный актъ", надѣлавшій въ то время большой шумъ.

Чичеринъ кампанію потеряль, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія. Взрывъ негодованія, вызванный его письмомъ, напечатаннымъ вь Колоколю, былъ общимъ въ молодомъ обществѣ, въ литературныхъ кругахъ. Я получилъ десятки статей и писемъ, одно было напечатано. Мы еще шли тогда въ восходящемъ пути, и Катковскіе бревна трудно было класть подъ ноги. Сухо-оскорбительный, дерзко-гладкій тонъ возмутилъ, можетъ, больше содержанія, и меня и публику одинакимъ образомъ: онъ былъ еще новъ тогда. За то со стороны Чичерпна стали: Елена Павловна, Ифигенія Зимняго дворца; Тимашевъ, начальникъ III отдѣленія и Н. Х. К.

К. остался въренъ реакціп, не потому, чтобъ "Грандисона Ловласу предпочла", а потому — что, носимый безъ собственнаго компаса à la remorque кружка, онъ остался въренъ ему, не замъчая, что тотъ плыветъ въ противную, ложную сторону. Человъкъ котеріи, для него вопросы шли подъ знаменемъ лицъ, а не наоборотъ.

Никогда не доработавшись ни до одного яснаго понятія, ни до одного твердаго убъжденія, онъ шелъ съ благородными стремленіями и завязанными глазами, и постоянно билъ враговъ, не замѣчая, что позиціи мѣнялись, и въ этихъ-то жмуркахъ билъ насъ, билъ другихъ, бьетъ кого нибудь и теперь, воображая, что дѣлаетъ дѣло.

Прилагаю письмо, писанное мною къ Чичерину для начала пріятельской полемпки, которой помѣшалъ его прокурорскій обвинительный актъ.

My learned friend,

Спорить съ вами мив невозможно. Вы знаете много, знаете хорошо, все въ вашей головъ свъжо и ново, а главное, вы увърены въ томъ что знаете, и потому покойны; вы съ твердостью ждете раціональнаго развитія событій въ подтвержденіе программы, раскрытой наукой. Съ настоящимъ вы не можете быть въ разладъ, вы знаете, что если прошедшее было такъ и такъ, настоящее должно быть такъ и такъ и привести къ такому-то будущему; вы примиряетесь съ нимъ вашимъ пониманіемъ, вашимъ объясненіемъ. Вамъ досталась завидная доля священниковъ: утъшеніе скорбящихъ

въчными истинами вашей науки и върой въ нихъ. Всъ эти выгоды вамъ даетъ доктрина потому, что доктрина исключаетъ сомнъніе. Сомнъніе — открытый вопросъ, доктрина — вопросъ закрытый, решенный. Оттого всякая доктрина исключительна и неуступчива, а сомнъніе никогда не достигаетъ такой різкой законченности; оно потому и сомнине, что готово согласиться съ говорящимъ, или добросовъстно искать смыслъ въ его словахъ, теряя драгоцънное время, необходимое на пріискиваніе возраженій. Доктрина видитъ истину подъ определеннымъ угломъ и принимаетъ его за едино-спасающій уголь, а сомнівніе ищеть отдівлаться отъ всіхь угловъ, осматривается, возвращается назадъ, и часто парализуетъ всякую дъятельность своимъ смиреніемъ передъ истиной. Вы, ученый другъ, опредъленно знаете куда идти, какъ вести; -- я не знаю. И оттого я думаю, что намъ надобно наблюдать и учиться; а вамъ, учить другихъ. Правда, мы можемъ сказать какъ не надобно, можемъ возбудить дёятельность, привести въ безпокойство мысль, освободить ее отъ цёпей, улетучить призраки церкви и събзжей, академіи и уголовныя палаты, вотъ и все; но вы можете сказать какъ надобно.

Отношеніе доктрины къ предмету есть религіозное отношеніе, то есть отношеніе съ точки зрънія въчности; временное, проходящее, лица, событія, покольнія едва входять въ Сатро Santo науки, или входять, уже очищенные отъ живой жизни, въ родъ гербарія логическихъ тѣней. Доктрина въ своей всеобщности живеть дъйствительно во всѣ времена, она и въ своемъ времени живеть какъ въ исторіи, не портя страстнымъ участіемъ теоретическое отношеніе. Зная необходимость страданія, доктрина держить себя какъ Симеонъ-Столпникъ, на пьедесталъ, жертвуя всѣмъ временнымъ —

въчному, общимъ идеямъ — живыми частностями. Словомъ, доктринеры больше всего историки; а мы, вмъстъ съ толиой, вашъ субстратъ; вы исторія für sich, мы исторія an sich. Вы намъ объясняете чъмъ мы больны, но больны ли мы? Вы насъ хороните, послъ смерти награждаете пли наказываете, вы доктора и попы наши; но больные ли мы п умпрающіе?

Этотъ антагонизмъ не новость, и онъ очень полезенъ для движенія, для развитія. Еслибъ родъ людской могъ весь повърить вамъ, онъ можетъ сдълался бы благоразумнымъ, но умеръ бы отъ всемірной скуки. Покойный Филимоновъ поставилъ эпиграфомъ къ своему "дурацкому колпаку": Si la raison dominait le monde, il ne s'y passerait rien.

Геометрическая сухость доктрины, алгебранческая безличность ея, даютъ ей обшпрную возможность обобщеній; она должна бояться впечатлівній и, какъ Августь, приказывать, чтобъ Клеопарта опустила покрывало. Но для дъятельного вмъшотельство надобно больше страсти, нежели доктрины, а алгебранчески страстенъ человъкъ не бываетъ. Всеобщее онъ понимаетъ, а частное любитъ или ненавидитъ. Спиноза со всею мощью своего откровеннаго генія пропов'ядываль необходимость считать существеннымъ одно неточимое молью, въчное, неизмѣнное, субстанцію, и не полагать своихъ надеждъ на случайное, частное, личное. Кто этого не пойметъ въ теоріи? Но только привязывается человъкъ къ одному частному, личному, совершенному; въ уравнов вшиваніи этихъ крайностей, въ ихъ согласномъ сочетаніи, высшая мудрость жизни.

Если мы отъ этого общаго опредѣленія нашихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія перейдемъ къ частнымъ, мы, при одинаковости стремленій, найдемъ не меньше

антагонизма, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы согласны въ началѣ. Примѣромъ это легче объяснить. Мы совершенно согласны въ отношеніи къ религіи; но согласіе это идетъ только на отрицаніе надзвѣздной религіи, и, какъ только мы являемся лицомъ къ лицу съ подлунной религіей, разстояніе между нами неизмѣримо. Изъ мрачныхъ стѣнъ собора, пропитанныхъ ладономъ, вы пере- ѣхали въ свѣтлое присутственное мѣсто, изъ Гвельфовъ вы сдѣлались Гибеллиномъ, чины небесные замѣнились для васъ—государственнымъ чиномъ, поглощеніе лица въ богѣ — поглощеніемъ его въ государствѣ, богъ замѣненъ централизаціей и попъ квартальнымъ надзирателемъ.

Вы въ этой перемънъ видите переходъ, успъхъ; мы — новыя цепи. Мы не хотимъ быть ни Гвельфами, ни Гибеллинами. Ваша свътская, гражданская и уголовная религія тъмъ страшнье, что она лишена всего поэтическаго, фантастическаго, всего дътскаго характера, который замёнится у вась канцелярскимъ порядкомъ, пдоломъ государства, съ царемъ на верху п палачемъ внизу. Вы хотите, чтобъ человъчество, освободившееся отъ церкви, ждало стольтія два въ передней присутственнаго мъста, пока каста жрецовъ-чиновниковъ и монаховъ-доктринеровъ рфинтъ какъ ему быть вольнымъ и на сколько, въ родъ нашихъ комитетовъ объ освобожденіи крестьянъ. А намъ все это протпвно; мы можемъ многое допустить, сделать уступку, принести жертву обстоятельствамъ; но для васъ это не жертвы. Разумфется и тутъ вы счастливфе насъ. Утративъ религіозную въру, вы не остались ни причемъ и, найдя, что гражданскія в рованія челов жу зам вняють христіанство, вы ихъ приняли, и хорошо сдёлали для нравственной гигіены, для покоя. Но лікарство это намъ першитъ въ горяф, и мы ваше присутственное мфсто,

вашу централизацію ненавидимъ совсѣмъ не меньше инквизиціи, консисторіи, кормчей книги.

Понимаете ли вы разницу:—вы, какъ учитель, хотите учить, управлять, пасти стадо.

Мы, какъ стадо, приходящее къ сознанію, не хотимъ, чтобъ насъ пасли, а хотимъ имѣть свои земскія избы, своихъ повѣренныхъ, своихъ подъячихъ, которымъ поручать хожденіе по дѣламъ. Оттого насъ правительство оскорбляетъ на всякомъ шагу своей властью, а вы ему рукоплещете, такъ какъ ваши предшественники, попы, рукоплескали свѣтской власти. Вы можете и расходиться съ нимъ, такъ какъ духовенство расходилось, или какъ люди, ссорящіеся на кораблѣ: какъ бы они ни удалились другъ отъ друга, за бортъ вы не уйдете, и для насъ, мірянъ, вы все таки будете со стороны его.

Гражданская религія, апотеоза государства — идея чисто романская, а въ новомъ мірѣ, преимущественно французская. Съ нею можно быть сильнымъ государствомъ, но нельзя быть свободнымъ народомъ; можно имѣть славныхъ солдатъ... но нельзя имѣть незавпсимыхъ гражданъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, совсѣмъ напротивъ, отняли религіозный характеръ полиціп и администраціп, до той степени, до которой это возможно.

эпилогъ

Перечитывая главу о К., невольно призадумываешься о томъ, что за чудаки, что за оригинальныя личности живутъ и жили на Руси! Какими капризными развитіями сочилась и просочилась исторія нашего образованія. Гдѣ, въ какихъ кранхъ, подъ какимъ градусомъ ши-

роты, долготы, возможна угловатая, шероховатая, взбалмошная, безалаберная, добрая, недобрая, шумная, неукладистая фигура К., кромъ Москвы?

А сколько я ихъ наглядѣлся, этихъ оригинальныхъ фигуръ "во всѣхъ родахъ различныхъ", начиная съ моего отца и оканчивая Дѣтьми Тургенева.

"Такъ русская печь печетъ"! говорилъ мнѣ Погодинъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ чудесъ она не печетъ, особенно когда хлѣбъ сажаютъ на нѣмецкій ладъ... отъ саекъ и калачей до православныхъ булокъ съ Гегелемъ и французскихъ хлѣбовъ à la quatre-vingt-treize! Досадно, если всѣ эти своеобычныя печенья пропадутъ безслѣдно. Мы останавливаемся обыкновенно только на сильныхъ лѣятеляхъ.

... Но въ нихъ меньше видна русская печь, въ нихъ ея особенности поправлены, выкуплены; въ нихъ больше русскаго склада ума, чѣмъ печи. Возлѣ нихъ пробиваются, за ними плетутся разные партикулярные люди, сбившіеся съ дороги: вотъ въ нхъ-то числѣ не оберешься чудаковъ. Волостные проводники историческихъ теченій, капли дрожжей, потерявшихся въ опарѣ, но поднявшихъ ее не для себя. — Люди, рано проснувшіеся темной ночью и ощупью отправившіеся на работу, толкаясь обо все, что ни попадалось на дорогѣ, они разбудили другихъ на совсѣмъ другой трудъ.

... Попробую когда нибудь спасти еще два три профиля отъ полнаго забвенія. Ихъ ужъ теперь едва видно изъ за съраго тумана, изъ за котораго только и выръзываются вершины горъ и утесовъ.

ВАЗИЛЬ И АРМАНСЪ

(Эпизодъ изъ 1844 года.)

Къ нашей второй виллежіатурт относится очень характеристическій эпизодъ; его не помѣтить просто жаль, не смотря на то, что я и Natalie участвовали въ немъ очень мало. Эпизодъ этотъ можно бы назвать: Армансъ и Базиль — философъ изъ учтивости, христіанинъ изъ въжливости и Жакъ Ж.-Санда, дълающійся Жакомъ фаталистомъ. Начался онъ на французской томболѣ.

Зимой 1843 г. я повхаль на томболу. Публики было бездна, помнится тысячь пять человвкъ; — знакомыхъ почти никого. Базиль шмыгнуль съ какой-то маской, ему было не до меня. Онъ слегка покачаль головой и прищурилъ ръсницы такъ, какъ дълаютъ знатоки, находя вино превосходнымъ и бекаса удивительнымъ.

Баль быль въ залѣ благороднаго собранія. Я походиль, посидѣль, глядя какъ русскіе аристократы, переодѣтые въ разныхъ пьеро, ото всей души усердствовали представить изъ себя парижскихъ сидѣльцевъ и отчалиныхъ канканеровъ, — и пошелъ ужинать на верхъ. Тамъ-то меня отыскалъ Базиль. Онъ былъ совершенно не въ нормальномъ положеніп, а въ первомъ разгарѣ остраго періода любви; онъ у него былъ тѣмъ острѣе, что Базилю тогда было около сорока лѣтъ, и волосъ началъ падать съ его возвышеннаго чела. Безсвязно толковалъ онъ мнѣ о какой-то французской "Миньонѣ,

со всей простотой "Клерхенъ" и со всей игривой прелестью парижской гризетки".

Сначала я думаль, что это одинъ изъ техъ романовъ въ одну главу, въ которыхъ побъда на первой страниць, а на послъдней — виъсто оглавления — счеть. Но убѣдился, что это не такъ. Базпль видѣлъ свою парижанку во второй или третій разъ и велъ циркумволюціонныя линіп, не бросаясь на приступъ. Онъ меня познакомиль съ ней. Армансь была дъйствительно живое, милое дитя Парижа, совершенно уродившееся въ отца. Отъ ея языка до манеръ и извъстной самостоятельности, отваги, - все въ ней принадлежало благородному плебейству великаго города. Она еще была работница, а не мъщанка. У насъ этотъ типъ никогда не существоваль. Беззаботная веселость, развязность, свобода, шалость и, середь всего, чутье самосохраненія, чутье опасности и чести. Дёти, брошенныя иногда съ десяти лётъ на борьбу съ бѣдностью и искушеніями, беззащитныя, окруженныя заразой Парижа и всевозможными сътями, онъ сами становятся своимъ провидъніемъ н охраной. Такія дівушки могуть легко отдаться, но взять ихъ невзначай, врасплохъ, трудно. Тъ изъ нихъ, которыхъ можно бы было купить, -- до этого круга работницъ не доходятъ: онъ уже куплены прежде, завертълись, унеслись и исчезли въ омутъ другой жизни, пногда на всегда, иногда для того, чтобъ черезъ пятьшесть лътъ явиться въ своей коляскъ по Longchamp, или въ первомъ нрусѣ оперы въ своей ложѣ—mit Perlen und Diamanten. — Базиль былъ влюбленъ по уши. Резонеръ въ музыкъ и философъ въ живописи, онъ былъ одинъ изъ самыхъ полныхъ представителей ультрагегельянцевъ. Онъ всю жизнь носился въ эстетическомъ небъ, въ философскихъ и критическихъ подробностяхъ.

На жизнь онъ смотрель такъ, какъ Регеръ на Шексппра, возводя все въ жизни къ философскому значенію, дълая скучнымъ все живое, пережеваннымъ все свъжее; словомъ, не оставляя въ своей непосредственности ни одного движенья души. Взглядъ этотъ впрочемъ въ разныхъ степеняхъ принадлежалъ тогда почти всему кружку; иные срывались талантомъ, другіе живостью; но у всёхъ еще долго оставался — у кого жаргонъ, у кого и самое дёло. "Пойдемъ, — говорилъ Бакунинъ Т..... въ Берлинъ, въ началъ сороковыхъ годовъ, окунуться въ пучину дъйствительной жизни, броспися въ ея волны"; — и они шли просить Фарнгагена фонъ Энзе, чтобъ онъ ихъ ввелъ ловкимъ купальщикомъ въ практическія пучины и представиль бы ихъ одной хорошенькой актрисф. Понятно, что съ этими приготовленіями, не только ни до какого купанья въ страстяхъ, "разъъдающихъ тайники духа нашего", но вообще ни до какого поступка дойти нельзя. Не доходять до нихъ п нъмцы; но за то нъмцы и не ищутъ поступковъ, а какъ бы поспокойнъе. Наша натура, напротивъ, не выносить этого нашего отношенія — des theoretischen Schwelgen: -- запутывается, спотыкается и падаеть больше смѣшно, чѣмъ опасно. Итакъ, влюбленный и сорокольтній философъ, щуря глазки, сталь сводить всь спекулятивные вопросы на "демоническую силу любви". равно влекущую Геркулеса и слабаго отрока къ ногамъ Омфалы, началъ умснить себъ и другимъ нравственную идею семьи, почву брака (Гегелевой философіи права, глава Sittlichkeit). Препятствій не было со стороны Гегеля. Но призрачный міръ случайности и кажущагося, - міръ духа, неосвободившагося отъ преданій, не быль такъ сговорчивъ. У Базиля быль отецъ, Петръ Конычъ, богачъ, который самъ былъ женатъ последовательно на трехъ, и отъ каждой имѣлъ человѣка по три дѣтей. Узнавъ, что его сынъ, и притомъ старшій, котѣлъ жениться на католичкѣ, на нищей, на француженкѣ, да еще съ Кузнецкаго моста, онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ благословеніи. Безъ родительскаго благословенія, можетъ, Базиль, принявшій шикъ и манеры скептицизма, какъ нибудь и обощелся бы; но старикъ связывалъ съ благословеніемъ не только послѣдствіе jenseits (на томъ свѣтѣ), но и disesseits (на этомъ свѣтѣ), а именно насладство.

Препятствіе старика, какъ всегда, двинуло дѣло впередъ, и Базиль сталъ подумывать о скорѣйшей развязкѣ. Оставалось жениться, не говоря худаго слова, и впослѣдствіи заставить старика принять un fait ассомріі, или скрыть отъ него бракъ, въ ожиданіи, что онъ скоро не будетъ ни благословлять, ни клясть, ни распоряжаться наслѣдствомъ.

Но непросвътленный міръ преданій и тутъ подставляль свою ногу. Обвънчаться подъ сурдинку въ Москвъ было не легко, чрезвычайно дорого и тотчасъ бы дошло до отца черезъ діаконовъ, архидіаконовъ, дьячковъ, просвирень, свахъ, прикащиковъ, сидъльцевъ и разныхъ потаскушекъ. Положено было посондировать нашего отца Іоанна, въ с. Покровскомъ, извъстнаго читателямъ по мнъ, своей исторіей о похищеніи въ нетрезвомъ видъ серебряныхъ "часовъ и шкатулки" у дьячка.

Отецъ Іоаннъ, узнавъ, что непокорному сыну около сорока лѣтъ, что невѣста не русская и что родителей ен здѣсь нѣтъ — что, сверхъ меня, подпишется свидѣтелемъ университетскій профессоръ, сталъ меня благодарить за такую милость, полагая вѣроятно, что я старался женить Базиля для доставленія ему двухъсотенной бумажки. Онъ былъ до того тронутъ, что за-

кричалъ въ другую комнату: — "Попадья, попадья, выпусти два-три яичка", и досталъ изъ шкапа полуштофъ, заткнутый бумажкой для того, чтобъ меня поподчивать.

Все шло прекрасно.

Дня свадьбы и прочее не назначали. Армансъ должна была прівхать къ намъ, въ Покровское, погостить; Базиль (хотвый ее сопровождать) возвратиться въ Москву и, окончательно устроившись, идти отъ отцовскаго проклятія—подъ благословеніе пьяненькаго отца Іоанна.

... Ожидая і promessі sposi, мы велёли приготовить ужинь и сёли ждать. Ждемь — ждемь; бьеть двёнадцать ночи. Никого нёть... Чась, — никого нёть. Дамы пошли уснуть; я съ Г. и К. принялся за ужинь. Le ore suonan al quadriano, e una, e due, e tre...

Ма... ихъ нътъ какъ нътъ.

... Наконецъ колокольчикъ ближе и ближе; повозка постучала по мосту. Мы бросились въ сѣни. Тарантасъ, заложенный тройкою, быстро въѣзжалъ на дворъ — и остановился. Вышелъ Базиль. Я подошелъ датъ руку Армансъ; она вдругъ меня схватила за руку, да съ такой силой, что я чуть не вскрикнулъ, — и потомъ разомъ бросилась мнѣ на шею, съ хохотомъ повторяя, Мопsieur Herstin... Это былъ никто иной какъ Висаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій іп propria persona.

Въ тарантасѣ не было больше никого, кромѣ Бѣлинскаго, который хохоталъ до кашля, и Базиля, который до насморка чуть не плакалъ. Мы смотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ. Для дополненія эфекта надобно замѣтить, что два дня тому назадъ въ Москвѣ о Бѣлинскомъ и слуху не было.

"Давайте мнъ ъсть" — сказалъ наконецъ Бълинскій,

"я вамъ разскажу тамъ какія у насъ были чудеса; надобно же выручить несчастнаго Базпля, который васъ боится больше Армансъ".

Вотъ что случилось. Видя, что дело быстро приближается къ развизкъ, Базиль испугался; началъ рефлектировать и совершенно сконфузился, обдумывая неумолимый фатализмъ брака, неразрушимость его по кормчей книгъ и по книгъ Гегеля. Онъ заперся, отданный на жертву духу мучительнаго изследованія и безпощаднаго анализа. Страхъ возрасталъ съ часу на часъ, и тъмъ больше, что дорога къ отступленію была тоже не легка и, чтобы ръшиться на нее, почти надобно было имъть столько же характера, какъ и на самый бракъ. Страхъ этоть рось до тъхъ поръ, пока въ дверь постучался Бѣлинскій, пріфхавшій изъ Петербурга прямо къ нему въ домъ. Базиль разсказалъ ему весь ужасъ, съ которымъ онъ идетъ на срътеніе своего счастія, и все отвращеніе, съ которымъ онъ вступаетъ въ бракосочетаніе по любви, - и требоваль его совъта и помощи.

Вѣлинскій отвѣчалъ ему, что надобно быть сумасшедшимъ, чтобъ послѣ этого — сознательно и зная впередъ что будетъ, — положить на себя такую цѣпь. "Вотъ Герценъ", говорилъ онъ, "и женился, и жену свою увезъ, и за ней пріѣзжалъ изъ ссылки; а спроси его: онъ ни разу ни задумывался слѣдуетъ ему такъ дѣлать, или нѣтъ, и какія будутъ послѣдствія. Я увѣренъ, что ему казалось, что онъ не можетъ пначе поступить. Ну, ему и вытанцовалось. А ты тоже хочешь сдѣлать, любомудрствуя и рефлектируя".

Только этого и надобно было Базплю. Онъ въ туже ночь написалъ Армансъ диссертацію о бракѣ, о своей несчастной рефлексіп, о невозможности простаго счастія для пытливаго духа; пзлагалъ всѣ невыгоды п

опасности ихъ соединенія, п спрашиваль у Армансь совъта, что имъ теперь дълать?

Отвътъ Армансъ онъ привезъ съ собой.

Въ разсказъ Вълинскаго и въ письмъ Армансъ объ натуры:— ея и Базиля, — вполнъ вышли какъ на ладони. Дъйствительно, брачный союзъ такихъ противоположныхъ людей былъ бы страненъ. Армансъ писала ему грустно; она была удивлена, оскорблена, рефлексіи его не понимала, а видъла въ нихъ предлогъ, охлажденіе; говорила, что, въ такомъ случаъ, не должно быть и ръчи о свадьбъ, развязывала его отъ даннаго слова и заключила тъмъ, что, послъ случившагося, имъ не слъдуетъ видъться. "Я васъ буду помнить", — писала она: "съ благодарностью, и нисколько не виню васъ: я знаю, вы чрезвычайно добры, но еще больше слабы! Прощайте же и будьте счастливы!"

Такое письмо должно быть не совсёмъ пріятно получить. Въ каждомъ словё сила, энергія и не много свысока. Дитя славнаго плебейскаго кряжа, Армансъ поддержала свое происхожденіе. Будь это англичанка, какъ бы крёпко она ухватилась за письмо Базиля, какъ, ртомъ бы своего добродётельнаго соллиситора разсказала съ негодованіемъ, со стыдомъ, о первомъ пожатіи руки, о первомъ поцёлув, и какъ бы ея адвокатъ, со слезами на глазахъ и мёломъ въ парикѣ, потребовалъ у присяжныхъ вознаградить обиженную невинность тысячею пли двумя фунтовъ.

Француженью, бъдной швею, это п въ голову не пришло.

Два или три дня, которые они провели въ Покровскомъ, были печальны для эксъ-жениха. Точно ученикъ. сильно напакостившій въ классѣ — и который боится и учителя, и товарищей.

Вскорѣ мы услышали, что Б. ѣдетъ въ чужіе края. Онъ писалъ ко мнѣ письмо смутное, недовольное собой, звалъ проститься. Въ первыхъ числахъ Августа, я поѣхалъ изъ Покровскаго въ Москву: новая дисертація поѣхала въ тоже время изъ Москвы въ Покровское къ Natalie. Я отправился къ Б. и прямо попалъ на прощальный пиръ. Пили шампанское, и въ тостахъ, въ желаніяхъ, были какіе-то странные намеки. "Вѣдь ты не знаешь",— сказалъ мнѣ Базиль на ухо: "вѣдь я... того... и онъ прибавилъ шопотомъ: вѣдь Армансъ ѣдетъ со мной. Вотъ дѣвушка! Я теперь только ее узналъ", и онъ качалъ головой.

Это стоило появленія Бѣлинскаго.

Въ эпистолъ къ Natalie онъ пространно объясняль ей, что мысль и рефлекція о женитьбѣ, повергли его въ раздумье и отчанніе: онъ усомнился и въ своей любви къ Армансъ, и въ своей способности къ семейной жизни; что такимъ образомъ, онъ дошелъ до мучительнаго сознанія, что онъ долженъ все разорвать и бѣжать въ Парижъ, что въ этомъ расположеніи онъ явился смѣшнымъ и жалкимъ въ Покровское. Рѣшившись такимъ образомъ, онъ, перечитывая письмо Армансъ, сдѣлалъ новое открытіе; именно, что онъ Армансъ любитъ очень много, и потому потребовалъ у нея свиданія и снова предложиль ей руку. Онъ думалъ опять о покровскомъ попѣ, но близость Мамоновской фабрики пугала его. Вѣнчаться онъ собирался въ Петербугѣ и тотчасъ ѣхалъ во Францію. "Армансъ рада какъ ребенокъ".

Въ Петербургъ Базиль придумалъ вънчаться въ Казанскомъ соборъ. Чтобъ при этомъ философія и наука не были забыты, онъ пригласилъ для совершенія обряда протоіерея Сидонскаго, ученаго автора "Введенія въ науку философіи". Сидонскій давно зналъ Б. по его статьямъ, какъ свободнаго свѣтскаго мыслителя и нѣмецкаго любомудра. Послѣ всѣхъ чудесъ, бывшихъ съ Армансъ, ей досталась честъ, рѣдко достающаяся, послужить поводомъ одной изъ самыхъ комическихъ встрѣчъ двухъ заклятыхъ враговъ: религіи и науки.

Сидонскій, чтобъ блеснуть своимъ мірскимъ образованіемъ, передъ вѣнчаніемъ сталъ говорить о новыхъ философскихъ брошюрахъ и, когда все было готово и дьячекъ подалъ ему эпитрахиль, къ которой онъ приложился и сталъ надѣвать, онъ, потупя взоры, сказалъ Б.: "Вы извините: обряды-съ; я весьма хорошо знаю, что христіанскій ритуалъ сдѣлалъ свое время, что..."

— О нѣтъ, нѣтъ, — прервалъ его Базиль голосомъ полнымъ участія и состраданія: Христіанство вѣчно; его сущность, его субстанція не можетъ пройти.

Сидонскій поблагодариль цёломудреннымь взглядомь "рыцарственнаго" антагониста, обратился къ клиру и запёль: "благословень богъ нашъ — п нынё и присно и во вёки вёковъ" — "Аминь!" — грянулъ клиръ, и дёло пошло своимъ порядкомъ, и Б. въ вёнцё, и Армансъ въ вёнцё повелъ Сидонскій вокругъ аналоя... заставляя ликовать Исаію.

Изъ Собора Базиль отправился съ Армансъ домой, и оставивъ ее тамъ, явился на литературный вечеръ Краевскаго. Черезъ два дня Бѣлинскій посадилъ молодыхъ на пароходъ. Теперь-то, подумаютъ, исторія навѣрное окончена.

Нисколько.

До Категата дѣло шло очень хорошо; но тутъ попался проклятый Жакъ Ж.-Санда.

— Какъ ты думаешь о Жакъ?— спросилъ Б. Армансъ, когда она кончила романъ.

Армансъ сказала свое мнѣніе.

Базиль объявиль ей, что оно совершенно ложно, что

она оскорбляетъ своимъ сужденіемъ глубочайшія стороны его духа и что его *міросозерцаніе* не имѣетъ ничего общаго съ ея.

Сангвиническая Армансъ не хотъла мънять міросозерцанія; такъ прошли оба Бельта.

Вышедши въ Нѣмецкое море, В. почувствовалъ себя больше дома и сдѣлалъ еще разъ опытъ перемѣнить міросозерцаніе и убѣдить Армансъ иначе взглянуть на Жака.

Умирающая отъ морской бользни, Армансъ собрала послъднія силы и объявила, что мнънія своего о Жакъ она не перемънитъ.

- Что же насъ связываетъ послѣ этого? замѣтилъ сильно расходившійся Б.
- Ничто, отвъчала Армансъ, et si vous me cherchez querelle, такъ лучше просто разстаться, какъ только коснемся земли.
- Вы ръшились,— говорилъ Б. пътушась.— Вы предпочитаете?....
- Все на свътъ, чъмъ жить съ вами; вы несносный человъкъ, слабый и тиранъ.
 - Madame!
 - Monsieur!

Она пошла въ каюту; онъ остался на палубъ. Армансъ сдержала слово. Изъ Гавра она уѣхала къ отцу, и, черезъ годъ, возвратилась въ Россію одна, и притомъ въ Сибирь.

На этотъ разъ кажется исторія этого перемежающагося брака кончилась.

А впрочемъ Барреръ говорилъ же: "только мертвые не возвращаются".

(Писано 1857, Putney, Laurelhouse.)

ОТРЫВКИ

изъ

БЫЛАГО И ДУМЪ

НЪМЦЫ ВЪ ЭМИГРАЦІИ

Руге, Кинкель, Schwefelbænde. — Американсей Объдъ. — Тне Leader. — Народний сходъ въ St-Martin's Hall.

Нѣмецкая эмиграція отличалась отъ другихъ своимъ тяжелымъ, скучнымъ и сварливымъ характеромъ. Въ ней не было энтузіастовъ, какъ въ итальянской; не было ни горячихъ головъ, ни горячихъ языковъ, какъ между французами.

Другія эмиграцін мало сближались съ нею. Разница въ манерѣ, въ habitus'ѣ, удерживала ихъ на нѣкоторомъ разстояніи; французская дерзость не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой грубостью. Отсутствіе общепринятой свѣтскости, тяжелый школьный доктринаризмъ, излишняя фамильярность, излишнее простодушіе нѣмцевъ, затрудняли съ ними сношенія непривычныхъ людей. Они и сами не очень сближались, считая себя съ одной стороны гораздо выше прочихъ по научному развитію, а съ другой — чувствуя передъ другими непріятную

неловкость провинціала въ столичномъ салонѣ, или чиновника въ аристократическомъ кругу.

Внутри нѣмецкая эмиграція представляла такую же разсыпчатость, какъ и ея родина. Общаго плана у нѣм-цевъ не было: единство ихъ поддерживалось взаимной ненавистью и злымъ преслѣдованіемъ другъ друга. Луч-шіе изъ нѣмецкихъ изгнанниковъ чувствовали это. Люди энергическіе, люди чистые, люди умные, какъ К. Шурцъ, какъ А. Виллихъ, какъ Рейхенбахъ, уѣзжали въ Америку. Люди кроткіе по нраву прятались за дѣлами, за Лондонской далью, какъ Фрейлигратъ. Остальные, не псключая двухъ-трехъ вожаковъ, раздирали другъ друга на части съ неутолимымъ остервенѣніемъ, не щадя ни семейныхъ тайнъ, ни самыхъ уголовныхъ обвиненій.

Вскоръ послъ моего пріъзда въ Лондонъ, поъхалъ я въ Брэйтонъ къ Арнольду Руге. Руге былъ коротко знакомъ Московскому университетскому кругу сороковыхъ годовъ: онъ издавалъ знаменитые Hallische Jahrbücher; мы въ нихъ черпали философскій радикализмъ. Встрътился и съ нимъ въ 1849, въ Парижъ, на неостывшей еще вулканической почвъ. Въ тъ времена было не до изученія личностей. Онъ прівзжаль однимъ пзъ повъренныхъ Баденскаго инсуррекціоннаго правительства звать Мфрославскаго, неумфвшаго по нфмецки, начальствовать арміей фрейшерлеровъ и переговаривать съ французскимъ правительствомъ, которое вовсе не хотьло признавать революціонный Баденъ. Съ нимъ былъ и К. Блиндъ. Послъ 13 Іюня ему и мнъ пришлось бъжать изъ Франціи. К. Блиндъ опоздаль нъсколькими часами и быль посажень въ консьержери. Съ тъхъ поръ я не видалъ Руге до осени 1852. Въ Брэйтонъ я нашелъ его брюзгливымъ старикомъ, озлобленнымъ и злорфчивымъ. Оставленный прежними друзьями, забытый въ Германіи, безъ вліянія на дѣла, и перессорившись съ эмиграціей, — Руге быль поглощенъ сплетнями и пересудами. Въ постоянной связи съ нимъ были два-три бездарнѣйшихъ газетныхъ корреспондента, грошевыхъ фельетонистовъ, мелкихъ мародеровъ гласности, которыхъ никогда не видятъ во время сраженія и всегда послѣ, майскихъ жуковъ политическаго и литературнаго міра, каждый вечеръ съ наслажденіемъ и усердіемъ копающихся въ выброшенныхъ остаткахъ дня. Съ ними Руге составлялъ статейки, подзадоривалъ ихъ, давалъ имъ матеріалы и сплетничалъ на нѣсколько журналовъ въ Германіи и Амернкъ.

Я объдаль у него и провель весь вечерь. Въ продолженіи всего времени онъ жаловался на эмигрантовъ и сплетничаль на нихъ. "Вы не слыхали, — говориль онъ, — какъ идутъ дъла нашего сорока - пяти - лътняго Вертера съ баронессой? Говорятъ, что, открываясь ей въ любви, онъ хотълъ ее увлечь химической перспективой геніальнаго ребенка, который долженъ родиться отъ аристократки и коммуниста? Баронъ не охотникъ до физіологическихъ опытовъ, говорятъ, прогналъ его въ три шеи. Правда-ли это?

- Какъ же вы можете върить такимъ нельпостямъ?

— Да я и въ самомъ дѣлѣ не очень вѣрю. Живу здѣсь въ захолустьи и слышу только о томъ, что дѣлается въ Лондонѣ, отъ нѣмцевъ; всѣ они, а особенно эмигранты, вдругъ богъ знаетъ что, всѣ между собой въ ссорѣ, клевещутъ другъ на друга. Я думаю, это К. распустилъ такой слухъ въ знакъ благодарности за то, что баронесса его выпустила изъ тюрьмы. Вѣдь онъ бы и самъ за ней поволочился, да воли-то нѣтъ. Жена не даетъ ему баловаться: "Ты, говоритъ, меня отъ перваго мужа отбилъ, такъ ужъ теперь довольно....."

Вотъ обращикъ философской бесѣды Арнольда Руге. Одинъ разъ онъ измѣнилъ своему діапазону и сталъ съ дружескимъ участіемъ говорить о Бакунинѣ; но на полъ-дорогѣ спохватился и добавилъ: "А впрочемъ въ послѣднее время онъ какъ-то сталъ опускаться, бредилъ какимъ-то революціоннымъ царизмомъ, панславизмомъ".

Я уёхаль отъ него съ тяжелымъ сердцемъ и съ твердимъ намёреніемъ никогда не возвращаться.

Черезъ годъ онъ читалъ въ Лондонѣ нѣсколько лекцій о философскомъ движеніи въ Германіи. Лекціи были плохи, берлинско - англійскій акцентъ непріятно поражаль ухо; къ тому же онъ всѣ греческія и римскія имена произносилъ на нѣмецкій манеръ, такъ что англичане не могли догадаться кто это Іофисъ, Юно, и проч.

На вторую лекцію пришли десять человѣкъ; на третью человѣкъ пять, да я съ Ворцелемъ. Руге, проходя по пустой залѣ мимо насъ, сильно сжалъ мнѣ руку и прибавилъ: "Польша и Россія пришли, а Италіи нѣтъ; этого я ни Маццини, ни Саффи не забуду при новомъ возстаніи народовъ". Когда онъ ушелъ, разгнѣванный и грозящій, я посмотрѣлъ на сардоническую улыбку Ворцеля и сказалъ ему: "Россія зоветъ Польшу къ себѣ отобѣдать".—«S'en est fait de l'Italic», замѣтилъ Ворцель, качая головой, и мы пошли.

К. былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ. Человѣкъ безукоризненнаго поведенія, работавшій въ потѣ лица своего, что, какъ ни странно можетъ это показаться, почти вовсе не встрѣчалось въ эмиграціи, К. былъ заклятый врагъ Руге; — почему? это такъ же трудно объяснить, какъ то, что проповѣдникъ атеизма, Руге, былъ другомъ нео-католика Ронге.

Готфридъ К. былъ одинъ изъ главъ сорока сороковъ лондонскихъ нъмецкихъ расколовъ. Глядя на него, я всегда дивился, какъ величественная Зевсовская голова попала на плечи нъмецкаго профессора, и какъ нъмецкій профессоръ попалъ сначала на поле сраженія, потомъ, раненый, въ прусскую тюрьму; — а можетъ мудренъе всего этого то, что все это, плюсъ Лондонъ, его нисколько не измѣнило, и онъ остался нѣмецкимъ профессоромъ. Высокій ростомъ, съ седыми волосами и бородой съ просёдью, онъ самъ по себе имелъ величавый и внушающій уваженіе видъ, — но онъ къ нему прибавлялъ какое-то оффиціальное помазаніе, Salbung, что-то судейское и архіерейское, торжественное, натянутое и скромно-самодовольное. Оттёнокъ этотъ въ разныхъ варіяціяхъ встрічается у модныхъ пасторовъ, у дамскихъ врачей; особенно у магнетизеровъ, адвокатовъ, спеціально защищающихъ нравственность, у главныхъ waiter овъ аристократическихъ отелей въ Англіи. К. въ молодости много занимался богословіемъ; освободившись отъ него, онъ остался священникомъ въ пріемахъ. Это не удивительно: самъ Ламене, подрубал такъ глубоко корни католицизма, сохранилъ до старости видъ аббата. Обдуманная и плавная рѣчь К., правильная и избъгающая крайностей, шла какой-то назидательной бесъдой; онъ съ изученнымъ снисхожденіемъ выслушиваль другаго, и съ искреннимъ удовольствіемъ самого себя.

Онъ былъ профессоромъ въ Сомерсетъ-гаузѣ и въ нѣсколькихъ высшихъ заведеніяхъ, читалъ публичныя лекціи объ эстетикѣ въ Лондонѣ и Манчестерѣ:—этого ему не могли простить голодные и праздношатающіеся въ Лондонѣ освободители тридцати четырехъ нѣмецкихъ отечествъ. К. былъ постоянно обругиваемъ въ амери-

канскихъ газетахъ, сдёлавшихся главнымъ стокомъ нёмецкихъ сплетенъ, и на тощихъ митингахъ, ежегодно даваемыхъ въ память Роберта Блюма, перваго баденскаго Schilderhebung'а и проч., перваго австрійскаго Schwertfart'a. Ругали его всв его соотечественники, неимъвшіе никогда уроковъ, всегда просящіе денегъ въ займы, никогда неотдающіе занятаго, и постоянно готовые выдать человъка за шпіона и вора въ случать отказа. К. не отвъчалъ; — писаки лаяли, лаяли, и стали, по крыловски, отставать; только еще изръдка какая нибудь нечесаная и шершавая шавка выбъжить изъ нижняго этажа германской демократіи куда нибудь въ фельетонъ никъмъ нечитаемаго журнала, - и зальется зльйшимь даемь, который такь и напомнить счастливыя времена братскихъ возстаній въ разныхъ Тюбингенахъ, Дармштатахъ и Брауншвейгъ-Вольфенбюттеляхъ.

Въ домѣ К., на его лекціяхъ, въ его разговорѣ, все было хорошо и умно,—но не доставало какого-то масла въ колесахъ, и отъ того все вертѣлось туго, безъ скрыпа, — но тяжело. Онъ говорилъ всегда интересныя вещи; жена его, извѣстная пьянистка, играла прекрасныя вещи; а скука была смертная. Одни дѣти, прыгая, вносили какой-то больше свѣтлый элементъ; ихъ свѣтденькіе глазенки и звонкіе голоса обѣщали меньше достоинства, но больше масла въ колесахъ (*).

^(*) Здъсь пропускъ въ рукописи, которая снова начинается слъдующими словами:... "отвращенія, является горькое чувство зависти. Источникъ этихъ ненавистей долею лежитъ въ сознаніи политической второстепенности германскаго отечества и въ притязаніи играть первую роль". Прим. Издателей.

... Смѣшно національное фанфаронство и у французовъ; но все же они могутъ сказать: "что, нѣкоторымъ образомъ, за человѣчество кровь проливали", въ то время какъ ученые германцы проливали однѣ чернила. Притязаніе на какое-то огромное національное значеніе, идущее рядомъ съ доктринерскимъ космополитизмомъ, тѣмъ смѣшнѣе, что оно не предъявляетъ другаго права, кромѣ неувѣренности въ уваженіи другихъ, желанія sich geltend machen. "За что насъ поляки не любятъ?" говорилъ серьезно въ обществъ гелертовъ одинъ нъмецъ. Тутъ случился журналистъ, умный человъкъ, давно поселившійся въ Англіп.

- Ну это еще не такъ мудрено понять, отвѣчаль онъ: вы лучше скажите, кто насъ любить? Или за что насъ всѣ ненавидятъ?
- Какъ всѣ ненавидятъ? спросилъ удивленный профессоръ.
- По крайней мъръ всъ пограничные: итальянцы, датчане, шведы, русскіе, славяне.
- Позвольте, Herr Doctor, есть же исключенія,—возразиль обезпокоенный и нісколько сконфуженный гелертерь.
- Безъ малъйшаго сомнънія, и какое исключеніе: Франція и Англія.

Ученый началь разцвётать.

— И знаете отчего? — Франція насъ не боится, а Англія презираетъ.

Положеніе нѣмца дѣйствительно печальное, — но печаль его не интересна. Всѣ знаютъ, что они справиться могутъ съ внутреннимъ и внѣшнимъ врагомъ, но не умѣютъ. Отчего, напримѣръ, единоплеменные ей народы: Англія, Голландія, Швеція, свободны, а нѣмцы нѣтъ? Неспособность тоже обязываетъ, какъ дворянство, кой къ чему, и всего больше къ скромности. Нѣмцы чувствуютъ это и прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ, чтобъ имѣть верхъ; они выдаютъ Англію и Сѣверо-Американскіе Штаты за представителей Германизма въ сферѣ государственной ргахів. Руге, разгнѣвавшись на Эдгарда Бауера за его пустую брошюру о Россіи (кажется подъ заглавіемъ Кігсһе und Staat), и подозрѣвая, что я Э. Бауера ввелъ въ искушеніе, писалъ мнѣ, (а потомъ тоже самое напечаталъ въ Жер-

сейскомъ Альманахѣ), что Россія одинъ грубый матеріалъ, дикій и неустроенный, котораго сила, слава и красота только отъ того и происходятъ, что Германскій геній ей придалъ свой образъ и подобіе.

Каждый русскій, являющійся на сцену, встрѣчаеть то озлобленное удивленіе нѣмцевъ, которое не такъ давно находили отъ нихъ же наши ученые, желавшіе сдѣлаться профессорами русскихъ университетовъ и русской академіи. Выписнымъ "коллегамъ" казалось это какой-то дерзостью, неблагодарностью и захватомъ чужаго мѣста.

Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетъ цълую исторію, какъ Ж.-Сандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дёлъ, то видёлъ какую-то компрометирующую Бакунина переписку. Бакунинъ тогда сидълъ, ожидая приговора, въ тюрьмъ — и ничего не подозрѣвалъ. Клевета толкала его на эшафотъ и порывала послъднее общение любви между мученикомъ и сочувствующей ему массой. Другъ Бакунина А. Рейхель, написалъ въ Nohant къ Ж.-Сандъ, и спросилъ ее въ чемъ дѣло? Она тотчасъ отвѣчала Рейхелю и прислала письмо въ редакцію Марксова журнала, отзываясь съ величайшей дружбой о Бакунинѣ; она прибавляла, что вообще никогда не говорила съ Ледрю-Ролленомъ о Бакунинъ, въ силу чего не могла сказать и сказаннаго въ газетъ. Марксъ нашелся ловко и помъстилъ письмо Ж.-Сандъ съ примъчаніемъ, что статейка о Бакунинъ была помъщена во время его отсутствія.

Финалъ совершенно нѣмецкій: онъ невозможенъ не только во Франціи, гдѣ point d'honneur такъ щепетиленъ

и гдѣ издатель зарылъ бы всю нечистоту дѣла подъ кучей фразъ, словъ, околичнословій, нравственныхъ сентенцій, покрылъ бы ее отчаяніемъ qu'on avait surpris sa religion; но даже англійскій издатель, несравненно менѣе церемонный, не смѣлъ бы свалить дѣла на сотрудниковъ (*).

Черезъ годъ послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, Марксова шайка еще разъ возвратилась на гнусную клевету противъ Бакунина, тогда погребеннаго въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

(*) Не смотря на то, что они позволяють себь ужасно много, для ихъ характеристики разскажу одинь случай, бывшій съ Луи-Бланомъ. Теймсъ напечаталь, что Луи-Бланъ, бывши членомъ временнаго правительства, истратилъ "милльона полтора франковъ казенныхъ денегъ" на составленіе себь партіи между работниками. Луи-Бланъ отвъчалъ редакціи, что она имъетъ невърныя свъдънія о немъ, что, при пущемъ желаніи, онъ не могъ ни украсть, ни истратить полтора милльона франковъ; потому что во все время его завъдыванія Люксамбургской Коммиссіей у него не было въ распоряженіи болье 30,000 франковъ. Теймсъ не помъстилъ его отвъта. Луи-Бланъ отправился въ редакцію самъ и потребоваль свиданья съ главнымъ издателемъ. Ему отвъчали, что главнаго издателя вовсе нътъ, что Теймсъ издается какъ-то артелью. Луи-Бланъ требовалъ отвътственнаго артельщика; ему отвъчали, что никто лично ни за что не отвъчаетъ.

"Къ кому же наконецъ я долженъ обратиться, у кого требовать отчетъ въ томъ, что мое письмо въ дѣлѣ, касающемся до моего добраго имени, не было помѣщено"? — Здѣсь, — сказалъ ему одинъ изъ чиновниковъ при Теймсю: "не такъ какъ во Франціи; у насъ нѣтъ ни Gérant responsable, ни законнаго обязательства помѣщать отвѣты".

- Ръшительно нътъ отвътственнаго редактора? спросилъ Луи-Бланъ.
 - Нѣтъ.
- Очень, очень жаль,—замѣтиль Луи-Бланъ, зло улыбаясь: "что нѣтъ главнаго редактора; а то я непремѣнно надавалъ бы ему пощечинъ. Прощайте Господа".
- Good day Sir, good day. God bless you!—повториль чиновникь при Теймсю, учтиво и спокойно отворяя двери.

Въ Англіи, въ этомъ стародавнемъ отечествъ поврежденныхъ, одно изъ самыхъ оригинальныхъ мъстъ между ними занимаеть Давидь Уркуардъ:--человъкъ съ талантомъ и энергіей, эксцентрическій радикаль изъ консерватизма. Онъ помъщался на двухъ идеяхъ: во первыхъ, -- что Турція превосходная страна, имѣющая большую будущность, въ силу чего онъ завелъ себъ турецкую кухню, турецкую баню, турецкіе диваны; во вторыхъ, что русская дипломація, самая хитрая и ловкая во всей Европъ, подкупаетъ и надуваетъ всъхъ государственныхъ людей во всъхъ государствахъ міра сего, и преимущественно въ Англіи. Уркуардъ работалъ годы, чтобъ отыскать доказательства того - что Пальмерстонъ на откупъ у Петербургскаго кабинета. Онъ объ этомъ печаталъ статьи и брошюры, дълалъ предложенія въ парламенть, проповыдываль на митингахъ. Сначала на него сердились, отвъчали ему, бранили его; потомъ привыкли. Обвиняемые и слушавшіе стали улыбаться, не обращали вниманія; наконець разразились общимъ хохотомъ.

На одномъ митингѣ, въ одномъ изъ большихъ центровъ, Уркуардъ до того увлекся своей іdée fixe, что, представляя Кошута человѣкомъ невѣрнымъ, онъ прибавилъ, что, если Кошутъ и не подкупленъ Россіей, то находится подъ вліяніемъ человѣка, явнымъ образомъ работающаго въ пользу Россіи, и этотъ человткъ Маичини! Уркуардъ, какъ Дантовская Франческа, не продолжалъ больше своего чтенія въ этотъ день. При имени Маццини поднялся такой гомерическій смѣхъ, что самъ Давидъ замѣтилъ, что итальянскаго Голіаюа онъ не сбилъ своей пращею, а себѣ свихнулъ руку.

Человѣкъ, думавшій и открыто говорившій, что, отъ Гизо и Дерби, до Эспартеро, Кобдена и Мацини, все русскіе агенты, быль кладь для шайки непризнанных нѣмецкихъ государственныхъ людей, окружавшихъ неузнаннаго генія первой величины, Маркса. Они изъ своего неудачнаго патріотизма и страшныхъ притязаній сдѣлали какую-то Hochschule клеветы и заподозрѣванія всѣхъ людей, выступавшихъ на сцену съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ они сами. Имъ не доставало честнаго имени. Уркуардъ его далъ. Съ Уркуардомъ и публикой питейныхъ домовъ вошли въ Morning Advertiser Марксиды и ихъ друзья. Гдѣ пиво — тамъ и нѣмцы.

Однимъ добрымъ утромъ, Morning Advertiser вдругъ поднялъ вопросъ: "Былъ ли Бакунинъ русскій агентъ или нѣтъ?" Само собою разумѣется, отвѣчалъ на него положительно (*). Поступокъ этотъ былъ до того гнусенъ, что возмутилъ даже такихъ людей, которые не принимали особеннаго участія въ Бакунинѣ.

Оставить это дёло такъ было невозможно. Какъ ни досадно было, что приходилось подписать коллективную протестацію съ Головинымъ (объ этомъ субъектё будетъ особая глава), но выбора не было. Я пригласилъ Ворцеля и Маццини присоединиться къ нашему протесту: они тотчасъ согласились. Казалось бы, что, послё свидётельства предсёдателя польской демократической централизаціи и такого человёка какъ Маццини, все кончено.

Но нъмцы не остановились на этомъ.

^(*) Уркуардъ имѣлъ тогда большое вліяніе на Morning Advertiser, —одинъ изъ журналовъ, самымъ страннымъ образомъ поставленныхъ. Журнала этого нѣтъ ни въ клубахъ, ни у большихъ стешіонеровъ, ни на столѣ у порядочныхъ людей; однако же онъ имѣетъ большую циркуляцію, чѣмъ Daily News, и только въ послѣднее время дешевые листы, въ родѣ Daily Telegraph, Morning Star, и Evening Star, отодвинули Morning Advertiser на второй планъ. Явленіе чисто англійское, Morning Advertiser журналъ питейныхъ домовъ, и нѣтъ кабака, въ которомъ бы его не было.

Они затянули скучнъйшую полемику съ Головинымъ, который, съ своей стороны, поддерживалъ ее для того, чтобъ собою занимать публику лондонскихъ кабаковъ...

Мой протесть и то что я писаль къ Маццини и Ворцелю, должно было обратить на меня гнѣвъ Маркса. Вообще, то было время, въ которое нѣмцы спохватились и стали меня окружать такою же грубою непріязнью, какъ прежде окружали грубымъ ухаживаніемъ; они уже не писали мнѣ панегириковъ, какъ во время выхода Vom Andern Ufer и Писемъ изъ Италіи, а отзывались обо мнѣ, "какъ о дерзкомъ варварѣ, осмѣливающемся смотрѣть на Германію сверху внизъ" (*). Одинъ изъ Марксовскихъ гезеллей написалъ цѣлую книжку противъ меня и отослалъ Гофману и Кампе, которые отказались ее печатать. Тогда онъ напечаталъ (что я узналъ гораздо позже) ту статейку въ Лидерѣ, о которой шла рѣчь. Имя его я не припомню.

Къ Марксидамъ присоединился вскоръ и рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, Карлъ Елиндъ, тогда famulus Маркса, теперь его врагъ. Въ его корреспонденціи въ Нью-Іоркскіе журналы было сказано по поводу объда, который давалъ намъ американскій консулъ въ Лондонъ: "на этомъ объдъ былъ русскій, пменно А. Герценъ, выдающій себя за соціалиста и республиканца. Герценъ живетъ въ блезкихъ сношеніяхъ съ Маццини, Кошутомъ и Саффи. Со стороны людей, стоящихъ во главъ движенія, чрезвычайно неосторожно допускать русскаго въ

^(*) Это печаталь некто Колачекь вы одномы американскомы журналь, по поводу втораго французскаго изданія: Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Пикантное этого состоить вы томы, что весь тексть этой книги быль прежде напечатань по немецки вы Deutsche Jahrbücher, издаваемыхы тёмы же самымы Колачекомы!

свою близость. Желаемъ, чтобы имъ не пришлось слишкомъ поздно раскаяться въ этомъ".

Самъ ли Блиндъ это писалъ, или кто изъ его помощниковъ, — я не знаю; текста у меня передъ глазами нѣтъ, но за смыслъ я отвѣчаю.

При этомъ надобно замѣтить, что, какъ со стороны К. Блинда, такъ и со стороны Маркса, котораго я совсѣмъ не зналъ, вся эта ненависть была чисто платоническая, такъ сказать безличная: меня приносили на жертву фатерланду изъ патріотизма. Въ американскомъ обѣдѣ, между прочимъ, ихъ бѣсило отсутствіе нѣмца,— за это они наказали русскаго (*).

Обѣдъ этотъ, надѣлавшій много шуму по ту и другую сторону Атлантики, случился такимъ образомъ. Президентъ Пирсъ будировалъ старыя европейскія правительства, — долею для того, чтобъ пріобрѣсти больше популярности дома; долею, чтобъ отвести глаза всѣхъ радикальныхъ партій въ Европѣ отъ главнаго алмаза, на которомъ ходила вся его политика: отъ незамѣтнаго упроченія и распространенія невольничества.

Это было время посольства Суле въ Испанію и сына Р. Оуэна въ Неаполь, вскорѣ послѣ дуэли Суле съ Тюрго п его настоятельнаго требованія проѣхать, вопреки приказу Наполеона, черезъ Францію въ Брюссель: въ проѣздѣ этомъ императоръ французовъ отказать не рѣшился. "Мы посылаемъ пословъ",—говорили американцы

^(*) Отсутствіе нѣмца на обѣдѣ напоминаетъ мнѣ похороны матери Гарибальди. Она умерла въ Ниццѣ, въ 1851 году. Друзья ея сына пригласили изгнанниковъ разныхъ странъ нести покойницу; въ томъ числѣ былъ приглашенъ и я. Когда мы собрались у сѣней дома, оказалось, что приглашенные были: два римлянина (одинъ изънихъ былъ Орсини), два ломбардца, два неаполитанца, два французв, Хоецкій — полякъ и я — русскій. "Господа", — сказалъ Хоецкій: L'Europe entière est représentée; même il y manque un Allemand!

— "не къ царямъ, а къ народамъ". Отсюда идея дать дипломатическій обѣдъ врагамъ всѣхъ существующихъ правительствъ.

Я не имѣлъ понятія о готовящемся обѣдѣ; получаю вдругъ приглашеніе отъ Саундерса, американскаго консула. Въ приглашеніи лежала небольшая записочка отъ Маццини: онъ просилъ меня, чтобъ я не отказывался, что обѣдъ этотъ дѣлается съ цѣлью кой-кого подразнить и показатъ симпатію кой-кому другому.

На объдъ были Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Гарибальди, Орсини, Ворцель, Пульскій и я. Изъ англичанъ одинъ радикальный членъ парламента, Жозуа Вомсей; затъмъ посолъ Бюхананъ и всъ посольскіе чиновники.

Надобно замѣтить, что одна изъ цѣлей краснаю обѣда, даннаго защитникомъ чернаго рабства, состояла въ сближенін Кошута съ Ледрю-Ролленомъ. Дёло было не въ томъ, чтобы ихъ примирить: они никогда не ссорились, а чтобы ихъ оффиціально познакомить. Ихъ незнакомство случилось такъ: Ледрю-Ролленъ быль уже въ Лондонъ, когда Кошутъ прівхаль изъ Турціи. Возникъ вопросъ, кому первому Фхать съ визитомъ: Ледрю-Роллену къ Кошуту, или Кошуту къ Ледрю-Роллену. Вопросъ этотъ сильно занималь ихъ друзей, сподвижниковъ, ихъ дворъ, гвардію и чернь. Рго и contra были значительныя. Одинъ быль диктаторомь Венгріи; другой не быль диктаторомъ, но за то французъ. Одинъ былъ почетный гость Англіи, левъ первой величины, на вершинъ своей славы; другой быль въ Англіи какъ дома, а визиты дёлаются вновь прівзжающими. Словомъ, вопросъ этотъ, какъ квадратура круга или perpetuum mobile, быль найдень обоими дворами неразръшимымъ... а потому и ръшили тъмъ, чтобы не вздить ни тому, ни другому, предоставляя двло

встръчи волъ божіей и случаю. Года три или четыре Ледрю-Ролленъ и Кошутъ, живя въ одномъ городъ, имъя общихъ друзей, общіе интересы и одно дъло, должны были игнорировать другъ друга, а случая никакого не было. Мациини ръшился помочь судьбъ.

Передъ объдомъ, послъ того какъ Бюхананъ уже пережалъ намъ всъмъ руки и изъявилъ каждому свое полное удовольствіе, что познакомился лично, — Маццини взялъ Ледрю-Роллена подъ руку; въ тоже самое время Бюхананъ сдълалъ такой же маневръ съ Кошутомъ, и, кротко подвигая виновниковъ, привели ихъ почти къ столкновенію и назвали ихъ другъ другу. Новые знакомые не остались въ долгу и осыпали другъ друга комплиментами — съ восточнымъ, цвътистымъ оттънкомъ со стороны великаго Мадьяра, и съ сильнымъ колоритомъ ръчей Конвента со стороны великаго Галла...

Я стоялъ во время всей этой сцены у окна съ Орсини; взглянувъ на него, я былъ до смерти радъ, видя легкую улыбку больше въ его глазахъ, чѣмъ на губахъ. "Послушайте, — сказалъ я ему — какой мнѣ вздоръ пришелъ въ голову: въ 1847 году я видѣлъ въ Парижѣ въ историческомъ театрѣ какую-то глупѣйшую военную пьесу, въ которой главную роль играли дымъ и стрѣльба, вторую—лошади, пушки и барабаны. Въ одномъ изъ дѣйствій полководцы обѣихъ армій выходятъ для переговоровъ съ противоположныхъ сторонъ сцены, храбро идутъ на встрѣчу другъ другу, и, подойдя, одинъ снимаетъ шляпу и говоритъ:

Souvaroff-Massena!

На что другой ему отвъчаеть тоже безъ шляпы: Massena—Souvaroft!

— Я самъ едва удержался отъ смѣха,— сказалъ мнѣ Орсини съ совершенно серьезнымъ лицомъ.

Хитрый старикъ Бюхананъ, мечтавшій тогда уже, не смотря на семидесятилътній возрасть, о президентствь, и потому говорившій постоянно о счастіи покоя, объ идиллической жизни и о своей дряхлости, любезничалъ съ нами такъ, какъ любезничалъ въ Зимнемъ дворцъ съ Орловымъ и Бенкендорфомъ, когда былъ посломъ при Николав. Съ Кошутомъ и Маццини онъ былъ прежде знакомъ; другимъ онъ говорилъ очень хорошо отдъланные комплименты, напоминавшіе гораздо больше тертаго дипломата, чумъ суроваго гражданина демократической республики. Мнъ онъ ничего не сказалъ, кромъ того, что онъ долго быль въ Россіи и вывезъ убъжденіе, что она имъетъ великую будущность. Я ему на это, разумъется, ничего не сказалъ, а замътилъ, что помню его со временъ коронаціи Николая. "Я былъ мальчикомъ, но вы были такъ замътны въ вашемъ простомъ черномъ фракъ и въ круглой шляпъ среди толпы раззолоченной ливрейной знати " (*).

Гарибальди онъ замѣтилъ: "У васъ такая же слава въ Америкъ, какъ въ Европъ; только въ Америкъ еще прибавляется новый титулъ: тамъ васъ знаютъ за отличнаго моряка".

За дессертомъ, когда М^{то} Sanders уже вышла и подали сигары съ еще большимъ количествомъ вина, Бюхананъ сидѣвшій противъ Ледрю-Роллена, сказалъ ему, "что у него былъ знакомый въ Нью-Іоркѣ, говорившій, будто онъ готовъ бы былъ съѣздить изъ Америки во Францію только для того, чтобъ познакомиться съ нимъ".

По несчастію Бюхананъ какъ-то шамшилъ, а Ледрю-Ролленъ плохо понималъ по англійски; въ силу чего вышло презабавное qui pro quo. Ледрю-Ролленъ думалъ,

^(*) Я ни слова тогда не говорилъ по англійски. Бюхананъ плохо понималъ по французски. Ворцель ему переводилъ мои слова.

что Бюхананъ говорить это отъ себя и, съ французскимъ effusion de reconnaissance, сталъ его благодарить — и протянулъ ему черезъ столъ свою огромную руку. Бюхананъ принялъ благодарность и руку и, съ тѣмъ невозмущаемымъ спокойствіемъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, съ которымъ англичане и американцы тонутъ съ кораблемъ или теряютъ половину состоянія,— замѣтилъ ему: « I think — it is a mistake, — это не я такъ думалъ, это одинъ изъ моихъ хорошихъ пріятелей въ New-York'ъ".

Праздникъ кончился тъмъ, что поздно вечеромъ, когда Бюхананъ уъхалъ, а въ слъдъ за нимъ не счелъ болъе возможнымъ остаться и Кошутъ, и отправился съ своимъ министромъ безъ портфеля,— Сандерсъ сталъ умолять насъ снова сойти въ столовую, гдъ онъ хотълъ самъ приготовить какой-то американскій пуншъ изъ стараго кентукійскаго виски. Къ тому же Сандерсу тамъ хотълось вознаградить себя за отсутствіе тостовъ за будущую всемірную (бълую) республику и т. д., которыхъ должно быть осторожный Бюхананъ не допускалъ. За объдомъ пили тосты двухъ-трехъ гостей и его, безъ ръчей.

Пока онъ жегъ какой-то алькоголь и приправляль его всякой всячиной,— онъ предложилъ коромъ отслужить Марсельезу. Оказалось, что музыку ея порядкомъ зналъ одинъ Ворцель: — за то у него было extinction голоса,— да кое-какъ Маццини, и пришлось звать американку Сандерсъ, которая сыграла марсельезу на гитаръ.

Между тъмъ ея супругъ, окончивъ свою стрянню, попробовалъ ее, остался доволенъ и розлилъ намъ въ большія чайныя чашки. Не опасаясь ничего,— я сильно хлебнулъ— и въ первую минуту не могъ перевести духа. Когда я пришелъ въ себя и увидълъ, что Ледрю-Рол-

ленъ собирался также усердно хлебнуть, я остановиль его словами: "Если вамъ дорога жизнь, то вы осторожнѣе обращайтесь съ кентукійскимъ прохладительнымъ; я русскій — да и то опалилъ себѣ небо, горло и весь пищепріемный каналъ,— что же будетъ съ вами? Должно быть у нихъ въ Кентуки пуншъ дѣлается изъ краснаго перца, настояннаго на купоросномъ маслѣ".

Американецъ радовался, пронически улыбаясь, слабости европейцевъ. Подражатель Митридата съ молодыхъ лѣтъ, я одинъ подалъ пустую чашку и попросилъ еще. Это химическое сродство съ алкоголемъ ужасно подняло меня въ глазахъ консула.— "Да, да — говорилъ онъ—только въ Америкъ и въ Россіи люди и умѣютъ питъ".

— Да есть и еще больше лестное сходство, подумаль я, только въ Америкѣ и въ Россіи умѣютъ крѣпостныхъ засѣкать до смерти.

Пуншемъ въ 70 % окончился этотъ обѣдъ, испортившій больше крови нѣмецкимъ фолликуляріямъ, чѣмъ желудокъ обѣдавшимъ.

За трансатлантическимъ объдомъ слъдовала попытка международнаго комитета: — послъднее усиліе чартистовъ и изгнанниковъ соединенными силами заявить свою жизнь и свой союзъ. Мысль этого комитета принадлежала Эрнесту Джонсу. Онъ котълъ оживить дряхлъвшій не по лътамъ чартизмъ, — сближать англійскихъ работниковъ съ французскими соціалистами. Общественнымъ актомъ этой entente cordiale назначенъ былъ митингъ — въ воспоминаніе 24 Февраля 1848.

Международный комитетъ избралъ между десятками другихъ и меня своимъ членомъ. Меня просили сказать рѣчь о Россіи; я поблагодарилъ ихъ письмомъ, рѣчи говорить не хотѣлъ; тѣмъ бы и заключилъ, еслибъ Марксъ и Головинъ не вынудили меня явиться на зло

имъ на трибунѣ St.-Martin's Hall. Сначала Джонсъ получилъ письмо отъ какого-то нѣмца, протестовавшаго противъ моего избранія. Онъ писалъ, что я извѣстный панславистъ, что я писалъ о необходимости завоеванія Вѣны, которую назвалъ славянской столицей; что я проповѣдую русское крѣпостное состояніе, какъ идеалъ для земледѣльческаго населенія. Во всемъ этомъ онъ ссылался на мои письма къ Линтону. (La Russie et le vieux monde.) Джонсъ бросилъ безъ вниманія патріотическую клевету.

Но это письмо было только авангардною рекогносцировкою. Въ слѣдующее засѣданіе комитета Марксъ объявилъ, что онъ считаетъ мой выборъ несовмѣстнымъ съ цѣлью комитета и предлагалъ выборъ уничтожить. Джонсъ замѣтилъ, что это не такъ легко, какъ онъ думаетъ, что комитетъ, избравши лицо, которое вовсе не заявляло желанія быть членомъ, и сообщивши ему оффиціально избраніе, не можетъ измѣнитъ рѣшеній по желанію одного члена, что пусть Марксъ формулируетъ свои обвиненія, и онъ ихъ предложитъ теперь же на обсужденіе комитета.

На это Марксъ сказалъ, что онъ меня лично не знаетъ, что онъ не имъетъ никакого частнаго обвиненія, но находитъ достаточнымъ и того, что я русскій, и притомъ русскій, который во всемъ, что писалъ, поддерживаетъ Россію, что наконецъ, если комитетъ не исключитъ меня, то онъ Марксъ, со всъми своими, будетъ принужденъ выйти.

Французы, поляки, итальянцы, человъка два-три нъмцевъ и англичане вотировали за меня. Марксъ остался въ страшномъ меньшинствъ. Онъ всталъ и, со своими пріятелями, оставилъ комитетъ, куда болѣе не возвращался.

Побитые въ комитетъ, Марксиды отретировались въ

свою твердыню — въ Morning Advertiser. Герстъ и Блакетъ издали англійскій переводъ одного тома "Былаго и Думъ", включивъ въ него "Тюрьму и Ссылку"; чтобъ товаръ продать лицомъ, они не обинуясь поставили: « My exil in Siberia » на заглавномъ листъ. Express первый замътиль это фанфаронство. Я написаль къ издателямъ письмо, и другое въ Express. Герстъ и Влакетъ объявили, что заглавіе было сдёлано ими, что въ оригиналъ его нътъ, но что Гофманъ и Кампе поставили въ нѣмецкомъ переводѣ тоже "въ Сибири". Express все это напечаталъ. Казалосъ, дъло было кончено. Но Morning Advertiser началь меня шпиговать въ недълю раза два-три. Онъ говорилъ, что я слово Сибиръ употребиль для лучшаго сбыта книги, что я протестоваль черезъ пять дней послъ выхода книги, т. е. давши время сбыть изданіе. Я отвічаль, они сділали рубрику: « Case of M. Herzen », какъ помъщаютъ дополнение къ убійствамъ или уголовнымъ процессамъ. Адвертейзеровскіе нъмцы не только сомнъвались въ Сибири, приписанной книгопродавцемъ, но и въ самой ссылкъ. "Въ Вяткъ и Новгородъ г. Герценъ былъ на императорской службъ; гдъ же и когда онъ былъ въ ссылкъ?"

Наконецъ интересъ изсякъ, и Morning Advertiser забылъ меня.

Прошло четыре года.—Началась итальянская война.—
Красный Марксъ избралъ самый черно-желтый журналъ
въ Германіи, "Аугсбургскую газету", и въ ней сталъ
выдавать (анонимно) Карла Фогта за агента принца
Наполеона; Кошута съ Телеки, Пульскаго и пр., какъ
продавшихся Бонапарту. Вслъдъ за тъмъ, онъ напечаталъ: "Герценъ, по самымъ върнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія
сношенія съ Palais-Royal'емъ были и прежде не тайной".

Я не отвѣчаль; но за то быль почти обрадовань, когда одинъ тощій лондонскій журналь помѣстиль статейку, въ которой говориль (не смотря на то, что я десять разъ отрицаль это), будто я "рекомендую Россіи завоевать Вѣну и считаю ее столицей Славянскаго міра".

Мы сидели за обедомъ — человекъ десять; кто-то разсказываль изъ газетъ о злодъйствахъ, сдъланныхъ Урбаномъ со своими пандурами возлѣ Комо. Кавуръ обнародоваль ихъ. Что касается до Урбана, въ немъ сомнъваться было гръшно. Кондотьеръ безъ роду и племени, онъ гдъ-то родился на бивакахъ и выросъ въ какихъ-то казармахъ: пандуръ и грабитель par droit de conquête et par droit de naissance, fille du régiment мужскаго пола, и по всему свиръпый солдать. Дъло было какъ-то около Мадженты и Сольферино. Нъмецкій патріотизмъ быль тогда въ періодъ злъйшей ярости; классическая любовь къ Италіи, патріотическая ненависть къ Австріи: все исчезло передъ патосомъ національной гордости, хотъвшей во что бы то ни стало удержать чужой "квадрилатеръ". Баварцы собирались итти, не смотря на то, что ихъ никто не посылалъ. никто не звалъ, никто не пускалъ. Гремя ржавыми саблями бефрейюнгсъ-крига, они запаивали пивомъ и засыпали цвётами всякихъ кроатовъ и далматовъ, шедшихъ бить итальянцевъ за Австрію и за свое собственное рабство. Либеральный изгнанникъ Бухеръ и какой-то, должно быть побочный, потомокъ Барбароссы — Ротбартусъ — протестовали противъ всякаго притязанія иностранцевъ (т. е. итальянцевъ) на Венецію.

При этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ п быль между супомъ и рыбой, поднятъ несчастный вопросъ о злодъйствахъ Урбана.

- Ну, а если это не правда? замѣтилъ нѣсколько поблѣднѣвшій докторъ М.-С. изъ Мекленбурга по тѣлесному и Берлина по духовному рожденію.
 - Однако же нота Кавура...
 - Ничего не доказываетъ.
- Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ я можетъ подъ Маджентой австрійцы разбили на голову французовъ: вѣдь никто изъ насъ не былъ тамъ.
- Это другое дѣло: тамъ тысячи свидѣтелей, а тутъ какіе-то итальянскіе мужики.
- Да что за охота защищать австрійскихъ генераловъ?... развѣ мы ихъ и прусскихъ офицеровъ не знаемъ по 1848 г.: эти проклятые юнкеры, съ дерзкимъ лицомъ, надменнымъ видомъ...
- Господа замѣтилъ М.-С. прусскихъ офицеровъ не слѣдуетъ оскорблять и ставить на ряду съ австрійскими.
- Такихъ тонкостей мы не знаемъ; всѣ они несносны, противны. Мнѣ кажется, что всѣ они, да и наши лейбъ-гвардейцы въ добавокъ, такіе же...
- Кто обижаетъ прусскихъ офицеровъ, обижаетъ прусскій народъ: они съ нимъ неразрывны, и М.-С., совсѣмъ блѣдный, отставилъ въ первый разъ отъ роду дрожащей рукой стаканъ налитаго пива.
- Нашъ другъ М.-С., величайшій патріотъ Германіи, сказаль я, все еще полушутя онъ на алтарь отечества приноситъ больше чѣмъ жизнь, больше чѣмъ обожженную руку; онъ жертвуетъ здравымъ смысломъ.
- И нога его не будеть въ домѣ, гдѣ обижаютъ германскій народъ!

Съ этими словами мой докторъ философіи всталь, бросиль на столь салфетку, какъ матеріальный знакъ разрыва, и мрачно вышель... Съ тѣхъ поръ мы не видѣлись.

А вѣдь мы съ нимъ пили на « Du » у Стеели, Gendarmen-Platz, въ Берлинѣ, въ 1847 году, и онъ былъ самый лучшій и самый счастливый Bummler изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною. Не въѣзжая въ Россію, онъ какъ-то всю жизнь прожилъ съ русскими, и біографія его не лишена для насъ интереса.

Какъ всв нвицы, не работающіе руками, М.-С. учился древнимъ языкамъ очень долго и подробно; зналъ ихъ очень хорошо и много. Его образование было до того упорно классическое, что онъ не имълъ времени никогда заглянуть ни въ какую книгу объ естествовъденій; хотя естественныя науки уважаль, зная, что Гумбольдтъ ими занимался всю жизнь. М.-С., какъ всъ филологи, умеръ бы отъ стыда, еслибъ онъ не зналъ какой-нибудь книжонки среднев вковой, или классическую дрянь, и не обинуясь признавался напр. въ совершенномъ невъденіи физики, химіи и пр. Страстный музыкантъ безъ Anschlag'а и голоса, платоническій эстетикъ. неум вшій карандаша взять въ руки и изучавшій картины и статуи. Въ Берлинъ М.-С. началъ свою карьеру глубокомысленными статьями объ игръ талантливыхъ, но все неизвъстныхъ, берлинскихъ актеровъ въ "Шпенеровой газеть", и быль страстнымь любителемь спектакля. Театръ впрочемъ не мѣшалъ ему любить вообще всѣ зрѣлища, отъ звѣринцевъ съ пожилыми львами и умывающимся бълымъ медвъдемъ, и фокусниковъ, до панорамъ, телятъ сь двумя головами, восковыхъ фигуръ, ученыхъ собакъ и пр.

Въ жизнь мою я не видывалъ такого доятельнаю льнтяя, такого въчно занятаго праздношатающагося. Утомленный, въ поту, въ пыли, измятый, затасканный, приходилъ онъ въ одинадцатомъ часу вечера — и бросался на диванъ... вы думаете, у себя въ комнатъ ?

совсёмъ нётъ, — въ учено-литературной биръ-кнейпъ, у Стеели, — и принимался за пиво. Выпивалъ онъ его нечеловъческое количество, безпрестанно стучалъ крышкой кружки, и Jungfer уже знала безъ словъ и просьбы, что следуеть нести другую. Здесь, окруженный отставными актерами и еще непринятыми въ литературу писателями, пропов'ядываль М.-С. часы о Каульбах и Корнеліусь, — о томъ какъ пьль въ этотъ вечеръ Лаблашъ въ королевской оперъ, о томъ какъ мысль губитъ стихотворение и портитъ картину, убивая ея непосредственность.... Вдругъ онъ вскакивалъ, вспомнивъ, что долженъ завтра въ восемь часовъ утра бъжать къ Пассаланьи, въ египетскій музей смотръть новую мумію; и непрем'тно въ восемь часовъ, потому что, въ половинъ десятаго одинъ пріятель объщаль сводить его въ конюшню англійскаго посланника, показать какъ англичане отлично содержатъ лошадей. Схваченный такимъ воспоминаніемъ, М.-С., извиниясь, наскоро выпиваль кружку, забывая то очки, то платокъ, то крошечную табакерку, бфжаль въ какой-то переулокъ за Шпре, подымался на четвертый этажъ и торопился выспаться, чтобъ не заставить дожидаться мумію, три-четыре тысячи лътъ покоившуюся, не нуждаясь ни въ Пассаланьи, ни въ докторъ М.-С.

Безъ гроша денегъ и тратя послъднія на Cerevisia и Circenses, М.-С. жилъ на антоніевой пищъ, храня внутри сердца непреодолимую любовь къ кухоннымъ ръдкостямъ и столовымъ лакомствамъ. За то, когда фортуна ему улыбалась и когда его несчастная любовь могла перейти въ реальную, — онъ торжественно доказывалъ, что онъ не только уважалъ категорію качества, но столько же отдавалъ справедливости категоріи количества.

Судьба, ръдко балующая нъмцевъ, особенно идущихъ по филологической части, сильно баловала М.-С. Онъ случайно попалъ въ пассатное русское общество, и при томъ молодыхъ и образованныхъ русскихъ. Оно завертело его, закормило, запоило. Это было лучшее, поэтическое время его жизни, Genussjahre! Лица мънялись, пиръ продолжался. Безсмъннымъ былъ одинъ М.-С. Кого и кого, съ 1848 года, не водилъ онъ по музеямъ, кому не объяснялъ Каульбаха, кого не водилъ въ университетъ? Тогда была эпоха Германопоклоненія въ пущемъ разгаръ; русскій останавливался съ почтеніемъ въ Берлинъ, тронутый тъмъ, что попираетъ философскую землю, которую Гегель попираль, поминаль его и учениковъ его съ М.-С. языческими возліяніями и страсбургскими пирогами. Эти событія могли разстроить все міросозерцаніе какого угодно нъмца. Нъмецъ не можетъ однимъ синтезисомъ обнять страсбургские пироги и шампанское съ изученіемъ Гегеля, идущимъ даже до брошюръ Маргейнеке, Бадера, Вердера, Шиллера, Розенкранца и всьх въ жизни усопшихъ знаменитостей сороковыхъ годовъ. У нихъ все еще, — если страсбургскій пирогъ — то банкиръ, — если Champagner — то юнкеръ.

М.-С. довольный, что нашелъ такое вкусное сочетаніе науки съ жизнью, сбился съ ногъ; покоя ему не было ни одного дня. Русская семья, усаживаясь въ почтовую карету (или, потомъ, въ вагонъ), чтобъ вхать въ Парижъ, перебрасывала его, какъ ракету или воланъ, къ русской семьв, подъвзжавшей изъ Кенигсберга или Штетина. Съ проводовъ онъ торопился на встрвчу, — и горькое пиво разлуки было нагоняемо сладкимъ пивомъ новаго знакомства. Виргилій философскаго чистилища—онъ вводилъ сверныхъ неофитовъ въ берлинскую жизнь и разомъ открывалъ имъ двери въ святилище

des reinen Denkens und des deutschen Kneipens. Чистые душею соотечественники наши оставляли съ увлеченіемъ и порядочное вино, и прибранныя комнаты отелей, чтобы бѣжать съ М.-С. въ душную полъ-пивную. Они всѣ были внѣ себя отъ буршикозной жизни, и скверный табачный дымъ Германіи имъ сладокъ и пріятенъ былъ.

Въ 1847 году и я дѣлилъ эти увлеченія; и мнѣ казалось, что я какъ-то выше становлюсь въ общественномъ значеніи, оттого, что по вечерамъ встрѣчалъ въ полъ-пивной Ауэрбаха, читавшаго каррикатурно Шиллерову Bürgschaft и разсказывавшаго смѣшные анекдоты, въ родѣ того какъ русскій генералъ покупалъ для двора какія-то картины въ Дюссельдорфѣ. Генералъ былъ не совсѣмъ доволенъ величиной картины и думалъ, что живописецъ хочетъ его обмѣрить.

"Гуть, — говорить онь, — аберь клейнь. Кейзерь liebt grosse Bilder, Кейзерь sehr klug; Gott klüger, aber Кейзерь noch jung " и т. п. Кромѣ Ауэрбаха, тамъ бывали дватри берлинскихъ (что было въ этомъ звукѣ для русскаго уха сороковыхъ годовъ!) профессора; одинъ изъ нихъ, въ какомъ-то сюртукѣ на военный манеръ, и какой-то спившійся актеръ, который былъ недоволенъ современнымъ сценическимъ искусствомъ и считалъ себя неузнаннымъ геніемъ. Этого неоцѣненнаго Тальму заставляли всякій вечеръ пѣть куплеты "о покушеніи Фіэски на Людвига Филиппа" и, немного потише, о выстрѣлѣ чеха въ прусскаго короля.

Hatte Keiner je so Pech Wie der Bürgermeister Tschech, Denn er schoss der Landesmutter Durch den Rock ins Unterfutter.

— Вотъ она свободная - то Европа!... вотъ онъ — Аонны на Шпре! И какъ мнъ было жаль друзей, остав-

шихся на Тверскомъ бульваръ и на Невскомъ прос-

Зачёмъ износились всё эти чувства непочатости, сёверной свёжести и невёденія, удивленія, поклоненія. Все это оптическій обманъ. Что же за бёда? развё мы въ театръ ходимъ не изъ за оптическаго обмана; только тутъ мы сами въ заговорё съ обманщикомъ; а тамъ если и есть обманъ, — то нётъ обманщика. Потомъ всякій увидитъ свои ошибки, улыбнется, немного посов'єстится; солжетъ, что этого никогда не было. А веселыя-то минуты были таки.

Зачёмъ видёть сразу всю подноготную? Мнё просто хотёлось бы воротиться къ прежнимъ демократіямъ и взглянуть на нихъ съ лицевой стороны: "Луиза, обмани меня... солги Луиза!"

Но Луиза (тоже М.-С.), отворачиваясь отъ старика, говоритъ, надувши губки: "Ach, um Himmelsgnaden, lassen Sie doch ihre Thorheiten und gehen Sie nur ihren Weg!" и бреди себѣ по мостовой изъ булыжника, въ пыли, шумѣ, трескѣ, въ безотрадныхъ, ненужныхъ, мелькающихъ встрѣчахъ, ничѣмъ не наслаждаясь, ничему не удивляясь и торопясь къ выходу—зачѣмъ? Затѣмъ, что его миновать нельзя.

Возвращаясь къ М.-С., я долженъ сказать, что не все же онъ жилъ бабочкой, перелетая отъ Кролгартена Подъ-Липы. Нѣтъ, и его молодость имѣла свою героическую главу. Онъ высидѣлъ цѣлыхъ пять лють въ тюрьмѣ и никогда порядкомъ не зналъ за что, такъ же какъ и философское правительство, которое его засадило; тогда преслѣдовали отголоски Гамбахскаго праздника, студенческихъ рѣчей, брудершафтскихъ тостовъ, буршентумскихъ идей и тугендбундскихъ воспоминаній. Вѣроятно и М.-С., что нибудь вспомнилъ: его и поса-

дили. Конечно, во всёхъ Пруссіяхъ, съ Вестфаліей и Рейнскими провинціями, не было субъекта меньше опаснаго для правительства, какъ М.-С. — М.-С. родился зрителемъ, шаферомъ, публикой. Во время берлинской революціи 1848 г. онъ отнесся къ ней точно также; онъ бѣгалъ съ улицы на улицу, подвергаясь то пулѣ, то аресту, для того, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается и что тутъ.

Послѣ революціи, отеческое управленіе короля- богослова и философа стало тяжело, и М.-С., походивши еще съ полъ-года къ Стеели и Пассаланьи, началъ скучать. Звёзда его стояла высоко: спасенье было возлё. Полина Гарсія Віардо пригласила его къ себѣ въ Парижъ. Она была такъ покрыта нашими подсифжными вѣнками, такъ окружена сѣверной любовью нашей, что сама состояла на правахъ русской и имъла, стало быть, въ свою очередь неотъемлемое право на чичеронство М.-С. въ Берлинъ. Віардо звала его погостить у нихъ. Быть въ дом' у умной, блестящей, образованной Віардо, значило разомъ перешагнуть пропасть, которая дёлить всякаго туриста отъ Парижскаго и Лондонскаго общества; всякаго нъмца безъ особенных примът отъ французовъ. Быть у нея въ домѣ — значило быть въ кругу артистовъ и либераловъ Марастовскаго цвъта, литераторовъ, Ж.-Сандъ и проч. Кто не позавидовалъ бы М.-С. и его дебютамъ въ Парижъ.

На другой день послѣ своего пріѣзда онъ прибѣжаль ко мнѣ совершенно запаленный отъ устали и суеты и, не имѣя времени сказать двухъ словъ, выпилъ бутылку вина, разбилъ стаканъ, взялъ мою зрительную трубку и побѣжалъ въ театръ. Въ театрѣ онъ трубку потерялъ и, проведя цѣлую ночь по разнымъ полицейскимъ домамъ, явился ко мнѣ съ повинной головой. Я отпу-

стиль ему грахь бинокля за удовольствіе, которое мнъ онъ доставляль своимъ медовымъ мѣсяцемъ въ Парижѣ. Тутъ только онъ показалъ всю ширь своихъ способностей; онъ выросъ ненасытностью всего на свъть: картинъ, дворцовъ, звуковъ, видовъ, потрясеній, ѣды и питья. Проглотивъ три-четыре дюжины устрицъ, онъ принимался за три другихъ, потомъ за омара, потомъ за цёлый обёдъ; окончивъ бутылку шампанскаго, онъ наливалъ съ такимъ же наслажденіемъ стаканъ пива; сходя съ лъстницы вандомской колонны, онъ шелъ на куполъ Пантеона: и тамъ и тутъ удивлялся громкимъ н наивнымъ удивленіемъ нѣмца, этого провинціала по натуръ. Между волкомъ и собакой забъгалъ онъ ко мнъ, выпивалъ галонъ пива, блъ что попало и, когда волкъ бралъ верхъ надъ собакой, М.-С. въ райкъ какого нибудь театра заливался громкимъ гутуральнымъ хохотомъ и потомъ, струившимся со всего лица его.

Не успѣлъ еще М.-С. досмотрѣть Парижъ и догадаться, что онъ становится невыносимо противенъ, какъ Ж.-Сандъ увезла его къ себѣ въ Nohant. Для элегантной Віардо М.-С. à la longue былъ слишкомъ грузенъ; съ нимъ случались въ ея гостиной разныя несчастья. Разъ какъ-то онъ съ неосторожной скоростью уничтожилъ цѣлую корзиночку какихъ-то особенныхъ чудесъ, приготовленныхъ къ чаю для десяти человѣкъ, такъ что, когда Віардо ихъ предложила, въ корзинкѣ были одни крошки, и не въ одной корзинкѣ, а и на усахъ М.-С. (*).

Віардо передала его Ж.-Сандъ. Ж.-Сандъ, наскучивъ

^(°) И. Т. говориль о М.-С., что, садясь за закуску, онь съ опытнестью искуснаго полководца осматриваль позицію и, если находиль слабое м'єсто, т. е. вино или мясо, поданное въ недостаточномъ количеств'є, онъ тотчась нападаль на нихь и браль двойную порцію.

Парижемъ, ѣхала на покойное помѣщичье житье. Ж.-Сандъ сдълала съ М.-С. чудеса. Она какъ-то вычистила, прибрала, привела его въ порядокъ; исчезъ темный табакъ, покрывавшій верхнюю часть его бёлокурыхъ усовъ, и доля нѣмецкихъ кнейповыхъ пѣсенъ замѣнилась французскими въ родѣ: "Pricadier, rébontit Pantore "... Зачьмъ онъ не утонулъ, купаясь въ Nohant; зачёмъ не зашибла его гдё нибудь желёзная дорога? жизнь его окончилась бы, не зная горя, веселой прогулкой по кунсткамеръ съ буфетами, плотками и музыкой. М.-С. вставилъ двойную рамку лорнета въ глазъ и помолодёль; когда онъ пріёхаль въ Парижь въ отпускъ, я его едва узналъ. Послъ 13 Іюня 1849 г., я ућхалъ изъ Парижа; геройство М.-С., кричавшаго Аи armes! на Chaussée d'Antin, я разсказаль въ другомъ мъстъ. Возвратившись въ 1850 г. въ Парижъ, я М.-С. не видълъ; онъ былъ у Ж.-Сандъ. Меня выслали изъ Франціи. Года черезъ два, я былъ въ Лондонъ и шелъ по Трафальгарской площади. Какой-то господинъ пристально смотрёлъ въ вставленный лорнетъ на Нельсона; досмотръвши его съ лъвой стороны, онъ занился правой. "Да это онъ! кажется онъ".

Между тымь господинь занялся спиной адмирала. — М.-С.!—закричаль я ему. Онь не тотчась пришель въ себя: такъ его заняла плохая статуя сквернаго человъка; но потомъ, съ крикомъ Potz Tausend, бросился ко мнъ. Онъ перевхалъ на житье въ Лондонъ, счастливая звъзда его померкла. Да и трудно сказать, зачъмъ онъ прівхалъ именно въ Лондонъ. Буммлеру, когда у него есть деньги, нельзя не побывать въ Лондонъ: въ немъ будетъ пробълъ, раскаяніе, неудовлетворенное желаніе; но жить въ Лондонъ ему нельзя и съ деньгами; а безъ денегъ и думать нечего.

Въ Лондонъ надобно работать въ самомъ дълъ, работать — безостановочно, какъ локомотивъ, — правильно, какъ машина. Если человъкъ отошелъ на день, на его мъстъ стоятъ двое другихъ; если человъкъ занемогъ, его считаютъ мертвымъ всъ, отъ кого ему надобно получать работу, и здоровымъ всъ, кому надобно получать отъ него деньги.

М.-С., М.-С.!.... куда ты попаль изъ должности Виргилія въ Берлинь, изъ салоновъ Віардо, изъ номьщичьей нъги Ж.-Сандъ! Ноганскіе пресале и пулярдки - прощай; прощай русскіе завтраки, продолжающіеся до вечера, и русскіе объды, оканчивающіеся на другой день; да прощай и русскіе: - въ Лондонъ русскіе тадили на скорую руку, сконфуженные, потерянные; имъ было не до М.-С. Да кстати прощай и солнце, которое такъ хорошо грветъ и весело сввтитъ, когда нвтъ денегъ на внутреннее топливо... Туманъ, дымъ и въчная борьба работы, бой изъ-за работы! Года черезъ три М.-С. сталъ замътно старъть; морщины проръзывались глубже и глубже, — онъ опускался. Уроки не шли (не смотря на то, что онъ на нёмецкій ладъ былъ очень основательно ученъ). Зачамъ онъ не ахалъ въ Германію? но вообще у нѣмцевъ, даже у такихъ неистовыхъ патріотовъ, какъ М.-С., делается, поживши нъсколько лътъ внъ Германіи, непреодолимое отвращеніе отъ родины, что-то въ родѣ обратнаго Heimweh Въ Лондонъ онъ не могъ свести концовъ. Длинная масляница, длившаяся около десяти лътъ, кончилась, и суровый постъ захватиль добродушнаго буммлера; потерянный, въчно ищущій захватить денегь, кругомъ въ маленькихъ долгахъ и становясь лицомъ изъ Дикенсова романа, М.-С. все еще доканчивалъ "Эриха", все еще мечталь, что продасть его и заслужить разомь талеры и лавры,—но "Эрихъ" былъ упоренъ и не оканчивался, и М.-С., чтобъ освъжиться, дозволялъ себъ, сверхъ пива, одну роскошь—pleasure-train въ воскресеніе. Онъ платилъ очень дешево за большія пространства и ничего не видалъ.

"Я вду на Isle of Wight, взадъ и впередъ (помнится) 4 шил., и завтра утромъ рано буду опять въ Лондонв". Что же ты увидишь тамъ? "Да, но за то четыре шиллинга!" Бвдный М.-С., бвдный буммлеръ!

А впрочемъ, пусть онъ съвздитъ въ Рейдъ, не видавши его; лишь бы также не видалъ будущаго: въ его гороскопъ не осталось ни одной свътлой точки, ни одного шанса. Онъ, бъдняга безотрадный, исчезнетъ въ лондонскомъ туманъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ ГОРНЫМЪ ВЕРШИНАМЪ

Ι

ледрю-ролленъ и кошутъ

... На другой день я отправился къ Ледрю-Роллену. Онъ меня принялъ очень привътливо. Колоссальная, импозантная фигура его, которой не надо разбирать еп détail, общимъ впечатлъніемъ располагала въ его пользу. Должно быть онъ былъ и bon enfant и bon vivant. Морщины на лбу и просъдь показывали, что заботы п ему не совсъмъ даромъ прошли. Онъ потратилъ на революцію свою жизнь и свое состояніе; а общественное мнѣніе ему измѣнило. Его странная, непрямая роль въ Апрѣлъ и Маъ, слабая въ Іюньскіе дни, отдалила отъ него часть красныхъ, не сблизивъ съ синими. Имя его, служившее символомъ и произносимое иной разъ съ ошибкой (*) мужиками, но все же произносимое, рѣже было слышно. Самая партія его въ Лондонъ таяла

^(*) Мужички дальнихъ краевъ любили le duc Rollin'а и жалѣли только, что имъ руководствуетъ женщина, съ которой онъ связался
— La Martine. Что опа-то дюка сбиваетъ, а что онъ самъ вои pour le populaire:

больше и больше; особенно, когда и Феликсъ Пья открылъ свою лавочку въ Лондонъ.

Усъвшись покойно на кушеткъ, Ледрю-Ролленъ началь меня "гарангировать". "Революція—говориль онь — только и можетъ лучиться (rayonner) изъ Франціи. Ясно, что къ какой бы странъ вы ни принадлежали, вы должны прежде всего помогать намъ для вашего собственнаго діла. Революція только можеть выйти изъ Парижа. Я очень хорошо знаю, что нашъ другъ Маццини не того мнінія — онг увлекается своим патріотизмомъ. Что можетъ сдълать Италія съ Австріей на шев и съ наполеоновскими солдатами въ Римъ ? Намъ надобно Парижъ; Парижъ — это Римъ, Варшава, Венгрія, Сицилія, и, по счастію, Парижъ совершенно готовъ — не ошибайтесь — совершенно готовъ! Революція сдёлана la révolution est faite: c'est clair comme bon jour. Я объ этомъ и не думаю; я думаю о последствіяхъ, о томъ, какъ избъгнуть прежнихъ ошибокъ". Такимъ образомъ онъ продолжалъ съ полъ-часа и вдругъ, спохватившись, что онъ и не одинъ, и не передъ аудиторіей, добродушн в пимъ образомъ сказалъ мн в: "Вы видите; мы съ вами совершенно одинакаго мнѣнія". Я не раскрываль рта. Ледрю-Роллень продолжаль: "что касается до матеріальнаго факта революціи, — онъ задержанъ нашимъ безденежьемъ. Средства наши истощились въ этой борьбъ, которая идетъ годы и годы. Будь теперь сейчасъ въ моемъ распоряжении сто тысячь франковъ, — да — мизерабельныхъ сто тысячъ франковъ! и послъ завтра, черезъ три дня, революція въ Нарижъ". — Да какъ же это, — замътилъ и наконецъ — такая богатая нація, совершенно готовая на возстаніе, не находить ста тысячъ — полумилліона франковъ?

Ледрю-Ролленъ немного покраснълъ, но не запинаясь

отвъчалъ: « Pardon, pardon. Вы говорите о теоретических предположеніях въ то время, какъ я вамъ говорю о фактахъ, о простыхъ фактахъ".

Этого я не понялъ.

Когда я уходиль, Ледрю-Роллень по англійскому обычаю проводиль меня до лѣстницы и еще разь, подавая мнѣ свою огромную богатырскую руку, сказаль: "Надѣюсь это не въ послѣдній разь, я буду всегда радь; и такь — au revoir».

- Въ Парижъ отвътилъ я.
- Какъ въ Парижѣ?
- Вы такъ убъдили меня, что революція за плечами, что я право не знаю, успъю ли я побывать у васъ здъсь.

Онъ смотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, и потому я поторопился прибавить: "По крайней мѣрѣ я этого искренно желаю, въ этомъ, думаю, вы не сомнѣваетесь". — "Иначе вы не были бы здѣсь"— замѣтилъ хозяинъ, и мы разстались.

Кошута въ первый разъ я видѣлъ собственно во второй разъ. Это случилось такъ: когда я пріѣхалъ къ нему, меня встрѣтилъ въ парлорѣ военный господинъ, въ полу-венгерскомъ военномъ костюмѣ, съ извѣщеніемъ, что г. Губернаторъ не принимаетъ.

- Вотъ письмо отъ Маццини.
- Я сейчасъ передамъ. Сдѣлайте одолженіе. Онъ указалъ мнѣ на трубку и потомъ на стулъ. Черезъ двѣтри минуты возвратился. Г. Губернаторъ чрезвычайно жалѣетъ, что не можетъ васъ видѣть. Сейчасъ онъ оканчиваетъ американскую почту; впрочемъ, если вамъ угодно подождать, то онъ будетъ очень радъ васъ принятъ".
 - А скоро онъ кончитъ почту?
- Къ пяти часамъ непремѣнно.

Я взлянулъ на часы; половина втораго. — Ну трехъ часовъ съ половиной я ждать не стану.

- Да вы не прівдете ли послв?
- Я живу не меньше трехъ миль отъ Нотингъ-Гиля. Впрочемъ прибавилъ я у меня никакого спѣшнаго дѣла къ г. Губернатору нѣтъ!
 - Но г. Губернаторъ будетъ очень жалъть.
 - Такъ вотъ мой адрессъ.

Прошло съ недѣлю, вечеромъ является длинный господинъ, съ длинными усами — венгерскій полковникъ, съ которымъ я лѣтомъ встрѣтился въ Лугано.— "Я къ вамъ отъ г. Губернатора: онъ очень безпокоится, что вы у него не были".

- Ахъ, какая досада. Я вѣдь, впрочемъ, оставилъ адрессъ. Еслибъ я зналъ время, то непремѣнно поѣхалъ бы къ Кошуту сегодня или... прибавилъ я вопросительно, какъ надобно говорить, къ г. Губернатору? « Zu dem Olten, zu dem Olten, замѣтилъ улыбаясь гонведъ мы его между собой все называемъ der Olte. Вотъ увидите человѣка! такой головы въ мірѣ нѣтъ, не было и "... полковникъ внутренно и тихо помолился Кошуту.
 - Хорошо, я завтра, въ два часа пріѣду.
- Это невозможно. Завтра середа, завтра утромъ старикъ принимаетъ однихъ нашихъ, однихъ венгерцевъ.

Я не выдержаль, засмѣялся и полковникъ засмѣялся. Когда же вашъ старикъ пьетъ чай?

- Въ восемь часовъ вечера.
- Скажите ему, что я пріѣду завтра въ восемь чачовъ; но если нельзя, вы мнѣ напишите.
 - Онъ будетъ очень радъ. Я васъ жду въ пріемной. На этотъ разъ, какъ только я позвонилъ, длинный

полковникъ меня встрѣтилъ, а короткій полковникъ тотчасъ повелъ въ кабинетъ Кошута (*).

Я засталъ Кошута, работающаго за большимъ столомъ; онъ былъ въ черной бархатной венгеркъ и въ черной шапочкъ; Кошутъ гораздо лучше всъхъ своихъ портретовъ и бюстовъ; въ первую молодость онъ былъ в роятно красавцемъ и долженъ былъ имъть страшное вліяніе на женщинъ особеннымъ романически-задумчивымъ характеромъ лица. Черты его не имфютъ античной строгости, какъ у Мацпини, Саффи, Орсини; но (и, можетъ, именно по этому) онъ былъ роднъе намъ, жителямъ съвера; въ печально кроткомъ взглядъ его сквозиль не только сильный умь, но глубоко чувствующее сердце; задумчивая улыбка и нёсколько восторженная ръчь окончательно располагали въ его пользу. Говорить онъ чрезвычайно хорошо, хотя и съ ръзкимъ акцентомъ, равно остающимся въ его французскомъ изыкъ, нъмецкомъ и англійскомъ. Онъ не отдълывается фразами, не опирается на битыя мъста; онъ думаетъ съ вами, выслушиваетъ и развиваетъ свою мысль почти всегда оригинально, потому, что онъ свободнее другихъ отъ доктрины и отъ духа партіи. Можетъ въ его манеръ доводовъ и возраженій видънъ адвокать, но то, что онъ говоритъ -- серьезно и обдуманно.

Кошутъ много занимался до 1848 года практическими дѣлами своего края; это дало ему своего рода вѣрность взгляда. Онъ очень хорошо знаетъ, что въ мірѣ событій и приложеній не всегда можно прямо летать, какъ воронъ, что факты развиваются рѣдко по простой логической линіи, а идутъ лавируя, заплетаясь

^(*) Слѣдующее до конца этой главы перепечатано изъ "Полярной Звѣзды", кн. V. (Прим. Издателей.)

эпициклами, срываясь по касательнымъ. И вотъ, между прочимъ, причина, почему Кошутъ уступаетъ Маццини въ огненной дъятельности и почему съ другой стороны Маццини дълаетъ безпрерывные опыты, натягиваетъ попытки, а Кошутъ ихъ не дълаетъ вовсе.

Маццини глядить на итальянскую революцію какъ фанатикь; онъ въруеть въ свою мысль объ ней; онъ ее не подвергаетъ критикъ и стремится ога е sempre, какъ стръла, пущенная изъ лука. Чъмъ меньше обстоятельствъ онъ беретъ въ разсчетъ, тъмъ прочнъе и проще его дъйствіе, тъмъ чище его идея.

Революціонный идеализмъ Ледрю - Роллена тоже не сложенъ, его можно весь прочесть въ рѣчахъ конвента и въ мѣрахъ комитета общественнаго спасенія. Кошутъ принесъ съ собою изъ Венгріи не общее достояніе революціонной традиціи, не апокалептическія формулы соціальнаго доктринаризма, а протестъ своего края, который онъ глубоко изучилъ, края новаго, неизвѣстнаго ни въ отношеніи къ его потребностямъ, ни въ отношеніи къ его дико-свободнымъ учрежденіямъ, ни въ отношеніи къ его средневѣковымъ формамъ. Въ сравненіи съ своими товарищами, Кошутъ былъ спеціалистъ.

Французскіе рефюжье, съ своей несчастной привычкой рубить съ плеча и все мѣрить на свою мѣрку, силько упрекали Кошута за то, что онъ въ Марсели выразилъ свое сочувствіе къ соціальнымъ идеямь, а въ рѣчи, которую произнесъ въ Лондонѣ съ балкона Mansion House, съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ о парламентаризмѣ.

Кошутъ былъ совершенно правъ. Это было во время его путешествія изъ Константинополя, т. е. во время самаго торжественно-эпическаго эпизода темныхъ лѣтъ, шедшихъ за 1848 годомъ. Сѣверо-американскій корабль, вырвавшій его изъ занесенныхъ когтей Австріи и Рос-

сіи, съ гордостью плылъ съ изгнанникомъ въ республику и остановился у береговъ другой. Въ этой республикъ ждаль уже приказъ полицейскаго диктатора Франціи, чтобъ изгнанникъ не смълъ ступить на землю будущей имперіи. Теперь это прошло бы такъ; но тогда еще не всѣ были окончательно надломлены, толпы работниковъ бросились на лодкахъ къ кораблю привътствовать Кошута, и Кошутъ говорилъ съ ними очень натурально о соціализм'в. Картина м'вняется. По дорог водна свободная страна выпросила у другой изгнанника къ себъ въ гости. Кошутъ, всенародно благодоря англичанъ за пріемъ, не скрылъ своего уваженія къ государственному быту, который его сдёлаль возможнымь. Онь быль въ обоихъ случаяхъ совершенно искрененъ; онъ не представляль вовсе такой-то партін; онь могь, сочувствуя съ французскимъ работникомъ, сочувствовать съ англійской конституціей, не сдёлавшись Орлеанистомъ и не предавъ Республики. Кошутъ это зналъ и отрицательно превосходно понядъ свое положение въ Англіи относительно революціонныхъ партій; онъ не сділался ни Глюкистомъ, ни Пиччинистомъ; онъ держалъ себя равно въ далекъ отъ Ледрю - Роллена и отъ Луи - Блана. Съ Маццини и Ворцелемъ у него былъ общій terrain, смежность границъ, одинакая борьба и почти одна и таже борьба; съ ними онъ и сошелся съ первыми.

Но Маццини и Ворцель давнымъ давно были по испанскому выраженію afrancisados. Кошутъ, упираясь, туго поддавался имъ, и очень замѣчательно, что онъ уступалъ по той мѣрѣ, по которой надежды на возстаніе въ Венгріи становились блѣднѣе и блѣднѣе.

Изъ моего разговора съ Маццини и Ледрю-Ролленомъ видно, что Маццини ждалъ революціоннаго толчка изъ Италіи и вообще былъ очень недоволенъ Франціей; но

изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я былъ неправъ, назвавъ и его afrancisado. Тутъ, съ одной стороны, въ немъ говорилъ патріотизмъ, не совсѣмъ согласный съ идеей братства народовъ и всеобщей республики; съ другой — личное негодованіе на Францію за то, что въ 1848 она ничего не сдѣлала для Италіи, а въ 1849 все, чтобъ погубить ее. Но быть раздраженнымъ противъ современной Франціи не значитъ быть вить ел духа; французскій революціонаризмъ имѣетъ свой общій мундиръ, свой ритуалъ, свой символъ вѣры; въ ихъ предѣлахъ можно быть спеціально политическимъ либераломъ, или отчаяннымъ демократомъ; можно, не любя Франціи, любить свою родину на французскій манеръ; все это будутъ варьяціи, частные случаи, но алгебраическое уравненіе останется тоже.

Разговоръ Кошута со мной тотчасъ принялъ серьезный оборотъ: въ его взглядъ и въ его словахъ было больше грустнаго, нежели свътлаго; навърное, онъ не ждалъ революціи завтра. Свъденія его объ юго-востокъ Европы были огромны: онъ удивлялъ меня, цитируя пункты екатерининскихъ трактатовъ съ Портой. "Какой страшный вредъ вы сдълали намъ во время нашего возстанія", сказалъ онъ, "и какой страшный вредъ вы сдълали самимъ себъ. Какая узкая и противуславянская политика поддерживать Австрію. Разумъется, Австрія и спасибо не скажетъ за спасеніе, развъ вы думаете, что она не понимаетъ, что Николай не ей помогалъ, а вообще деспотической власти".

Соціальное состояніе Россіи ему было гораздо меньше изв'єстно, чіть политическое и военное. Оно и не удивительно: многіе ли изъ нашихъ государственныхъ людей знають что нибудь о немъ, кромі общихъ міть и частныхъ, случайныхъ, ни съ чіть несвязанныхъ

замѣчаній. Онъ думаль, что казенные крестьяне отправляють барщиной свою подать, разспрашиваль о сельской общинѣ, о помѣщичьей власти; я разсказаль ему, что зналь.

Оставивъ Кошута, я спрашивалъ себя, да что же общаго у него, кромѣ любви къ независимости своего народа, съ его товарищами. Мадцини мечталъ Италіей освободить человѣчество, Ледрю - Ролленъ хотѣлъ его освободить въ Парижѣ и потомъ строжайше предписать свободу всему міру. Кошутъ врядъ ли заботился обо всемъ человѣчествѣ и былъ, казалось, довольно равнодушенъ къ тому, скоро ли провозгласятъ республику въ Лиссабонѣ или Дей Триполи будетъ называться простымъ гражданиномъ одного и нераздѣльнаго Триполійскаго Братства.

Различіе это, бросившееси мнѣ въ глаза съ перваго взгляда, обличилось потомъ рядомъ дѣйствій. Маццини и Ледрю-Ролленъ, какъ люди независимые отъ практическихъ условій, каждые два-три мѣсяца усиливались дѣлать революціонные опыты: Маццини возстаніями, Ледрю - Ролленъ посылкою агентовъ. Мацциньевскіе друзья гибли въ австрійскихъ и папскихъ тюрьмахъ, Ледрю-Ролленовскіе посланцы гибли въ Ламбессѣ или Кайеннѣ, но они съ фанатизмомъ слѣпо вѣрующихъ продолжали отправлять своихъ Исааковъ на закланіе. Кошутъ не дѣлалъ опытовъ; Лебени, ткнувшій ножемъ австрійскаго императора, не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ.

Безъ сомнѣнія, Кошутъ пріѣхаль въ Лондонъ съ болѣе сангвиническими надеждами, да и нельзя не сознаться, что было отчего закружиться головѣ. Вспомните опять эту постоянную овацію, это царственное шествіе черезъ моря и океаны; города Америки спо-

рили о чести, кому первому идти ему на встрѣчу п вести въ свои стѣны. Двухмилліонный, гордый Лондонъ ждалъ его на ногахъ у желѣзной дороги, карета Лордъ-Мера стояла, приготовленная для него; алдерманы, шерифы, члены парламента провожали его моремъ волнующагося народа, привѣтствовавшаго его криками и бросаньемъ шляпъ вверхъ. И когда онъ вышелъ съ лордомъ-меромъ на балконъ Mansion House'а, его привѣтствовало то громогласное "ура!" котораго Николай не могъ въ Лондонъ добиться ни протекціей Веллингтона, ни статуей Нельсона, ни куртизанствомъ какимъ-то лошадямъ на скачкахъ.

Надменная англійская аристократія, увзжавшая въ свои пом'єстья, когда Бонапартъ пироваль съ королевой въ Виндзор'є п бражничаль съ м'єщанами въ Сити, толпилась, забывъ свое достоинство, въ коляскахъ и каретахъ, чтобъ увид'єть знаменитаго агитатора; высшіе чины представлялись ему — изгнаннику. Теймсъ нахмуриль было брови, но до того испугался передъ крикомъ общественнаго мн'єнія, что сталъ ругать Наполеона, чтобъ загладить ошибку.

Мудрено ли, что Кошутъ воротился изъ Америки полный упованій. Но, проживши въ Лондонъ годъ, другой, и видя, куда и какъ идетъ исторія на материкъ п какъ въ самой Англіи остывалъ энтузіазмъ, Кошутъ понялъ, что возстаніе невозможно и что Англія плохая союзница революціи.

Разъ, еще одинъ разъ, онъ исполнился надеждами и снова сталъ адвокатомъ за прежнее дѣло передъ народомъ англійскимъ: это было въ началѣ крымской войны.

Онъ оставилъ свое уединение и явился рука объ руку съ Ворцелемъ, т. е. съ демократической Польшей, которая просила у союзниковъ одного воззванія, одного согласія, чтобъ рискнуть возстаніе. Безъ сомнінія, это было для Польши великое мгновеніе-одді о таі. Еслибъ возстановление Польши было признано, чего же было бы ждать Венгрія? Вотъ почему Кошутъ является на польскомъ митингъ 29 ноября 1854 года и требуетъ слова. Вотъ почему онъ вследъ за темъ отправляется съ Ворцелемъ въ главнъйшіе города Англіи, проповъдуя агитацію въ пользу Польши. Рфчи Кошута, произнесенныя тогда, чрезвычайно замъчательны и по содержанію и по формъ. Но Англіи на этотъ разъ онъ не увлекъ; народъ толпами собирался на митинги, рукоплескалъ великому дару слова, готовъ былъ дълать складчины; но вдаль движеніе не шло, но річи не вызывали того отзвука въ другихъ кругахъ, въ массахъ, который бы могъ имъть вліяніе на парламентъ или заставить правительство измѣнить свой путь. Прошель 1854 годъ; насталь 1855, умеръ Николай, Польша не двигалась, война ограничивалась берегомъ Крыма; о возстановленіи польской національности нечего было и думать; Австрія стояла костью въ горят союзниковъ; вст хоття къ тому же мира, главное было достигнуто — статскій Наполеонъ покрылся военной славой.

Кошутъ снова сошелъ со сцены. Его статьи въ "Атласъ" и лекціи о конкордатъ, которыя онъ читалъ въ Эдинбургъ, Манчестеръ, скоръе должно считать частнымъ дъломъ. Кошутъ не спасъ ни своего достоянія, ни достоянія своей жены. Привыкнувши къ широкой роскоши венгерскихъ магнатовъ, ему на чужбинъ пришлось выработывать себъ средства; онъ это дълаетъ, нисколько не скрывая.

Во всей семь вего есть что-то благородно-задумчивое; видно, что тутъ прошли великія событія, и что

они подняли діапазонъ всѣхъ. Кошутъ еще до сихъ поръ окруженъ пѣсколькими вѣрными сподвижниками; сперва они составляли его дворъ, теперь они просто его друзья.

Не легко прошли ему событія; онъ сильно состарѣлся въ послѣднее время, и тяжко становится на сердцѣ отъ его покоя.

Первые два года мы рѣдко видались; потомъ случай насъ свелъ на одной изъ изящнѣйшихъ точекъ не только Англіи, но и Европы, на Isle of Wight. Мы жили въ одно время съ нимъ мѣсяцъ времени въ Вентнорѣ, это было въ 1855 г.

Передъ его отъёздомъ мы были на дётскомъ праздникѣ. Оба сына Кошута, прекрасные, милые отроки, танцовали вмёстё съ моими дётьми... Кошутъ стоялъ у дверей и какъ-то печально смотрёлъ на нихъ, потомъ, указывая съ улыбкой на моего сына, сказалъ мнѣ: "Вотъ уже и юное поколёніе совсёмъ готово намъ на смѣну".

- Увидятъ ли они?
- Я именно объ этомъ и думалъ. А пока пусть попляшутъ—прибавилъ онъ и еще грустнѣе сталъ смотрѣть.

Кажется, что и на этотъ разъ мы думали одно и тоже:

А увидять ли отцы? И что увидять? Та революціонная эра, къ которой стремились мы, освѣщенные догорающимь заревомъ девяностыхъ годовъ, къ которой стремилась либеральная Франція, юная Италія, Маццини, Ледрю-Ролленъ, не принадлежитъ ли уже прошедшему; эти люди не дѣлаются ли печальными представителями былаго, около которыхъ закипаютъ иные вопросы, другая жизнь? Ихъ религія, ихъ языкъ, ихъ

движеніе, ихъ цѣль, все это и родственно намъ и съ тѣмъ вмѣстѣ чужое..... звуки церковнаго колокола тихимъ утромъ праздничнаго дня, литургическое пѣніе и теперь потрясаютъ душу, но вѣры все же въ ней нѣтъ!

Есть печальныя истины — трудно, тяжко прямо смотрѣть на многое, трудно и высказывать иногда, что видишь. Да врядъ и нужно ли? Вѣдь это тоже своего рода страсть или болѣзнь. "Истина, голая истина, одна пстина!" Все это такъ; да сообразно ли вѣденіе ее съ нашей жизнію? не разъѣдаетъ ли она ее, какъ слишкомъ крѣпкая кислота разъѣдаетъ стѣнки сосуда? Не есть ли страсть къ ней—страшный недугъ, горько казнящій того, кто воспитываетъ его въ груди своей?

Разъ, годъ тому назадъ, въ день памятный для меня — мысль эта особенно поразила меня.

Въ день кончины Ворцеля я ждалъ скульптора въ бѣдной комнатѣ, гдѣ домучился этотъ страдалецъ. Старая служанка стояла съ оплывшимъ, желтымъ огаркомъ въ рукѣ, освѣщая исхудалый трупъ, прикрытый одной простыней. Онъ, несчастный какъ Іовъ, заснулъ съ улыбкой на губахъ, вѣра замерла въ его потухающихъ глазахъ, закрытыхъ такимъ же фанатикомъ какъ онъ — Маццини.

Я этого старика грустно любиль, и ни разу не сказаль ему всей правды, бывшей у меня на умѣ. Я не котѣль тревожить потухающій духь его, онь и безь того настрадался. Ему нужна была отходная, а не истина. И потому-то онь быль такъ радъ, когда Маццини его умирающему уху шепталь обѣты и слова вѣры!

ФЕЛИКСЪ ПЬЯ, В. ГЮГО И ПР., ЛУИ-БЛАНЪ

И

ФРАНЦУЗСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

Французская эмиграція, какъ и всѣ другія, увезла съ собой въ изгнаніе и ревниво сохранила всѣ раздоры, всѣ партіи. Сумрачная среда чужой и непріязненной страны, не скрывавшей, что она хранитъ свое право ублжища не для ищущихъ его, а изъ уваженія къ себѣ, раздражала нервы.

А тутъ оторванность отъ людей и привычекъ, невозможность передвиженія. Столкновенія стали злѣе, упреки въ прошедшихъ ошибкахъ — безпощаднѣе. Оттѣнки партій расходились до того, что старые знакомые прерывали всѣ сношенія, не кланялись...

Были дъйствительные, теоретические и всяческие раздоры; но рядомъ съ идеями стояли лица; рядомъ со знаменами—собственныя имена, рядомъ съ фанатизмомъ — зависть, и съ откровеннымъ увлечениемъ — наивное самолюбие.

Года черезъ полтора послѣ coup d'État, пріѣхалъ въ Лондонъ Феликсъ Пья изъ Швейцаріи. Бойкій фельетонисть, онъ былъ извѣстенъ процессомъ, который имѣлъ,

скучной комедіей Діогень, понравившейся французамь своими сухими и тощими сентенціями, наконецъ успъхомъ "Вътошника" на сценъ Porte Saint-Martin. Объ этой пьесь я когда-то писаль цылую статью (*). Феликсъ Пья былъ членомъ послъдняго законодательнаго собранія, сиділь на горі, подрался какь-то вь палаті съ Прудономъ, замѣшался въ протестъ 13 Іюня 1849 г. и, вследствіе этого, должень быль оставить Францію тайкомъ. Убхалъ онъ, какъ и я, съ молдавскимъ видомъ, и ходиль въ Женевѣ въ костюмѣ какого-то Мавра, вѣроятно для того, чтобъ его всв узнали. Въ Лозанив, куда онъ перевхалъ, составился у Ф. Пья небольшой кругъ почитателей изъ французскихъ изгнанниковъ, жившихъ манною его острыхъ словъ и крупицами его мыслей. Горько ему было изъ кантональныхъ вождей перейти въ какую нибудь изъ лондонскихъ партій. Для лишняго кандидата на великаго человъка не было партій; пріятели и покленники его выручили изъ бѣды: они выдёлились изъ всёхъ прочихь партій и назвались лондонской революціонной коммуной.

La Commune révolutionnaire должна была представлять самую красную сторону демократіи и самую коммунистическую соціализма. Она считала себя вічно на чеку, въ самыхъ тісныхъ связяхъ съ "Марьяной" и съ тіль вмісті вірнійшей представительницей Бланки in partibus infidelium.

Мрачный Бланки, суровый педантъ и доктринеръ сво-

^(*) Письма изъ Avenue Marigny. "Зачёмъ вы испортили вашего Chiffonier, навязавъ ему въ концё счастливую развязку, портящую и нравственность пьесы и ея артистическое единство?" спросилъ я разъ Пья.

[—] Затѣмъ, — отвѣчалъ онъ — что еслибъ я огорчилъ Парижанъ мрачной судьбой старика и дѣвушки, на другое представленіе никто бы не пошелъ.

его дѣла, аскетъ, исхудавшій въ тюрьмахъ, расправиль въ образѣ Ф. Пья свои морщины, подкрасилъ въ алый цвѣтъ свои черныя мысли, и сталъ морить со смѣху Парижскую Коммуну въ Лондонѣ. Выходки Ф. Пья въ его письмахъ къ королевѣ, къ Валевскому, котораго онъ назвалъ ех-réfugié и ех-Polonais, не принцемъ и пр., были очень забавны; но въ чемъ сходство съ Бланки, я никакъ не могъ добраться; да и вообще, въ чемъ состояла отличительная черта, дѣлившая его отъ Луи-Блана напр., простымъ глазомъ видѣть было трудно.

Тоже должно сказать о Жерсейской партіи Виктора Гюго.

Викторъ Гюго никогда не былъ въ настоящемъ смыслё слова политическимъ дёнтелемъ. Онъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ подъ вліяніемъ своей фантазіи, чтобы быть имъ. И конечно, я это говорю не въ порицаніе ему. Соціалистъ-художникъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поклонникомъ военной славы, республиканскаго разгрома, среднев вковаго романтизма и бълыхъ лилій,— Виконтъ и Гражданинъ, Перъ орлеанской Франціи и агитаторъ 2 Декабря: это пышная, великая личность; но не глава партіи, не смотря на ръщительное вліяніе, которое онъ имълъ на два покольнія. Кого не заставиль задуматься надъ вопросомъ о смертной казни "Послъдній день осужденнаго? " въ комъ не возбуждали чегото въ родъ угрызеній совъсти его ръзкія, страшно и странно освъщенныя, на манеръ Турнера, картины общественныхъ язвъ бъдности и роковаго порока?

Февральская революція застала Гюго въ расплохъ; онъ не поняль ее, удивплся, отсталь, надълаль бездну ошибокъ, пока реакція въ свою очередь не опередила его. Приведенный въ негодованіе цензурой театральныхъ пьесъ и римскими дълами, онъ явился на трибунъ

собранія съ рѣчами, раздавшимися по всей Франціи. Успѣхъ и рукоплесканія увлекали его дальше и дальше. Наконець, 2 Декабря 1851, онъ сталъ во весь ростъ: онъ, въ виду штыковъ и заряженыхъ ружей, звалъ народъ къ возстанію; подъ пулями протестовалъ противъ соир d'état и удалился изъ Франціи, когда нечего было въ ней дѣлать. Раздраженнымъ львомъ отступилъ онъ въ Жерсей; оттуда, едва переводя духъ, онъ бросилъ въ императора своего «Napoléon le petit»; потомъ свои « Châtiments ». Какъ ни старались бонапартскіе агенты примирить стараго поэта съ новымъ дворомъ—не могли. " Если останутся хоть десять французовъ въ изгнаніи, и я останусь съ ними; если три, я буду въ ихъ числѣ; если останется одинъ, то этотъ изгнанникъ буду я. Я не возвращусь иначе, какъ въ свободную Францію".

Отъ вздъ Гюго изъ Жерсея въ Гернсей, кажется, убъдилъ еще больше его друзей и его самого въ его политическомъ значеніи: въ то время какъ отъ вздъ этотъ могъ только убъдить въ противномъ. Дъло было такъ. Когда Ф. Пья написалъ свое письмо къ королевъ Викторіи, послъ посъщенія ею Наполеона, онъ прочиталъ его на митингъ и отослалъ его въ редакцію L'Homme. Свентославскій, печатавшій L'Homme на свой счетъ въ Жерсеъ, былъ тогда въ Лондонъ и вмъстъ съ Ф. Пья пріъзжалъ ко мнъ; уходя, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что ему знакомый его lawyer сообщилъ, что за это письмо легко можно преслъдовать журналъ въ Жерсеъ, состоящемъ на положеніи колоній; а Ф. Пья непремънно хочетъ въ L'Homme. Свентославскій сомнъвался и хотълъ знать мое мнъніе.

[—] Не печатайте.

[—] Да, я и самъ думаю такъ, только вотъ что скверно; онъ подумаетъ, что я *испугался*.

Какъ же не бояться при теперешнихъ обстоятельствахъ потерять нъсколько тысячъ франковъ.

— Вы правы. Этого я не могу, не долженъ дѣлать. Свентославскій, такъ премудро разсуждавшій, уѣхалъ въ Жерсей и письмо напечаталъ.

Слухи носились, что министерство хотъло что-то сдълать. Англичане были обижены за тонъ, съ которымъ Ф. Пья обращался къ Квинъ. Первымъ результатомъ этихъ слуховь было то, что Ф. Пья пересталъ ночевать у себя дома: онъ боялся въ Англіи visite domiciliaire н ночнаго ареста за напечатанную статью! Преслѣдовать судомъ правительство и не думало; мпнистры подмигнули Жерсейскому губернатору, или какъ тамъ онъ у нихъ называется, и тотъ, пользуясь беззаконными правами, которыя существують въ Колоніяхъ, вельль Свентославскому выёхать съ острова. Свентославскій протестоваль, и съ нимъ человъкъ десять французовъ; въ томъ числъ В. Гюго. Тогда полицейскій Наполеонъ Жерсея велёль выёхать всёмь протестовавшимь. Имъ слъдовало не слушаться до нельзя; пусть бы полиція схватила кого нибудь за шиворотъ и выбросила съ острова; тогда можно было бы поставить передъ судомъ вопросъ о высылкъ. Это и предлагали французамъ англичане. Процессы въ Англіи безобразно дороги; но издатели Daily News и другихъ либеральныхъ листовъ объщали собрать какую надобно сумму, найти способныхъ защитниковъ. Французамъ путь легальности показался скученъ и дологъ, противенъ: и они съ гордостью оставили Жерсей, увлекая за собой Свентославскаго и С. Телеки.

Объявленіе полицейскаго приказа В. Гюго особенно торжественно. Когда полицейскій чиновникъ вошелъ къ нему, чтобъ прочесть приказъ, Гюго позвалъ своихъ

сыновей; сълъ, указалъ на стулъ чиновнику и, когда всь усьлись, -- какъ въ Россіи передъ отъвздомъ, -- онъ всталь и сказаль: "Г. Коммиссарь, мы дёлаемь теперь страницу исторіи. (Nous faisons maintenant une page de l'histoire). — Читайте вашу бумагу". Полицейскій, ожидавшій, что его выбросять за двери, быль удивлень легкостью побъды; обязаль Гюго подпиской, что онъ увдеть, и ушель, отдавая справедливость учтивости французовъ, давшихъ даже ему стулъ. Гюго увхалъ, и другіе съ нимъ вмѣстѣ оставили Жерсей. Большая часть поъхали не дальше Гернсея; другіе отправились въ Лондонъ; дело было проиграно и право высылать осталось непочатымъ. Серьезныхъ партій было только двѣ, т. е. партія формальной республики и насильственнаго сопіализма: Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ. О послѣднемъ я еще не говорилъ, а зналъ я его почти больше чъмъ всъхъ французскихъ изгнанниковъ.

Нельзя сказать, чтобъ воззрѣніе Луи - Влана было неопредѣленно: — оно во всѣ стороны обрѣзано какъ ножемъ. Луи-Бланъ въ изгнаніи пріобрѣлъ много фактическихъ свѣденій (по своей части, т. е. по части изученія первой французской революціи), — нѣсколько устоялся и успокоился; но въ сущности своего воззрѣнія не подвинулся ни на одинъ шагъ съ того времени, какъ писалъ "Исторію десяти лѣтъ" и "Организацію труда". Осѣвшее и устоявшееся было тоже самое, что бродило съ молоду.

Въ маленькомъ тѣльцѣ Луи-Блана живетъ бодрый и круто сложившійся духъ, très-évéillé, съ сильнымъ характеромъ, со своей опредѣленно вывалнной особенностью, и притомъ совершенно французскій. Быстрые глаза, скорыя движенія, придаютъ ему какой-то вмѣстѣ подвижной и точеный видъ, нелишенный граціп. Онъ по-

хожъ на сосредоточеннаго человъка, сведеннаго на наименьшую величину; въ то время какъ колоссальность его противника, Ледрю-Роллена, похожа на разбухнувшаго ребенка, на карлика въ огромныхъ размърахъ, или подъ уведичительнымъ стекломъ. Они оба могди бы чудесно играть въ Гуливеровомъ путешествіи. Луи-Бланъ, -и эта большая сила и очень рёдкое свойство, мастерски владветь собой; въ немъ много выдержки, и онъ въ самомъ пылу разговора, не только публично, но и въ пріятельской бесёдё, никогда не забываетъ самыхъ сложныхъ отношеній, никогда не выходить изъ себя въ споръ, не перестаетъ весело улыбаться, -и никогда не соглашается съ противникомъ. Онъ мастеръ разсказывать и, не смотра на то, что много говорить, -- какъ французъ, никогда не скажетъ лишняго слова-какъ Корсиканецъ.

Онъ занимается только Франціей, знаетъ только Францію и ничего не знаетъ "развѣ ее ". Событія міра, открытія науки, землетрясенія и наводненія занимають его по той мѣрѣ, по которой они касаются Франціп. Говоря съ нимъ, слушая его тонкія замѣчанія, его замѣчательные разсказы, легко изучать характеръ французскаго ума и тѣмъ легче, что мягкія, образованныя формы его не имѣютъ въ себѣ ничего вызывающаго раздражительную колкость (*).

^(*) Все это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ добавокъ и поправокъ писано лѣтъ десять тому назадъ. Я долженъ признаться, что послѣднія событія заставили меня отчасти измѣнить мое мнѣніе о Луи-Бланѣ. Онъ дѣйствительно сдѣлалъ шагъ впередъ—и, какъ слѣдовало ожидать, отъ якобинскихъ старообрядцевъ. Онъ ему не прошелъ даромъ. "Что дѣлать — говорилъ мнѣ Луи-Бланъ, еще въ разгарѣ Мексиканской войны: — Честь нашего знамени компрометирована". Мнѣніе чисто французское и совершенно противочеловѣческое. Видно оно сильно мучило Луи-Блана. Черезъ годъ, за обѣческое. Видно оно сильно мучило Луи-Блана. Черезъ годъ, за обѣ-

Я иногда шутя останавливаль его на общихъ мѣстахъ, которыя онъ, вѣроятно, повторялъ годы, не думая, чтобъ можно было возражать на такія почтенныя истины, и самъ не возражая: "Жизнь человѣка великій соціальный долгъ; человѣкъ долженъ постоянно приносить себя на жертву обществу".

- Зачвиъ? спросилъ я вдругъ.
- Какъ зачъмъ? Помилуйте: вся цъль, все назначеніе лица благосостояніе общества.
- Оно никогда не достигнется, если всѣ будутъ жертвовать и никто не будетъ наслаждаться.
 - Это игра словъ.

домъ, который давали въ Брюселѣ В. Гюго послѣ изданія "Les Misérahles", Луи-Бланъ въ своей рѣчи сказалъ: "Горе народу, когда его понятіе о чести вообще — не совпадаетъ съ понятіемъ поенной чести". Тутъ былъ цѣлый переворотъ. Онъ-то и обличился при началѣ послѣдней войны. Энергическія, полныя мѣткости и истинъ статьи Луи-Блана, помѣщаемыя въ Le Temps, возбудели грозу Siècl'я и Opinion Nationale: они чуть не выдали Луи-Блана за австрійскаго агента; и выдали бы совсѣиъ, еслибъ онъ не пользовался дѣйствительно заслуженной репутаціей — чистоты.

Когда я ближе познакомился съ Луи-Бланомъ, меня поразилъ внутренній невозмутимый покой его. Въ его разумьціи все было въ порядкъ и ръшено; тамъ не возникало вопросовъ, кромъ второстепенныхъ, прикладныхъ. Свои счеты онъ свелъ: er war im Klaren mit sich; ему было нравственно своболно, какъ человъку, который знаетъ, что онъ правъ. – Въ частныхъ ошибкахъ своихъ, въ промахахъ друзей - онъ сознавался добродушно; теоретическихъ угрызеній совъсти у него не было. Онъ быль доволенъ собой послъ разрушенія республики 1848 г., какъ Моисеевъ богъ послѣ созданія міра. Умъ его, подвижной въ ежедневныхъ дёлахъ и подробностяхъ, - былъ японски неподвиженъ во всемъ общемъ. Эта пезыблемая увфренность въ основахъ, однажды принятыхъ, слегка провфтриваемая холоднымъ раціональнымъ вѣтеркомъ, прочно держалась на нравственныхъ подпорочкахъ, силу которыхъ онъ никогда не испытываль, потому что въриль въ нее. Мозговая религіозность и отсутствие скептического сосанія подъ ложкой обводили его китайской ствной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнънія.

- Варварская сбивчивость понятій, говориль я смінсь.
- —Мнѣ никакъ не дается матеріалистическое понятіе о духѣ говорилъ онъ разъ, все же духъ и матерія различны; они тѣсно связаны, такъ тѣсно, что и не являются врозь, но все же они не одно и тоже и, видя, что какъ-то доказательство идетъ пхохо, онъ вдругъ прибавилъ: Ну вотъ я теперь закрываю глаза и воображаю моего брата; вижу его черты, слышу его голосъ; гдѣ же матеріальное существованіе этого образа?

Я сначала думалъ, что онъ шутитъ; но, видя, что онъ говоритъ совершенно серьезно, я замѣтилъ ему, что образъ его брата на сію минуту въ фотографическомъ заведеніи, называемомъ мозгомъ и что врядъ ли существуетъ портретъ Шарля - Блана отдѣльно отъ фотографическаго снаряда.

- Это совсѣмъ другое дѣло: матеріально въ моемъ мозгѣ нѣтъ изображенія моего брата.
 - Почемъ вы знаете?
 - А вы почемъ?
 - По наведенію.
- Кстати: это напоминаетъ мнѣ преуморительный анекдотъ.....

И тутъ, какъ всегда, разсказъ о Дидро или Mme Tencin, очень милый, но вовсе не идущій къ д \hbar лу.

Въ качествъ преемника Максимиліана Робеспьера, Луи-Бланъ поклонникъ Руссо и въ холодныхъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ. Въ своей исторіи онъ по библейски раздѣлилъ всѣхъ дѣятелей на два стана. Одесную—агнцы братства; ошуюю—козлы алчности и эгоизма. Эгоистамъ, въ родѣ Монтеня, пощады нѣтъ, и ему досталось порядкомъ. Луи-Бланъ въ этой сортировкѣ ни на чемъ не останавливается, и, встрѣтивъ финансиста

Лау, смѣло зачислилъ его по братству, чего конечно отважный шотландецъ никогда не ожидалъ.

Въ 1856 году прівзжаль въ Лондонь изъ Гаги Барбесь. Луи-Бланъ привель его ко мнв. Съ умиленіемъ смотрвль я на страдальца, который провель почти всю жизнь въ тюрьмв. Я прежде видвль его одинъ разъ, и гдъ? Въ окнв Hôtel-de-Ville, 15 мая 1848 г., за нвсколько минутъ передъ тъмъ, какъ ворвавшаяся національная гвардія схватила его (*).

Я зваль ихъ на другой день объдать; они пришли и мы просидъли до поздней ночи.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этой дикой, стихійной силѣ, которая мрачно содрагается, скованная людскимъ насиліемъ и собственнымъ невѣжествомъ, и подъ часъ прорывается въ щели и трещины разрушительнымъ огнемъ, наводящимъ ужасъ и смятеніе, — остановимся еще разъ на послѣднихъ тампліерахъ и классикахъ французской революціи; на ученой, образованной, изгнанной, республиканской, журнальной, адвокатской, медицинской, сорбонской, демократической буржуазіи, которая участвовала лѣтъ десять въ борьбѣ съ Людовикомъ - Филиппомъ, увлекаясь событіями 1848 года, и осталась имъ вѣрной и дома, и въ изгнаніи.

Въ ихъ рядахъ есть люди умные, острые, люди очень добрые, съ горячей религіей и съ готовностью ей пожертвовать всёмъ; но понимающихъ людей, людей, которые изследовали бы свое положеніе, свои вопросы

^(*) До чего доходило остервентне хранителей порядка въ этотъ день, можно измърить тъмъ, что національная гвардія схватила на бульварт Луи-Блана, котораго вовсе не слъдовало арестовать, и котораго полиція тотчась вельла освободить. Видя это, національный гвардеецъ, державшій его, схватиль его за палецъ, вризаль въ него свои ногти и повернуль послъдній суставъ.

такъ, какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ явленіе или патологъ болѣзнь, почти вовсе нѣтъ.

Скорѣе полное отчаяніе, презрѣніе къ лицамъ и дѣлу, скорѣе праздность упрековъ и попрековъ, стоицизмъ, героизмъ, всѣ лишенія, чѣмъ изслѣдованіе. Или такая же полная вѣра въ успѣхъ, безъ взвѣшиванія средствъ, безъ уясненія практической цѣли. Вмѣсто нея удовлетворялись знаменемъ, заголовкомъ, общимъ мѣстомъ: право на трудъ, уничтоженіе пролетаріата, республика и порядокъ! братство и солидарность всѣхъ народовъ. Да какъ же все это устроить, осуществить? Это послѣднее дѣло. Лишь бы имѣть власть; остальное сдѣлается декретами, плебисцитами. А не будутъ слушаться — Grenadiers, en avant armes! pas de charge... bayonnettes!

И религія террора, соир d'état, централизаціи, военнаго вмѣшательства, сквозитъ въ дыры карманьолы и блузы. Не смотря на доктринерскій протестъ нѣсколькихъ аттическихъ умовъ орлеанской партіи, отъ которыхъ разитъ Англіей на ружейный выстрѣлъ, терроръ былъ величественъ въ своей грозной неожиданности, въ своей неприготовленной, колоссальной мести; но останавливаться на немъ съ любовью, но звать его безъ необходимости—страшная ошибка, которой мы обязаны реакціею.

На меня Комитетъ общественнаго спасенія постоянно производиль то впечатлѣніе, которое я испытываль въ магазинѣ Charrière, rue de l'école de Médecine: со всѣхъ сторонъ блестятъ зловѣщимъ блескомъ стали кривыя, прямыя лезвея, ножницы, пилы, оружія вѣроятно спасенія, но навѣрно и боли. Операціи оправдываются успѣхомъ, а терроръ этимъ похвастаться не можетъ. Онъ всей своей хирургіей не спасъ республики. Къ чему была сдѣлана Дантонотомія, къ чему Еберто-

momin? Онъ ускорили лихорадку термидора; а въ ней республика и зачахла; люди все также и еще больше бредили спартанскими добродътелями, латинскими сентенціями и латинизмами à la David; бредили до того, что Salus populi въ одинъ прекрасный день перевели на Salvum fac Imperatorem, и пропъли его "Соборне", во всемъ архіерейскомъ орнатъ, въ Нотръ-Дамскомъ соборъ.

Террористы были люди недюжинные. Суровые, ръзкіе образы ихъ глубоко выяснились въ пятомъ дъйствіи и въка останутся въ исторіи до тъхъ поръ, пока у рода человъческаго не зашибетъ памяти; но нынъшніе французы - республиканцы на нихъ смотрятъ не такъ; они въ нихъ видятъ образцы и стараются быть кровожадными въ теоріи и въ надеждю приложенія.

Повторяя à la Saint-Just натянутыя сентенціи изъ хрестоматій и латинскихъ классовъ, восхищаясь холоднымъ, риторическимъ краснорѣчіемъ Робеспьера, они не допускаютъ, чтобъ ихъ героевъ судили какъ прочихъ смертныхъ. Человѣкъ, который бы сталъ говорить о нихъ, освобождаясь отъ обязательныхъ титуловъ, которые ставятъ всѣмъ нашимъ въ "бозѣ почившимъ", былъ бы обвиненъ въ ренегатствѣ, въ измѣнѣ, въ шпіонствѣ.

Изрѣдка встрѣчалъ я, впрочемъ, людей эксцентричныхъ, сорвавшихся со своей торной, гуртовой дороги.

За то уже французы въ этихъ случаяхъ, закусывая удила и усвоивая себѣ какую нибудь мысль, непринадлежащую къ суммѣ оборотныхъ мыслей и идей, доводять эту мысль до того черезъ край, что человѣкъ, подавшій имъ ее, самъ съ ужасомъ отпрядывалъ отъ нихъ.

Въ 1854 году, докторъ Сœurderoi, посылая мнѣ изъ Испаніи свою брошюру, написалъ ко мнѣ письмо. Такой озлобленный крикъ противъ современной Франціи и ея послѣднихъ революціонеровъ — мнѣ рѣдко удавалось слышать. Это былъ отвѣтъ Франціи на легко перенесенный соир d'état; онъ сомнѣвался въ умѣ, въ силѣ, въ крови своей расы; онъ звалъ казаковъ для "поправленія выродившагося народонаселенія". Онъ писалъ ко мнѣ потому, что нашелъ въ моихъ статьяхъ "тоже воззрѣніе". Я отвѣчалъ ему, что до исправительной трансфузіи крови не иду, и послалъ ему du Développement des idées révolutionnaires en Russie.

Сœurderoi не остался въ долгу; онъ отвѣтилъ мнѣ, что возлагаетъ всю надежду на войско Николая, долженствующее разрушить до тла, безъ пощады и сожалѣнія, цивилизацію обвѣтшавшую, испорченную, и которая не имѣетъ силъ ни обновиться, ни умереть своей смертью.

Одно уцълъвшее письмо его прилагаю:

M. A. Herzen.

Santander 27 mai.

Monsieur,

Que je vous remercie tout d'abord de l'envoi de votre travail sur les idées révolutionnaires et leur développement en Russie. J'avais déjà lu ce livre, mais il ne m'était pas resté entre les mains, et c'était pour moi un très grand regret.

C'est vous dire combien j'en apprécie la valeur comme fond et comme forme, et combien je le crois utile pour donner conscience à chacun des forces de la Révolution universelle, aux Français surtout qui ne la croient possible que par l'initiative du faubourg Saint-Antoine.

Puisque vous m'avez fait l'amitié de m'envoyer votre livre, permettez-moi, Monsieur, de vous en témoigner ma gratitude en vous disant ce que j'en pense. Non que j'attache de l'importance à mon opinion, mais pour vous prouver que j'ai lu avec attention.

C'est une belle étude, organique et originale, il y a là véritable vigueur, travail sérieux, vérités nues, passages profondément émouvants. C'est jeune et fort comme la race slave; on sent parfaitement que ce n'est ni un Parisien, ni un Paléologue, ni un Philistre

d'Allemagne qui ont écrit des lignes aussi brûlantes; ni un républicain constitutionnel, ni un socialiste théocrate et modéré, — mais un Cosaque (vous ne vous effrayez pas de ce nom, n'est-ce pas?) grandement anarchiste, utopiste et poète, acceptant la négation et l'affirmation la plus hardie du XIXe siècle. Ce que peu de révolutionnaires français osent faire.

... Sur le point particulier de la Rénovation ethnographique prochaine, j'ai trouvé dans votre livre (surtout dans l'Introduction) bien des passages qui semblent se rapprocher de mon opinion. Quoique vos conclusions ne soient pas très nettement formulées sur ce point, je crois que vous comptez pour le succès de la Révolution sur la fédération démocratique des races slaves qui donneront à l'Europe l'impulsion générale. Il est bien entendu que nous ne différons pas pour le but: la Résurrection du Continent sous la forme démocratique et sociale. Mais je crois que le sac de la Civilisation sera fait par l'absolutisme. Là je vois toute la différence entre nous.

Oui, j'ai conçu ces convictions qu'on dit malheureuses, et j'y persiste parce que chaque jour je les trouve plus justes :

- 10 Que la force a quelque chose à voir dans les affaires de notre microcosme :
- 2º Qu'en étudiant la marche des événements révolutionnaires dans le temps et dans l'espace on se convainct que la force prépare toujours la Révolution que l'idée a démontrée nécessaire;
- 30 Que l'idée ne peut pas accomplir l'œuvre de sang et de destruction;
- 4º Que le despotisme, au point de vue de la rapidité, de la sûreté, de la possibilité d'exécutions, est plus apte que la démocratie à bouleverser un monde,
- 5º Que l'armée monarchique russe sera plutôt mise en mouvement que la phalange démocratique slave ;
- 6º Qu'il n'y a que la Russie en Europe assez compacte encore sous l'absolutisme, assez peu divisée par les intérêts propriétaires et les partis pour faire bloc, coin, massue, glaive, épée, et exécuter l'Occident et trancher le nœud gordien.

Là Là Là

Qu'on me montre une autre force capable d'accomplir une pareille tâche; qu'on me fasse voir quelque part une armée démocratique toute prête et décidée à frapper sur les peuples, les frères, et à faire couler le sang, à brûler, à abattre sans regarder derrière elle, sans hésiter. Et je changerai de manière de voir.

Avec vous, je voulais seulement bien spécifier la question et la limiter sur ce seul point, le moyen d'exécution générale de la civilisation occidentale.

Je n'ai pas besoin de vous dire que notre appréciation sur le Passé et l'Avenir est la même. Nous ne différons absolument que sur le Présent. Vous, qui avez si bien apprécié le rôle révolutionnaire de Pierre Ier, pourquoi ne pourriez-vous pas penser que tout autre, Nicolas ou l'un de ses successeurs, pût avoir un formidable rôle à accomplir? Quelle autre main plus puissante, plus large, plus capable de rassembler des peuples conquérants, voyez-vous à l'Orient? Avant que la démocratie slave ait trouvé un mot d'ordre et traduit le vague secret de ses aspirations, le tzar aura bouleversé l'Europe. Le sort des nations civilisées est dans son bras, s'il le veut. Le monde ne tremble-t-il pas parce qu'il a parlé un peu plus haut que d'habitude? Je vous l'avoue, cette force me frappe tellement, que je ne puis concevoir qu'on cherche à en voir une autre. Et les révolutionnaires sentent tellement la nécessité d'une dictature pour démolir qu'ils voudraient l'instituer eux-mêmes dans le cas de réussite d'une nouvelle Révolution. A mon sens, ils ne se trompent pas sur la nécessité du moyen, seulement il n'est ni dans leur rôle, ni dans leurs principes, ni dans leurs forces de l'employer. Moi j'aime même voir le Despotisme se charger de cette odieuse tâche de fossoveur.

Cette lettre est déjà bien assez longue. Je voulais seulement préciser avec vous le point débattu. Ce qu'il faudrait maintenant entre nous, je le sens: ce serait une conversation dans laquelle nous avancerions plus en une heure que par milliers de lettres. Je n'abandonne pas cet espoir, et ce jour sera le bienvenu pour moi. Avec un homme de Révolution, de travail, de science et d'audace je crois toujours pouvoir m'entendre.

Quant aux sourds ou muets de la tradition révolutionnaire de 93, j'ai grand peur que vous n'en fassiez jamais des socialistes universels et des hommes de liberté. Encore moins des partisans de la Possession, du Droit au travail, de l'Echange et du Contrat. C'est tellement séduisant que de rêver une place de commissaire aux armées ou à la police, ou encore une sinécure de représentant du Peuple avec une belle écharpe rouge autour des reins, comme disait Rabelais, beaux floquarts, beaux rubans, gentil pourpoint, galantes braguettes, etc., etc. La plupart de nos révolutionnaires en sont là!

Les hommes ne sont guère plus sages que les enfants, mais beau-

coup plus hypocrites. Ils portent des faux-cols et des décorations et se croient illustres. Les enfants jouent plus sérieusement aux soldats que les grands monarques et les énormes tribunes que les peuples admirent.

Vous voudrez bien me pardonner de vous avoir écrit sans avoir l'honneur de vous connaître personnellement.

Vous m'excuserez surtout de m'être permis de vous donner sur vos ouvrages une opinion qui n'a d'autre valeur que la sincérité. J'estime, d'après mes propres impressions, que c'est le moyen le plus efficace pour reconnaître un don, qui vous a fait plaisir. D'ailleurs notre commun exil et nos aspirations semblables me semblent devoir nous épargner à tous deux les vaines formules de politique banale. Je termine en vous résumant mon opinion par ces deux mots: La Force et la Destruction demain par le tzar, la pensée et l'ordre après demain par les socialistes universels, les Slaves comme les Germano-Latins.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma considération très distinguée et de mes sympathies.

Ernest Cœurderoi.

J'espère que vous publierez en volume vos lettres à Linton Esqre que le journal l'*Homme* a données à ses lecteurs.

Pourriez-vous me dire s'il existe des traductions françaises des poésies de Pouchkine, de Lermontoff et surtout de Koltzoff. Ce que vous en dites me fait désirer infiniment de les lire. La personne qui vous remettra cette lettre est mon ami, L. Charre, proscrit comme nous, à qui j'ai dédié Mes jours d'exil.

БАРТЕЛЕМИ

Прошло два года, Бартелеми снова стоялъ передъ лордомъ Кемпбелемъ, и на этотъ разъ угрюмый старикъ, накрывшись чернымъ клобукомъ, произнесъ надъ нимъ иной приговоръ.

Въ 1854 году Бартелеми еще больше отдалился отъ всѣхъ; вѣчно чѣмъ-то занятый, онъ мало показывался, готовилъ что-то въ тиши; люди, жившіе съ нимъ вмѣстѣ, знали не больше другихъ. Я его видалъ изрѣдка; онъ всегда мнѣ показывалъ большое сочувствіе и довѣріе, но ничего особеннаго не говорилъ.

Вдругъ разнесся слухъ о двойномъ убійствѣ: Бартелеми убилъ какого-то мелкаго неизвѣстнаго англійскаго купца и потомъ полицейскаго агента, который хотѣлъ его арестовать. Объясненія, ключа — никакого, Бартелеми молчалъ передъ судьями, молчалъ въ Нью-Гетѣ. Онъ съ самаго начала признался въ убійствѣ полицейскаго: за это его можно было приговорить къ смертной казни, а потому онъ остановился на признаніи, защищая такъ сказать свое право быть повѣшеннымъ за послѣднее преступленіе, не говоря о первомъ.

Вотъ что мы узнали мало по малу. Бартелеми собрался ъхать въ Голландію. Въ дорожномъ платьъ, съ визированнымъ пассомъ въ карманѣ, съ револьверомъ въ другомъ, въ сопровожденіи женщины, съ которой онъ жилъ, Бартелеми отправился въ десять часовъ вечера къ англичанину, фабриканту содовой воды. Когда онъ постучался, горничная отворила ему дверь; хозяинъ пригласилъ ихъ въ парлоръ и, вслѣдъ за тѣмъ, пошелъ съ Бартелеми въ свою комнату.

Горничная слышала какъ разговоръ становился крупнѣе, какъ онъ перешелъ въ брань; вслѣдъ за тѣмъ ея господинъ отворилъ дверь и ихнулъ Бартелеми; тогда Бартелеми вынулъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ въ него. Купецъ упалъ мертвый. Бартелеми бросился вонъ; испуганная француженка скрылась прежде него и была счастливѣе. Полицейскій агентъ, слышавшій выстрѣлъ, остановилъ Бартелеми на улицѣ; онъ грозилъ ему пистолетомъ, полицейскій не пускалъ. Бартелеми выстрѣлилъ..... На этотъ разъ больше чѣмъ вѣроятно, что онъ не хотѣлъ убить агента, а только постращать его; но, вырывая руку и сжимая другой пистолетъ, на такомъ близкомъ разстояніи, онъ его смертельно ранилъ. Бартелеми пустился бѣжать, но полицейскіе уже замѣтили его, и онъ былъ схваченъ.

Враги Бартелеми, не скрывая радости, говорили, что это быль просто акть разбон, что Бартелеми котѣль ограбить англичанина. Но англичанинь вовсе не быль богать. Безъ полнаго помѣшательства трудно предположить, чтобъ человѣкъ пошель на открытый разбой въ Лондонѣ, въ одномъ изъ населениѣйшихъ кварталовъ, въ знакомый домъ, часовъ въ десять вечера, съ женщиной: и все это, чтобъ украсть какихъ нибудь сто фунтовъ (что-то такое было найдено въ коммодѣ убитаго).

Бартелеми, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого, завелъ какую-то мастерскую крашеныхъ стеколъ съ узорами, арабесками и надписями по особому способу. Онъ на привилегію истратиль фунтовь до 60; фунтовь 15 не достало, онъ попросиль у меня взаймы и очень акуратно отдаль. Ясно, что туть было что-то важнѣе простаго воровства. Внутренняя мысль Бартелеми, его страсть, мономанія остались. Что онъ ѣхаль въ Голландію только для того, чтобы оттуда пробраться въ Парижь — это знали многіе.

Едва три-четыре человъка остановились въ раздумьи передъ этимъ кровавымъ дъломъ; остальные всъ испугались и опрокинулисъ на Бартелеми. Быть повъщеннымъ въ Англіи не респектабельно; имъть связи съ человъкомъ, судимымъ за убійство — shoking; ближайшіе друзья его отшарахнулись.

Я тогда жилъ въ Твикнемъ. Прихожу разъ домой вечеромъ, меня ждутъ два рефюжье: "Мы къ вамъ — говорятъ они — прі вхали, чтобъ васъ удостовърить, что мы ни малъйшаго участія не имъли въ страшномъ дълъ Бартелеми; у насъ была общая работа, мало ли съ къмъ приходится работать. Теперь скажутъ... подумаютъ"....

- Да неужели вы за этимъ прівхали изъ Лондона въ Твикнемъ? спросилъ я.
 - Ваше мивніе намъ очень дорого.
- Помилуйте, господа; да я самъ былъ знакомъ съ Бартелеми, и хуже васъ, потому что никакой общей работы съ нимъ не имѣлъ; но я не отрекаюсь отъ него. Я не знаю дѣла, судъ и осужденіе предоставляю лорду Кемпбелю, а самъ плачу о томъ, что такая молодая и богатая сила, такой талантъ, такъ воспиталсн горькой борьбой и средой, въ которой жилъ, что въ пущемъ цвѣтѣ лѣтъ его жизнь потухаетъ подъ рукою палача.

Поведеніе его въ тюрьмѣ поразило англичанъ: ров-

ное, покойное, печальное безъ отчаянія, твердое безъ jactance. Онъ зналъ, что для него все кончено, и съ тѣмъ же непоколебимымъ спокойствіемъ выслушалъ приговоръ, съ которымъ нѣкогда стоялъ подъ градомъ пуль на баррикадахъ.

Онъ писалъ къ своему отцу и къ дѣвушкѣ, которую любилъ. Письмо къ отцу я читалъ; ни одной фразы, величайшая простота, онъ кротко утѣшаетъ старика, какъ будто рѣчь не о немъ самомъ.

Католическій священникъ, который ех оfficiо ходилъ къ нему въ тюрьму, человѣкъ умный и добрый, принялъ въ немъ большое участіе и даже просилъ Пальмерстона о перемѣнѣ наказанія, но Пальмерстонъ отказалъ. Разговоры его съ Бартелеми были тихи и исполнены гуманности съ обѣихъ сторонъ. Бартелеми писалъ ему: "Много, много благодаренъ я вамъ за ваши добрыя слова, за ваши утѣшенія. Еслибъ я могъ обратиться въ вѣрующаго, то конечно, одни вы могли бы обратить меня; но что же дѣлать — у меня нѣтъ вѣры!" Послѣ его смерти священникъ писалъ одной знакомой мнѣ дамѣ: "Какой человѣкъ былъ этотъ несчастный Бартелеми! еслибъ онъ дольше прожилъ, можетъ его сердце и раскрылось бы благодати. Я молюсь о его душѣ!"

Тъмъ болъе останавливаюсь я на этомъ случаъ, что Times со злобой разсказалъ насмътку Бартелеми надъ шерифомъ.

За нѣсколько часовъ до казни, одинъ изъ шерифовъ, узнавъ, что Бартелеми отказался отъ духовной помощи, счелъ себя обязаннымъ обратить его на путь спасенія и началъ ему пороть ту піэтическую дичь, которую печатаютъ въ англійскихъ грошевыхъ трактатахъ, раздаваемыхъ даромъ на перекресткахъ. Бартелеми надоѣло увѣщаніе шерифа. Апостолъ съ золотой цѣпью за-

мътиль это и, принявъ торжественный видъ, сказалъ ему: "Подумайте, молодой человъкъ, черезъ нъсколько часовъ, вы будете не мнъ отвъчать, а Богу".

— А какъ вы думаете — спросилъ его Бартелеми — Богъ говоритъ по французски или нътъ? Иначе я не могу ему отвъчать.

Шерифъ поблѣднѣлъ отъ негодованія, и блѣдность и негодованіе дошли до параднаго ложа всѣхъ шерифскихъ, мерскихъ, алдерманскихъ вздоховъ и улыбокъ: до огромныхъ листовъ "Теймса".

Но не одинъ апостольствующій шерифъ мѣшалъ Бартелеми умереть въ томъ серьезномъ и нервно поднятомъ состояніи, котораго онъ искалъ, которое такъ естественно искать въ послѣдніе часы жизни.

Приговоръ былъ прочтенъ. Бартелеми замѣтилъ комуто изъ друзей, что, уже если нужно умереть, онъ предпочелъ бы тихо, безъ свидѣтелей, потухнуть въ тюрьмѣ, чѣмъ всенародно, на площади, погибнуть отъ руки налача. "Ничего нѣтъ легче: завтра, послѣ завтра, я тебѣ принесу стрихнина". Мало одного, двое взялись за дѣло. Онъ тогда уже содержался какъ осужденный, т. е. очень строго; тѣмъ не меньше, черезъ нѣсколько дней, друзья достали стрихнинъ и передали ему въ бѣлъѣ. Оставалось убѣдиться, что онъ нашелъ. Убѣдились и въ этомъ...

Боясь отвётственности, одинъ изъ нихъ, на котораго могло пасть подозрёніе, хотёлъ на время покинуть Англію. Онъ попросилъ у меня нёсколько фунтовъ на дорогу; я былъ согласенъ ихъ дать. Что кажется проще этого? но я разскажу это ничтожное дёло для того, чтобъ показать, какимъ образомъ всё тайные заговоры французовъ открываются, какимъ образомъ у пихъ во всякомъ дёлё, любовью къ роскошной mise en scène, бездна постороннихъ лицъ компрометируется.

Вечеромъ въ воскресенье у меня были по обыкновенію нѣсколько человѣкъ: польскихъ, итальянскихъ и другихъ рефюжье. Въ этотъ день были и дамы. Мы очень поздно сѣли обѣдать: часовъ въ восемь. Часовъ въ девять вошелъ одинъ близкій знакомый. Онъ ходилъ ко мнѣ часто, и потому его появленіе не могло броситься въ глаза; но онъ такъ ясно выразилъ всѣмъ лицемъ: "Я умалчиваю!", что гости переглянулись.

- Не хотите ли чего нибудь съъсть, или рюмку вина? спросилъ я.
- Нѣтъ, сказалъ, опускаясь на стулъ, сосудъ, отяжелѣвшій отъ тайны.

Послѣ обѣда онъ при всѣхъ вызвалъ меня въ другую комнату и, сказавши что Бартелеми досталъ ядъ (новость, которую я уже слышалъ), передалъ мнѣ просъбу о ссудѣ деньгами отъѣзжающаго.

- Съ большимъ удовольствіемъ, я сейчасъ принесу, сказалъ я.
- Нѣтъ, я ночую въ Твикнемѣ и завтра утромъ еще увижусь съ вами. Мнѣ не нужно вамъ говорить, васъ просить, чтобъ ни одинъ человѣкъ.....

Я улыбнулся.

Когда я вошелъ опять въ столовую, одна молодая дѣвушка спросила меня: "Вѣрно онъ говорилъ о Бартелеми?"...

На другой день, часовъ въ восемь утра, вошелъ Франсуа и сказалъ, что какой-то французъ, котораго онъ прежде не видътъ, требуетъ непремънно меня видътъ.

Это быль тоть самый пріятель Бартелеми, который хотѣль незамптно уѣхать. Я набросиль на себя пальто и вышель въ садъ, гдѣ онъ меня дожидался. Тамъ и встрѣтиль болѣзненнаго, ужасно исхудалаго, черноволосаго француза (я послѣ узналъ, что онъ годы сидѣлъ

въ Бель-Илѣ и потомъ à la lettre умиралъ съ голоду въ Лондонѣ). На немъ было потертое пальто, на которое бы никто не обратилъ вниманія; но дорожный картузъ и большой дорожный шарфъ, обмотанный вокругъ шеи, невольно остановили бы на себѣ глаза въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ.

- Что случилось?
- Былъ у васъ такой-то?
- Онъ и теперь здѣсь.
- Говорилъ о деньгахъ?
- Это все кончено деньги готовы.
- Я право очень благодаренъ.
- Когда вы ѣдете?
- Сегодня или завтра.

Къ концу разговора подоспѣлъ и нашъ общій знакомый. Когда путешественникъ ушелъ: "Скажите, пожалуйста, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ?" — спросилъ я, оставшись съ нимъ на единѣ.

- За деньгами.
- Да въдь вы могли ему отдать.
- Это правда, но ему хотѣлось съ вами познакомиться; онъ спрашивалъ меня пріятно ли вамъ будетъ, что же мнѣ было сказать?
- Безъ сомнънія очень; только я не знаю, хорошо ли онъ выбралъ время.
 - А развъ онъ вамъ помъшалъ.
 - Нътъ; а какъ он полиція ему не помъщала выъхать...

По счастью этого не случилось. Въ то время, какъ онъ уѣзжалъ, его товарищъ усомнился въ ядѣ, который они доставили; подумалъ — подумалъ и далъ остатокъ его собакѣ. Прошелъ день, собака жива; прошелъ другой — жива. Тогда, испуганный, онъ бросился въ Нью-Гетъ, добился свиданья съ Бартелеми черезъ рѣшетку

и, улучшивъ минуту, шепнулъ ему. "У тебя?" — "Да, да!" "Вотъ видишь, у меня большое сомнѣніе. Ты лучше не принимай: я пробовалъ надъ собакой, никакого дѣйствія не было!"

Бартелеми опустилъ голову, и потомъ, поднявши ее съ глазами полными слезъ, сказатъ: "Что же вы это надо мной дѣлаете!"

- Мы достанемъ другаго.
- Не надобно отвътилъ Бартелеми пусть совершится судьба.

И съ той минуты сталъ готовиться къ смерти, не думалъ объ ядъ и писалъ какой-то мемуаръ, которомо не выдали послъ его смерти другу, которому онъ его завъщалъ (тому самому, который уъзжалъ).

Девятнадцатаго Января, въ субботу, мы узнали о посъщении священникомъ Пальмерстона и его отказъ.

Тяжелое воскресенье слѣдовало за этимъ днемъ. Мрачно разошлась небольшая кучка гостей. Я остался одинъ. Легъ спать, уснулъ и тотчасъ проснулся. И такъ черезъ 7 — 6 — 5 часовъ, его, исполненнаго силы, молодости, страстей, совершенно здороваго, выведутъ на площадь и убьютъ, безъ жалости убьютъ, безъ удовольствія и озлобленія, а еще съ какимъ-то фарисейскимъ состраданіемъ!... На церковной башнѣ начало бить семь часовъ. Теперъ двинулось шествіе, и Калькрафтъ на лицо. Послужили ли бѣдному Бартелеми его стальные нервы? у меня стучалъ зубъ объ зубъ.

Въ 11 утра взошелъ Д.

- Кончено? спросилъ я.
- Кончено.
- Вы были?
- Былъ.

Остальное досказаль Times.

Противъ статьи "Теймсъ", аббатъ Roux напечаталъ:
The murderer Barthelemy.

Когда все было готово, — разсказываетъ Times — онъ попросилъ письмо той дѣвушки, къ которой писалъ и, помнится, локонъ ея волосъ или какой-то сувениръ, онъ сжалъ ихъ въ рукѣ, когда палачъ подошелъ къ нему... ихъ, сжатыми въ его окоченѣлыхъ пальцахъ нашли помощники палача, пришедшіе снять его тѣло съ висѣлицы. "Человѣческая справедливость — какъ говоритъ "Теймсъ" — была удовлетворена!" Я думаю, да этого и діавольской не показалось бы мало!

Тутъ бы и остановиться. Но пусть же въ моемъ разсказѣ, какъ было въ самой жизни, останутся слѣды богатырской поступи возлѣ ступней ослиныхъ и свиныхъ копытъ.

Когда Бартелеми былъ схваченъ, у него не было достаточно денегъ, чтобъ платить солиситеру; да ему и не хотблось нанимать его. Явился какой-то неизвъстный адвокать Герингь, предложившій ему защищать его, явнымъ образомъ, чтобъ сдёлать себя извёстнымъ. Защищалъ онъ слабо; но не надобно забывать, задача была необыкновенно трудна; Бартелеми молчалъ и не хотъль, чтобъ Герингъ говорилъ о главномъ дълъ. Какъ бы то ни было, Герингъ возился, терялъ время, хлопоталъ. Когда казнь была назначена, Герингъ пришелъ въ тюрьму проститься; Бартелеми быль тронутъ, благодарилъ его и, между прочимъ, сказалъ ему: "У меня ничего нътъ, я не могу вознаградить вашъ трудъ ничёмъ, кроме моей благодарности. Хотель бы я вамъ по крайней мъръ оставить что нибудь на память, да ничего у меня нътъ, чтобъ я могъ вамъ предложить. Развѣ мое пальто?

- Я вамъ буду очень, очень благодаренъ, и хотълъ его у васъ просить.
- Съ величайшимъ удовольствіемъ,— сказалъ Бартелеми но оно плохо...
- О, я его не буду носить; признаюсь вамъ откровенно, я уже запродалъ его, и очень хорошо.
 - Какъ запродали? спросилъ удивленный Бартелеми.
 - Да, Madame Туссо, для ея особой галлереи.

Бартелеми содрогнулся.

Когда его вели на казнь, онъ вдругъ вспомнилъ и сказалъ шерифу: "Ахъ, я совсвиъ было забылъ попросить, чтобъ мое пальто никакъ не отдавали Герингу!"

С. ВОРЦЕЛЬ

Давно накипавшее неудовольствіе противъ централизаціи въ молодой части демократической эмиграціи подняло голосъ; голосъ, обвиняющій Ворцеля. Онъ обомлѣлъ: этой раны онъ не ждалъ, и она пришла совершенно естественно. Былъ ли онъ виноватъ и на сколько — мы сейчасъ увидимъ.

Небольшая кучка людей, близко окружавшихъ Ворцеля, и изъ числа которыхъ были избраны почти всъ члены централизаціи, далеко не имѣла одного уровня съ нимъ. Ворцель понималъ это, и постоянно находился подъ ихъ вліяніемъ. Этому странному явленію способствовало многое: снисхождение человъка сильнаго къ слабымъ, но благонамъреннымъ людямъ; желаніе сохранить около себя целую партію, ценою по видимому неважныхъ уступокъ; наконецъ физическая слабость и его астиъ: ему говорить было трудно, поднимать голосъ онъ не могъ; а тъ не привыкли его понижать и, въ случав возраженій, такъ кричали, что Ворцель отказывался отъ своего мнвнія, чтобъ опомниться отъ крика. Привыкнувъ къ своему жиденькому хору, онъ воображалъ, что ведетъ его, въ то время какъ хоръ, стоя сзади, направляль его куда хотъль. Только старикъ подымался на ту высь, въ которой ему было свободно дышать, въ которой ему было естественно: хоръ, исполняя должность мѣщанской родни, какъ гиря, стягивалъ его въ низменную сферу эмиграціонныхъ дрязгъ и мелочныхъ разсчетовъ; бѣдный Ворцель задыхался въ этой средѣ столько же отъ духовнаго астма, сколько отъ физическаго.

Люди не поняли серьезнаго смысла того союза, который я предлагаль. Они въ немъ видѣли средство придать новый колорить дѣлу; вѣчная таутологія общихъ мѣстъ, патріотическія фразы, казенныя воспоминанія—все это пріѣлось, наскучило. Соединеніе съ русскимъ давало новый интересъ. Къ тому же они думали поправить свои дѣла, очень разстроенныя, на счетъ русской пропаганды.

Съ самаго начала между мной и членами централизаціи не было настоящаго пониманья. Недов'трчивые ко всему русскому, они хотъли, чтобъ я написалъ и напечаталь нъчто въ родъ profession de foi. Я написаль: "Поляки прощаютъ насъ". Они просили измѣнить койкакія выраженія. Я это сдёлаль, хотя далеко не быль согласенъ съ ними. Въ отвътъ на мою статью, Л. 3. написалъ воззваніе къ Русскимъ и прислалъ мнѣ его въ рукописи. Ни тъни новой мысли; тъ же фразы, тъ же воспоминанія, и притомъ католическія выходки. Прежде чъмъ переводитъ на русскій языкъ, я показалъ Ворцелю нелъпости редакціи. Ворцель быль согласень и пригласиль меня вечеромъ объяснить дёло членамъ централизаціи. Тутъ произошла вѣчная сцена Трисотина и Вадіуса: именно тѣ мѣста, на которыя я указываль, онв-то и были необходимы для того, чтобъ "Польша не сгинэла". На счетъ католическихъ фразъ они сказали, что — каковы бы ни были ихъ личныя върованія — они хотять быть съ народомъ; а народъ горячо любитъ свою гонимую мать, латинскую церковь.

Ворцель поддерживалъ меня. Но, какъ только онъ

начиналь говорить, его товарищи принимались кричать. Ворцель кашляль отъ табачнаго дыма и ничего не могь сдѣлать. Онъ обѣщаль мнѣ переговорить съ ними потомъ и настоять на главныхъ поправкахъ. Черезъ недѣлю вышелъ "Демократъ Польскій". Въ воззваніи не было перемѣнено ни одной істы; я отказался отъ перевода. Ворцель говориль мнѣ, что и онъ былъ удивленъ этой продѣлкой. "Этого мало, что вы удивились, зачѣмъ вы не остановили"—замѣтилъ я ему.

Для меня было очевидно, что, рано или поздно, вопросъ станетъ для Ворцеля такъ: разорвать съ тогдашними членами централизаціи и остаться въ близкомъ отношеніи со мной, или разорвать со мной и остаться по прежнему со своими революціонными недорослями...... Ворцель выбралъ послѣднее; я былъ огорченъ этимъ, но никогда не сѣтовалъ на него и не сердился.

Здёсь я долженъ буду войти въ печальныя подробности. Когда я завелъ типографію, у насъ было рёшено такъ: всё расходы книгопечатанія (бумага, наборъ, наемъ мёста, работа и проч.) падали на мой счетъ. Централизація брала на свой счетъ пересылку русскихълистовъ и брошюръ тёми путями, которыми она пересылала польскія брошюры. Все, что они брали для пересылки, я имъ давалъ безденежно. Казалось, что моя львиная часть была хороша; но вышло, что и она была мала.

Для своихъ дѣлъ, и преимущественно для собранія денегъ, централизація рѣшила послать въ Польшу эмиссара. Хотѣли даже, чтобъ онъ пробрался въ Кіевъ, а если можно — въ Москву, для русской пропаганды, и просили отъ меня писемъ. Я отказалъ, боясь надѣлать бѣдъ. Дня за три до его отправленія, вечеромъ, встрѣтилъ я на улицѣ З., который тотчасъ меня спросилъ:

Вы сколько даете на посылку эмиссара со своей стороны?

Вопросъ показался миѣ страннымъ; но, зная ихъ стѣсненное положеніе, я сказалъ, что, пожалуй, дамъ фунтовъ десять (250 фр.).

— Да что вы шутите, что ли?—спросилъ морщась 3. —Ему надобно по меньшей мъръ шестьдесять фунтовъ, а у насъ фунтовъ сорокъ не достаетъ. Этого такъ оставить нельзя, я поговорю съ нашими и приду къ вамъ.

Дъйствительно, на другой день онъ пришелъ съ Ворцелемъ и двумя членами централизаціи. На этотъ разъ З. меня просто обвинилъ въ томъ, что я не хочу дать достаточно денегъ на посылку эмиссара, а согласенъ ему дать русскіе печатные листы.

- Помилуйте, отвъчалъ я вы ръшились послать эмиссара, вы находите это необходимымъ; трата падаетъ на васъ. Ворцель на лицо, пусть онъ вамъ напомнитъ условія.
- Что туть толковать о вздорти: развѣ вы не знали, что у насъ теперь гроша нѣтъ.

Тонъ этотъ мий наконецъ надойлъ.

· — Вы — сказалъ и — кажется, не читали "Мертвыя Души"; а то бы я вамъ напомнилъ Ноздрева, который, показывая Чичикову границу своего имънья, замътилъ, что и съ той и съ другой стороны земля его. Это очень сбиваетъ на нашъ дълежъ: мы дълили работу нашу и тягу пополамъ на томъ условіи, чтобъ объ половины лежали на моихъ плечахъ.

Маленькій, желчный литвинъ началъ выходить изъ себя, кричать о гонорѣ и заключилъ нелѣпую и невѣжливую рѣчь вопросомъ: "Чего же вы хотите?"

— Toro, чтобъ вы меня не принимали ии за bailleur de fonds, ни за демократическаго банкира, какъ меня

назвалъ одинъ нѣмецъ въ своей брошюрѣ. Вы слишкомъ оцѣнили мои средства, и, кажется, слишкомъ мало меня; вы ошиблись...

- Да позвольте, да позвольте горячился блёдный отъ ярости литвинъ.
- Я не могу дозволить продолженія этого разговора, сказаль наконець Ворцель, мрачно сидъвшій въ углу и вставая или продолжайте его безъ меня. Cher Herzen, вы правы; но подумайте объ нашемъ положеніи: эмиссара послать необходимо, а средствъ нътъ.

Я остановиль его. "Въ такомъ случав можно было меня спросить: могу ли я что нибудь сдвлать, но нельзя было требовать; а требовать въ этой грубой формв просто гадко. Деньги я дамъ; двлаю это единственно для васъ и, даю вамъ честное слово, господа, въ последній разъ".

Я вручилъ Ворцелю деньги, и всѣ мрачно разошлись. Эмиссаръ поѣхалъ и пріѣхалъ назадъ, ничего не сдѣлавши. Война приближалась, началась. Эмиграція была недовольна; молодые эмигранты винили товарищей Ворцеля въ неспособности, лѣни, въ желаніи устроить свои дѣлишки виѣсто польскихъ дѣлъ. Неудовольствіе ихъ дошло до явнаго ропота; они поговаривали объ отчетѣ, котораго хотѣли требовать отъ членовъ централизаціи, объ открытомъ заявленіи недовѣрія. Ихъ останавливало и удерживало одно— уваженіе и любовь къ Ворцелю. Сколько могъ, я, черезъ Ч., поддерживалъ это; но ошибка за ошибкой централизаціи должны были наконецъ вывести изъ терпѣнія хоть кого.

Въ ноябръ 1854 быль снова польскій митингь; но уже совсьмь въ другомъ духъ, чъмъ въ прошломъ году. Предсъдателемъ былъ избранъ членъ парламента, Жозуа Вомслей. Иоляки ставили свое дъло подъ англійскій патронажъ. Въ предупрежденіе слишкомъ красныхъ рѣчей, Ворцель написалъ кое къ кому записки въ родѣ полученной мною: "Вы знаете, что 29-го у насъ митингъ; не можемъ пригласить васъ и въ этотъ разъ, какъ въ прошлый, сказать намъ нѣсколько сочувственныхъ словъ: война и необходимость сближенія съ англичанами заставляютъ насъ дать митингу иной цвѣтъ. Не Герценъ, не Ледрю-Ролленъ и Пьянчани будутъ говорить, а большей частью англичане; изъ нашихъ же одинъ Кошутъ возьметъ рѣчь, чтобы изложить положеніе дѣлъ и пр.".

Я отвѣчалъ, "что приглашеніе не говорить на митингѣ я получилъ, и съ тѣмъ большей охотой его принимаю, что оно очень легко".

Сближеніе съ англичанами не состоялось; уступки были сдёланы напрасно; даже подписка шла плохо. Ж. Вомслей сказалъ, что онъ готовъ дать денегъ, но не хочетъ подписать своего имени, не желая, какъ членъ парламента, оффиціально участвовать въ сборѣ, цѣль котораго не признана правительствомъ.

Все это, и между прочимъ мое отдѣленіе отъ митинга, довело раздраженіе молодыхъ людей до крайней степени; у нихъ уже ходилъ по рукамъ обвинительный актъ. Какъ нарочно въ тоже время я долженъ былъ перевести русскую типографію въ другое мѣсто. З., нанимавшій на свое имя домъ, въ которомъ помѣщалась она, вмѣстѣ съ польской типографіей, былъ кругомъ въ долгахъ; два раза уже являлись брокеры; всякій день можно было ждать, что типографію захватятъ вмѣстѣ съ другой мебелью. Я поручилъ Ч. ее перевезти; З. упирался, не хотѣлъ выдать буквъ и принадлежностей; я написалъ ему холодную записку. Въ отвѣтъ на нее, на другой день, пріѣхалъ больной и разстроенный Ворцель ко мнѣ въ Ричмондъ.

- Вы намъ наносите le coup de grâce; въ то самое время, какъ у насъ идетъ такая усобица, вы переводите типографію.
- Увъряю васъ, что тутъ никакихъ нътъ политическихъ причинъ, ни ссоръ, ни демонстраціи; а очень просто: я боюсь, что опишутъ все у З. Отвъчаете ли вы мнъ, что этого не будетъ; я на ваше честное слово положусь и типографію оставлю.
 - --- Дѣла его очень запутаны, это правда.
- Какъ же вы хотите, чтобъ я рисковалъ моимъ единственнымъ орудіемъ. Если даже я потомъ и выкуплю, чего будетъ стоить одна потери времени? вы знаете какъ это здёсь дёлается.

Ворцель молчалъ.

— Вотъ что я могу сдѣлать для васъ; я напишу письмо, въ которомъ скажу, что хозяйственныя распоряженія заставляють меня перевезти типографію, но что это не только не значить, что мы расходимся, но, напротивъ, что у насъ вмѣсто одной, будуть двѣ типографіи; письмо это вы можете напечатать, ежели желаете, или показать кому угодно.

Дъйствительно, я въ этомъ смыслъ и написалъ письмо на имя Ж., забитаго члена централизаціи, завъдывавшаго ея матеріальной частью.

Ворцель остался объдать; послъ объда я уговориль его переночевать въ Ричмондъ; вечеромъ мы сидъли съ нимъ вдвоемъ передъ каминомъ. Онъ былъ очень печаленъ, ясно понимая какихъ ошибокъ онъ надълалъ, какъ всъ уступки не повели ни къ чему, кромъ внутренняго распаденія; наконецъ, какъ агитація, которую онъ дълалъ съ Кошутомъ, пропадала безслъдно; а фономъ всей черной картины — убійственный покой Польши.

Осенью 1856 Ворцелю совътовали ъхать въ Ниццу и сначала пожить на теплыхъ закраинахъ Женевскаго озера. Услышавъ это, я ему предложилъ деньги, нужныя на путь. Онъ принялъ, и это насъ снова сблизило; мы опять стали чаще видаться. Но собирался онъ въ путь тихо; лондонская зима сырая, съ продымленнымъ, давящимъ туманомъ, въчной сыростью и страшными съверо-восточными вътрами, начиналась. Я торопилъ его, но у него уже развивался какой-то инстинктивный страхъ отъ перемъны, отъ движенья. Онъ боялся одиночества. Я ему предлагалъ взять съ собою кого нибудь до Женевы; тамъ я его передалъ бы Карлу Фогту.

Онъ все принималъ, со всѣмъ соглашался, но ничего не дѣлалъ. Жилъ онъ ниже rez·de-chaussée; у него въ комнатѣ почти никогда не было свѣтло. Тамъ-то, въ астмѣ, безъ воздуха, дыша каменнымъ углемъ, онъ потухалъ.

П. Тэйлоръ велѣлъ хозяйкѣ дома всякую недѣлю посылать къ нему счетъ за квартиру, столъ и прачку: этотъ счетъ онъ платилъ, но "на руки" ему не давалъ ни одного фунта.

Ъхать онъ рѣшительно опоздалъ; я ему предложилъ нанять для него хорошую комнату въ Brompton Consumption hospital.

- Да, это было бы хорошо, но нельзя. Помилуйте, это страшная даль отсюда.
 - Ну такъ что же?
- Ж. живетъ здѣсь, и всѣ дѣла наши здѣсь; а онъ долженъ каждое утро приходить ко мнъ съ дневнымъ отчетомъ!

Тутъ самоотвержение граничило съ сумасшествиемъ. Со смертью Ворцеля, демократическая партия польской эмиграции въ Лондонъ обмельчала. Имъ, его изящ-

ной, его почтенной личностью, она держалась. Вообще радикальная партія распалась на мелкія партіи, почти враждебныя. Годичные митинги въ разбивку стали бѣдны числомъ и интересомъ: вѣчная панихида, перечень старыхъ и новыхъ потерь и, какъ всегда въ панихидахъ, чанніе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, вѣра во второе пришествіе Бонапарта и въ преображеніе Рѣчи Постолитой.

Два-три благородныхъ старца остались величественными и скорбными памятниками; какъ тѣ длиннобородые, сѣдые израильтяне, которые плачутъ у стѣнъ Іерусалимскихъ, они, не какъ вожди, указываютъ путь впередъ, а какъ иноки, могилу; они останавливаютъ насъ своимъ Sta viator!

Между ними лучшій изъ лучшихъ, сохранившій въ дряхломъ тѣлѣ молодое сердце и юный, кроткій, дѣтски чистый голубой взглядъ. Одна нога его уже въ гробѣ; скоро уйдетъ онъ, скоро и противникъ его, Адамъ Чарторижскій.

Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ это finis Poloniæ?

..... Прежде чѣмъ мы совсѣмъ оставимъ трогательную и симпатичную личность Ворцеля на холодномъ Гай-Гетовскомъ кладбищѣ, я хочу разсказать нѣсколько мелочей о немъ. Такъ люди, идущіе съ похоронъ, пріостанавливая скорбь, разсказываютъ разныя подробности о покойномъ.

Ворцель быль очень разсвянь въ маленькихъ житейскихъ двлахъ; послв него всегда оставались очки, ихъ чехолъ, платокъ, табакерка; за то, если близко него лежалъ не его платокъ, онъ его клалъ въ карманъ; онъ приходилъ иногда съ тремя перчатками, иногда съ олной.

Прежде чёмъ онъ переёхалъ въ Hunter street, онъ

жиль возлѣ, въ полукругѣ небольшихъ домовъ Burton Crescent, 43, недалеко отъ Нью-Родъ. На англійскій манеръ, всѣ дома полукруга были одинакіе. Домъ, въ которомъ жилъ Ворцель, былъ пятый съ края, и онъ всякій разъ, зная свою разсѣянность, считалъ двери. Возвращаясь какъ-то съ противоположной стороны полулунія, Ворцель постучалъ и, когда ему отперли, вошелъ въ свою комнату. Изъ нея вышла какая-то дѣвушка, вѣроятно хозяйская дочь. Ворцель сѣлъ отдохнуть къ потухавшему камину. За нимъ кто-то раза два кашлянулъ: на креслахъ сидѣлъ незнакомый человѣкъ. "Извините, — сказалъ Ворцель — вы вѣрно меня жлали?"

- Позвольте, замѣтилъ англичанинъ прежде чѣмъ я отвѣчу, узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?
 - Я Ворцель.
- Не имѣю удовольствія знать; что же вамъ угодно? Тутъ вдругъ Ворцеля поразила мысль, что онъ не туда попалъ; оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что мебель и все прочее не его. Онъ разсказалъ англичанину свою бѣду и, извиняясь, отправился въ пятый домъ съ другой стороны. По счастію англичанинъ былъ очень учтивый человѣкъ, что не очень обыкновенный плодъвъ Лондонъ.

Мъсяца черезъ три таже исторія. На этотъ разъ, когда онъ постучалъ, горничная, отворившая дверь, видя почтеннаго старика, просила его взойти прямо въ парлоръ; тамъ англичанинъ ужиналъ со своей женой. Увидя входящаго Ворцеля, онъ весело протянулъ ему руку и сказалъ: "Это не здъсь, вы живете въ 43".

При этой разсѣянности, Ворцель сохранилъ до конца жизни необыкновенную память; я въ немъ справлялся какъ въ лексиконѣ или энциклопедіи. Онъ читалъ все на свътъ, занимался всъмъ: механикой и астрономіей, естественными науками и исторіей. Не имъя никакихъ католическихъ предразсудковъ, онъ, по старому pli польскаго ума, върилъ въ какой-то духовный міръ, неопредъленный, ненужный, невозможный, но отдъльный отъ міра матеріальнаго. Это не религія Моисея, Авраама и Исаака, а религія Жанъ-Жака, Жоржъ-Сандъ, Пьера-Леру, Маццини и пр. Но Ворцель имълъ меньше ихъ всъхъ правъ на нее.

Когда его астиъ не очень мучилъ и на душт было не очень темно, Вордель быль очень любезень въ обществъ. Онъ превосходно разсказывалъ, и особенно воспоминанія изъ стараго панскаго быта; этихъ разсказовъ я заслушивался. Міръ пана Тадеуша, міръ Мурделіо проходилъ передъ глазами; міръ, о кончинъ котораго не жалбешь, напротивъ, радуешься, но которому невозможно отказать въ какой-то яркой, необузданной поэзіи, вовсе недостающей нашему барскому быту. Намъ въ сущности такъ не свойственна западная аристократія, что всё разсказы о нашихъ тузахъ, сводятся на дикую роскошь, на пиры на цёлый городъ, на безчисленныя дворни, на тиранство крестьянъ и мелкихъ сосъдей, съ рабскимъ подобострастіемъ передъ императоромъ и дворомъ. Шереметьевы и Голицыны, со встыи ихъ дворцами и помъстьями, ничты не отличались отъ своихъ крестьянъ, кромъ нъмецкаго кафтана, французской грамоты, царской милости и богатства. Всв сни безпрерывно подтверждали изрвчение Павла, что у него только и есть высокопоставленные люди: это тъ, съ которыми онъ говорить и пока говоритъ. Все это очень хорошо, но надобно это знать. Что можетъ быть жальче et moins aristocratique, какъ последній представитель русскаго барства и вельможничества, видѣнный мною, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, — и что отвратительнѣе какого нибудь Измайлова.

Замашки польскихъ пановъ были скверны, дики, почти непонятны теперь; но діаметръ другой, но другой закалъ личности, и ни тѣни холопства.

- Знаете вы, спросилъ меня разъ Ворцель отчего называется passage Radzivill, въ Пале-Роялъ ?
 - -- Нѣтъ.
- Вы помните знаменитаго Радзивилла, пріятеля Регента, который пробхаль на своихь изъ Варшавы въ Парижъ, и для всякаго ночлега покупаль домъ; количество вина, которое выпиваль Радзивилль, покорило ему разслабленнаго хозяина; Герцогъ такъ привыкъ къ нему, что, видаясь всякій день, посылаль еще по утрамъ къ нему записки. Занадобилось какъ-то Радзивиллу что-то сообщить Регенту. Онъ послаль хлопца къ нему съ письмами. Хлопецъ искалъ— искалъ, не нашелъ и принесъ повинную голову. Дуракъ,—сказалъ ему панъ— поди сюда, смотри въ окно: видишь этотъ большой домъ? (Пале-Рояль.)—Вижу.—Ну, тамъ живетъ первый здъшній панъ, каждый тебъ укажетъ. Пошелъ хлопецъ, искалъ— искалъ, не можетъ найти.

Дѣло было въ томъ, что дома отгораживали дворецъ и надобно было сдѣлать обходъ по St-Honoré.

— Фу, какая скука, — сказалъ панъ — велите моему повъренному скупить дома между моимъ дворцемъ и Пале-Роялемъ, да и сдълайте улицу, чтобъ дуракъ этотъ не путалъ, когда я опять его пошлю къ Регенту.....

Какъ вообще дълались финансовыя операціи въ нашемъ міръ, я покажу еще на одномъ примъръ.

Послъ моего прівзда въ Лондонъ въ 1852, говоря о

плохомъ состояніи итальянской кассы съ Маццинини, я сообщиль ему, что въ Генуѣ я предлагаль его друзьямъ завести свою income tax, и платить — безсемейнымъ процентовъ десять, семейнымъ меньше.

- Примутъ всѣ, замѣтилъ Маццини а заплатятъ весьма немногіе.
- Стыдно будетъ, заплатятъ. Я давно хотѣлъ внести свою лепту въ итальянское дѣло; мнѣ оно близко, какъ родное; я дамъ десять процентовъ съ дохода единовременно. Это составитъ около двухсотъ фунтовъ. Вотъ сто сорокъ фунтовъ, а шестъдесятъ останутся за мной.
- ... Въ 1853 году, Маццини исчезъ. Вскоръ послъ его отъвзда явились ко мнъ два породистыхъ рефюжье; одинъ въ шинели съ мъховымъ воротникомъ, потому что онъ десять лътъ тому назадъ былъ въ Петербургъ; другой безъ воротника, но съ съдыми усами и военной бородкой. Они пришли съ порученіемъ отъ Ледрю-Роллена: онъ хотълъ знать, не намъренъ ли я прислать какую нибудь сумму денегъ въ Европейскій Комитетъ? Я признался, что не намъренъ.

Нѣсколько дней спустя тотъ же вопросъ былъ мнѣ сдѣланъ Ворцелемъ.

- Съ чего это взяль Ледрю-Роллень?
- Да въдь дали же вы Маццини.
- Это скорве резонъ не давать никому другому.
- Кажется за вами остались шестьдесять фунтовъ?
- Объщанные Маццини.
- Это все равно.
- Я не думаю.

..... Прошла недъля; я получилъ письмо отъ Маццолетти, въ которомъ онъ увъдомлялъ меня, что до его свъденія дошло, что я не знаю, кому доставить шестьдесять фунтовъ, оставшіеся за мной; въ силу чего онъ проситъ переслать ихъ ему, какъ представителю Мац-цини въ Лондонъ.

Маццини. Чиновникъ, бюрократъ по натурѣ, онъ насъ смѣшилъ своей министерской важностью и дипломатическими манерами.

Когда телеграмма о возстаніи въ Миланѣ 3 фєвраля 1853 была напечатана въ журналахъ, я поѣхалъ къ Маццолетти узнать, не имѣетъ ли онъ какихъ вѣстей. Маццолетти просилъ меня подождать; потомъ вышелъ озабоченный, доблестный, съ какими-то бумагами и съ Братіано, съ которымъ былъ въ важномъ разговорѣ.

- Я къ вамъ прівхалъ узнать, нётъ ли какихъ въстей.
- Нѣтъ, я самъ узналъ изъ Теймса; жду съ часу на часъ депешу.

Подошли еще человѣка два. Маццолетти былъ доволенъ и потому морщился и жаловался на недосугъ. Разговорившись, онъ началъ полусловами добавлять новости и пояснять.

- Откуда же вы знаете? спросиль я его.
- Это.....—это, разумѣется, мои соображенія, замѣтилъ нѣсколько смѣшавшись Маццолетти.
 - Завтра утромъ я къ вамъ прівду.....
 - А если сегодня будетъ что нибудь, я извъщу васъ.
 - Вы меня одолжите, отъ 7 до 9 я буду у Вери.

Маццолетти не забыль. Часу въ восьмомъ я объдаль у Вери; вошелъ итальянецъ, котораго я раза два видалъ, онъ подошелъ ко мнф, осмотрълся, выждалъ, когда гарсонъ пошелъ за чъмъ-то, и, сказавъ мнф, что Маццолетти поручилъ ему передать, что никакой телеграммы не было, ушелъ.

... Получивъ письмо отъ этого статсъ-секретаря по

революціи, я ему отвѣчалъ шутя, что онъ напрасно меня представляетъ въ какомъ-то безпомощномъ состояніи стоящаго середь Лондона, затрудняясь кому отдать шестьдесятъ ливровъ, что я безъ пясьма Маццини вовсе не намѣренъ ихъ кому бы то ни было отдавать.

Маццолетти написалъ мнѣ длинную и нѣсколько гнѣвную ноту, которая должна была, не унижая достоинства писавшаго, быть колкой для получающаго, не выходя впрочемъ изъ предѣловъ парламентской вѣжливости.

Не прошло недѣли послѣ этихъ искушеній, какъ утромъ рано пріѣхала ко мнѣ Эмилія Г., одна изъ преданнѣйшихъ женщинъ Маццини и близкій его другъ. Она мнѣ сообщила о томъ, что возстаніе въ Ломбардіи не удалось, и что еще Маццини скрывается тамъ и проситъ немедленно выслать денегъ; а денегъ нѣтъ.

— Вотъ вамъ, — сказалъ я ей — знаменитые шестьдесятъ фунтовъ; не забудьте только сказать тайному совътнику Маццолетти, да и Ледрю-Роллену, если случится, что я не такъ дурно сдълалъ, не бросивъ въ омутъ Европейскаго Комитета эти полторы тысячи франковъ.

Предупреждая нашъ русскій національный выводъ пзъ моего разсказа, я долженъ сказать, что деньгами такъ собираемыми никогда никто не пользовался (*):

^(*) Итальянская эмиграція выше взякаго подозрѣнія. Во франпузской быль одинь забавный случай. — Б., о которомь была рѣчь въ разсказѣ о дуэли Бартелеми, собраль по порученію Ледрю-Роллена какія-го деньги и прожиль ихъ. Послѣ этого, желаніе возвратиться въ Лондонь, сильно уменьшилось, и онъ сталь просить разрѣшенія остаться въ Марсели. Билье отвѣчаль, что Б., какъ политическій человѣкь, такъ безопасень, что могъ бы остаться; но что безчестный поступокъ его со своей собственной партіей пока-

у насъ ихъ кто нибудь укралъ бы; здѣсь онѣ исчезали въ томъ родѣ, какъ если бы кто нибудь, не записываи нумеровъ, жегъ на свѣчкѣ ассигнаціи.

зываетъ, что онъ ненадежный человъкъ, въ силу чего онъ ему отказываетъ.

Своего рода пальма и тутъ принадлежитъ нѣмцамъ. Они сколотили сборами въ Америкъ и Манчестеръ, помнится, тысячъ двадцатъ франковъ. Деньги эти, назначенныя для агитаціи, пропаганды, поддержанія процессовъ и пр., они положили въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ и избрали распорядителями: Кинкеля, Руге и графа Оскара Рейхенбаха, трехъ непримиримыхъ враговъ. Тѣ тотчасъ догадались, какой богатый источникъ непріятностей другъ другу имъ данъ въ руки; а потому и посиѣшили написать въ условіяхъ взноса, чтобъ банкъ не выдавалъ никакой суммы безъ всѣхъ трехъ подписей. Стоило одному, или двумъ даже, подписаться—третій не соглашался. Что ни дѣлало нѣмецкое эмиграціонное общество, — одной подписи не доставало. Такъ и лежитъ сумма нетронутою и поднесь въ банкъ: въроятно приданымъ для будущей тевтонской республики.

АПОГЕЙ И ПЕРИГЕЙ

(Продолжение)

По воскресеньямъ вечеромъ собирались у насъ знакомые, и преимущественно русскіе. Въ 1862 число послѣднихъ очень увеличилось: на выставку пріѣзжали купцы и туристы, журналисты и чиновники всѣхъ вообще отдѣленій, и третьяго въ особенности. Дѣлать строгій выборъ было невозможно; короткихъ знакомыхъ мы предупреждали, чтобъ они приходили въ другой день. Благочестивая скука лондонскаго воскресенья побѣждала осторожность. Отчасти эти воскресенья и привели къ бѣдѣ. Но прежде чѣмъ я ее передамъ, я долженъ познакомить съ двумя-тремя экземплярами родной фауны нашей, являвшихся въ скромной залѣ Огѕеtt House. Наша галлерея живыхъ рѣдкостей изъ Россіи была, безъ всякаго сомнѣнія, замѣчательнѣе и занимательнѣе русскаго отдѣла на Great Exhibition.

... Въ 1860 получаю я изъ одного отеля на Гай-Маркет в русское письмо, въ которомъ какіе-то люди извъщали меня, что они русскіе, находятся въ услуженіи князя Юрья Николаевича Голицына, тайно оставившаго Россію: "самъ князь повхалъ на Константинополь, а насъ отправилъ по другой дорог в. Князь велълъ дождаться его и даль намъ денегъ на нѣсколько дней. Прошло больше двухъ недѣль; о князѣ ни слуха; деньги вышли, хозяинъ гостинницы сердится. Мы не знаемъ, что дѣлать; по англійски никто не говоритъ". Находясь въ такомъ безпомощномъ состояніи, они просили, чтобъ я ихъ выручилъ. Я поѣхалъ къ нимъ и уладилъ дѣло. Хозяинъ отеля зналъ меня и согласился подождать еще недѣлю.

Дней черезъ пять послѣ моей поѣздки подъѣхала къ крыльцу богатая коляска, запряженная парой сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ. Сколько я ни объяснялъ моей прислугѣ, что, какъ бы человѣкъ ни пріѣзжалъ, хоть цугомъ, и какъ бы ни назывался, хоть дюкомъ, все же утромъ не принимать; но уваженія къ аристократическому экипажу и титулу я не могъ побѣдить.

На этотъ разъ встрѣтились оба искусительныя условія, и потому черезъ минуту огромный мужчина, толстый, съ красивымъ лицомъ ассирійскаго бога-вола, обнялъ меня, благодаря за мое посѣщеніе къ его людямъ.

Это быль князь Юрій Николаевичь Голицынь. Такого крупнаго, характеристическаго обломка всей Россіи, такого цвѣтка съ нашей родины я давно не видаль.

Онъ мнѣ съ разу разсказалъ какую-то неправдоподобную исторію, которая вся оказалась справедливой: какъ онъ давалъ кантонисту переписывать статью въ Колоколъ, и какъ онъ разошелся со своей женой; какъ кантонистъ донесъ на него, а жена не присылаетъ денегъ; какъ государь его услалъ на безвыѣздное житье въ Козловъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшился бѣжать за границу, и поэтому увезъ съ собой какую-то барышню, гувернантку, управляющаго, регента и горничную, черезъ молдавскую границу. Въ Галацѣ онъ захватилъ еще какого - то лакея, говорившаго ломанымъ языкомъ на пяти языкахъ и показавшагося ему шпіономъ. Тутъ же объявилъ онъ мнѣ, что онъ страстный музыкантъ и будетъ давать концерты въ Лондонѣ; а потому хочетъ познакомиться съ Огаревымъ.

- Дорого у васъ здѣсь въ Англіи б—берутъ на таможнѣ,—сказалъ онъ, слегка заикаясь и окончивъ курсъ своей всеобщей исторіи.
- За товары можеть, замътиль я а къ путешественникамъ costume-house очень снисходителенъ.
- Не скажу; я заплатилъ шиллинговъ 15 за крокодила.
 - Да это что такое?
 - Какъ что? да просто крокодилъ.

Я сдёлалъ большіе глаза, и спросилъ его:

- Да вы, князь, что же это: возите съ собой крокодила вмъсто паспорта, стращать жандармовъ на границахъ?
- Такой случай. Я въ Александріи гулялъ; а тутъ какой-то арабченокъ продаетъ крокодила. Понравился, я и купилъ.
 - Ну, а арабченка купили?
 - Xa, ха нѣтъ.

Черезъ недѣлю князь былъ уже инсталированъ въ Porchester terrace, т. е. въ очень дорогой части города, въ большомъ домѣ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ на вѣкн-вѣчные, вопреки англійскому обычаю, открыть настежъ ворота и поставилъ въ вѣчномъ ожиданіи у подъѣзда пару сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ. Онъ зажилъ въ Лондонѣ, какъ въ Козловѣ, какъ въ Тамбовѣ.

Денегъ у него, разумъется, не было, т. е. были нъсколько тысячъ франковъ на афишу и заглавный листъ

лондонской жизни; ихъ тотчасъ истратилъ: но пыль въ глаза бросилъ и успълъ на нъсколько мъсяцевъ обезпечиться, благодаря англійской тупоумной довърчивости, отъ которой иностранцы всего континента не могутъ еще поднесь отучить ихъ.

Но князь шель на всёхъ парахъ. — Начались концерты. Лондонъ былъ удивленъ княжескимъ титуломъ на афишъ, и во второй концертъ, зала была полна (S-James hall, Piccadilly). Концертъ быль великолѣпный. Какъ Голицынъ успълъ такъ подготовить коръ и оркестръ? - это его тайна; но кондертъ былъ совершенно изъ ряду вонъ. Русскія пъсни и молитвы, комаринская и объдня, отрывки изъ оперы Глинки и изъ Евангелья (отче нашъ), — все шло прекрасно. Дамы не могли налюбоваться колоссальными мясами красиваго ассирійскаго бога, величественно и градіозно поднимавшаго и опускавшаго свой скипетръ изъ слоновой кости; старушки вспоминали атлетическія формы императора Николая, побъдившаго лондонскихъ дамъ всего больше своими обтянутыми лосинными, бёлыми какъ русскій снёгъ, кавалергардскими colant.

Голицынъ нашелъ средство и изъ этого успѣха сдѣлать себѣ убытокъ. Упоенный рукоплесканіями, онъ послалъ въ концѣ первой части концерта за корзиной букетовъ (не забывайте лондонскія цѣны) и, передъ началомъ второй части, явился на сцену; два ливрейныхъ лакея несли корзину, князь, благодаря пѣвицъ и користокъ, каждой поднесъ по букету. Публика приняла и эту галантерейность аристократа-капельмейстера громомъ рукоплесканій. Выросъ, разцвѣлъ мой князь и, какъ только окончился концертъ, пригласилъ вспяхъ музыкантовъ на ужинъ.

Тутъ, сверхъ лондонскихъ ценъ, надобно знать и

лондонскіе обычаи: въ одинадцать часовъ вечера, не предупредивши съ утра, нигдѣ нельзя найдти ужинъ человѣкъ на пятьдесятъ.

Ассирійскій вождь храбро пошель пѣшкомъ по Regent street съ музыкальнымъ войскомъ своимъ, стучась въ двери разныхъ ресторановъ; и достучался наконецъ: смекнувшій дѣло хозяинъ вы ѣхалъ на холодныхъ мясахъ и на горячихъ винахъ.

За тѣмъ начались концерты его со всевозможными штуками; даже съ политическими тенденціями. Всякій разъ гремѣлъ Herzen's Walzer, гремѣлъ Ogareff's Quadrille и потомъ Emancipation Symphonie.... пьесы, которыми и теперь, можетъ, чаруетъ князь Москвичей, и которыя, вѣроятно, ничего не потеряли при переѣздѣ изъ Альбіона, кромѣ собственныхъ именъ; онѣ могли легко перемѣнить ихъ на Patapoff's Walzer, Mina Walzer и Komissaroff's Partitur.

При всемъ этомъ шумѣ денегъ не было; платить было нечѣмъ. Поставщики начали роптать, и даже начиналось исподволь спартаковское возстаніе рабовъ.....

Однимъ утромъ явился ко мнѣ factolum князя, его управляющій, переименовавшій себя въ секретаря, съ "регентомъ", т. е. не съ отцомъ Филиппа Орлеанскаго, а съ бѣлокурымъ и кудрявымъ русскимъ малымъ лѣтъ двадцати двухъ, управлявшимъ пѣвцами.

- Мы, Александръ Ивановичъ, къ вамъ-съ.
- Что случилось?
- Да ужъ Юрій Николаевичь очень обижаеть, хотимъ ѣхать въ Россію и требуемъ разсчета; не оставьте вашей милостью, вступптесь.
- Такъ меня и обдало отечественнымъ паромъ, словно на каменку поддали.
 - Почему же вы обращаетесь съ этой просьбой ко

мнѣ? Если вы имѣете серьезныя причины жаловаться на князя, на это есть здѣсь для всякаго судъ, и судъ, который не покривитъ ни въ пользу князя, ни въ пользу графа.

- Мы точно слышали объ этомъ, да чтоже ходить до суда. Вы ужъ лучше разберите.
- Какая же польза будеть вамь оть моего разбора? Князь скажеть мнъ, что я мъшаюсь въ чужія дѣла; я и поъду съ носомъ. Не хотите въ судъ, пойдите къ послу; не мнъ, а ему препоручены русскіе въ Лондонъ.....
- Это ужъ гдъ же-съ? коль скоро русскіе господа сидять, какой же можеть быть разборъ съ княземъ; а вы въдь за народъ: такъ мы такъ и пришли къ вамъ. Ужъ разберите дъло, сдълайте милость.
- Экіе вѣдь какіе; да князь не приметъ моего разбора; что же вы выиграете?
- Позвольте доложить,—съ живостью возразилъ секретарь — этого онъ не посмветъ-съ, такъ какъ они очень уважаютъ васъ, да и боятся сверхъ того: въ *Колоколъ*то попасть имъ не весело,—амбиція-съ.
- Ну, слушайте, чтобъ не терять намъ по пусту время, вотъ мое рѣшенье: если князь согласенъ принять мое посредничество, я разберу ваше дѣло; если нѣтъ, идите въ судъ; а такъ какъ вы не знаете ни языка, ни здѣшняго хожденія по дѣламъ, то я, если васъ въ самомъ дѣлѣ князь обижаетъ, дамъ человѣка, который знаетъ то и другое, и по русски говоритъ.
 - Позвольте, замътилъ сокретарь.
 - -- Нътъ не позволяю, любезнъйшій.-- Прощайте.

Скажу и объ нихъ слово.

Регентъ ничъмъ не отличался, кромъ музыкальныхъ способностей; это былъ откормленный, крупитчатый, туповато красивый, румяный малый изъ дворовыхъ; его

манера говорить прикартавдивая и нѣсколько заспанные глаза напоминали мнѣ цѣлый рядъ, — какъ въ зеркалѣ когда гадаешь, — Сашекъ, Сенекъ, Алешекъ, Мпрошекъ.

Секретарь быль тоже чисто русскій продукть, но больше різкій представитель своего типа: человікь літь за сорокь, съ небритымь подбородкомь, испитымь лицомь, въ засаленномь сюртукі, весь, снаружи и внутри, нечистый и замаранный, съ небольшими плутовскими глазами и съ тімь особеннымь запахомь русскихь пьяниць, составленнымь изъ вічно поддерживаемаго перегорілаго сивушнаго букета съ оттінкомь лука и, для прикрытія, гвоздики. Всі черты его лица ободряли, внушали довіріє всякому скверному предложенію: въ его сердцій оно нашло бы навітрное отголосокь и оцінку, а если выгодно, то и помощь. Это быль первообразъ русскаго чиновника, міройда, подъячаго. Когда я его спросиль — доволень ли онь готовившимся освобожденіемъ крестьянь? — Онь отвічаль мий:

— Какъ-же-съ, — безъ сомнѣнія — и, вздохнувши, прибавиль: "Господи, что тяжбъ-то будетъ-съ, разбирательствъ! а князъ завезъ меня сюда, какъ на смѣхъ, пменно въ такое время".

До прівзда Голицына онъ мнв съ видомъ задушевности говориль: "Вы не ввръте, что вамъ о князв будутъ говорить на счетъ притесненія крестьянъ, или какъ онъ котвль ихъ безъ земли на волю выпустить за большой выкупъ. Все это враги распускаютъ. Ну, правда, лютъ онъ и щеголь; но за то сердце доброе, и для крестьянъ отецъ былъ".

Какъ только онъ поссорился, онъ, жалуясь на него, проклиналъ свою судьбу, и жалѣлъ, что довърился такому прощалыгъ: "въдь онъ всю жизнь безпутничалъ

и крестьянъ раззорилъ; въдь это онъ теперь прикидывается при васъ такимъ, а то въдь звърь, грабитель".....

— Когда же вы говорили неправду: теперь или тогда, когда вы его хвалили? — спросилъ я его улыбаясь.

Секретарь сконфузился, я повернулся и ушелъ. Родись этотъ человъкъ не въ людской князей Голицыныхъ, не сыномъ какого нибудь земскаго, давно былъ бы, при его способностяхъ, министромъ, Валуевымъ, не знаю чъмъ.

Черезъ часъ явился регентъ и его менторъ, съ запиской Голицына; онъ, извиняясь, просилъ меня, если могу, прівхать къ нему, чтобъ покончить эти дрязги. Князь впередъ объщалъ принять безъ спора мое ръшеніе.

Дълать было нечего; я отправился.

Все въ дом'в показывало необыкновенное волненіе. Французъ слуга, Пико, посп'єшно отвориль мн'є дверь и съ той торжественной суетливостью, съ которой провожають доктора на консультацію къ умирающему, провель въ залу. Тамъ была вторая жена Голицына, встревоженная и раздраженная; самъ Голицынъ ходиль огромными шагами по комнат'є, безъ галстуха, богатырская грудь на голо. Онъ былъ взб'єшенъ и оттого вдвое заикался; на всемъ лиц'є его было видно страданіе отъ внутрь взошедшихъ, т. е. невышедшихъ въ д'єйствительный міръ, зуботычинъ, пиньковъ, треуховъ, которыми бы онъ отв'єчалъ инсургентамъ въ Тамбовской губерніи.

- Вы б—б—бога ради простите меня, что я в—васъ безпокою изъ-за этихъ м—м—мошенниковъ.
 - —Въ чемъ дѣло?
- Вы ужъ, п—пожалуйста, сами спросите; я только буду слушать.

Онъ позвалъ регента, и у насъ пошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы недовольны чёмъ-то?

— Оченно недоволенъ, и оттого именно безпремѣнно хочу ѣхать въ Россію.

Князь, у котораго голосъ Лаблашевской силы, испустилъ львиный стонъ: еще пять зуботычинъ возвращались къ сердцу.

- Князь васъ удержать не можетъ, такъ вы скажите чъмъ недовольны-то вы?
 - Всвив-съ, Александъ Ивановичъ.
 - Да вы ужъ говорите потолковитъе.
- Какъ же чѣмъ-съ? л съ тѣхъ поръ какъ изъ Россіи пріѣхалъ съ ногъ сбитъ работой, а жалованья получилъ только два фунта, да третій разъ вечеромъ князь далъ больше въ подарокъ.
 - А вы сколько должны получать?
 - Этого я не могу сказать-съ...
 - Есть же у васъ опредъленный окладъ.
- Никакъ нѣтъ-съ. Князь, когда изволили бѣжать за границу (это безъ злаго умысла), сказали мнѣ: вотъ хочешь ѣхать со мной, и, молъ, устрою твою судьбу и, если мнѣ повезетъ, дамъ большое жалованье; а если нѣтъ, то и малымъ довольствуйся; ну, и такъ и поѣхалъ.

Это онъ изъ Тамбова-то въ Лондонъ повхалъ на такомъ условіи..... О Русь!

- Ну, а какъ по вашему, везетъ князю, или нътъ?
- Какой везетъ-съ! оно конечно можно бы все.....
- Это другой вопросъ. Если ему не везетъ, стало вы должны довольствоваться малымъ жалованьемъ.
- Да князь самъ говорилъ, что по моей службѣ, т. е. и способности, по здѣшнимъ деньгамъ, меньше нельзя, какъ фунта четыре въ мѣсяцъ.
 - Князь, вы желаете заплатить ему по 4 ф. въ мъсяць?
 - Cъ o—o—хотой-съ.
 - Дѣло идетъ прекрасно, что же дальше?

— Князь-съ объщалъ, что, если я захочу возвратиться, то пожалуетъ мнъ на обратный путь до Петербурга.

Князь кивнулъ головой и прибавилъ: да, но въ томъ случав, если и имъ буду доволенъ!

Чѣмъ же вы недовольны имъ?

Теперь плотину прорвало: князь вскочиль. Трагическимь басомь, которому еще больше придавало вѣса дребезжаніе нѣкоторыхъ буквь и маленькія паузы между согласными, произнесь онъ слѣдующую рѣчь: мнѣ имъ быть д—довольнымъ, этимъ м—м—молокососомъ, этимъ щ—щенкомъ? Меня бѣситъ гнусная неблагодарность этого разбойника. Я его взялъ къ себѣ во дворъ изъ самобѣднѣйшаго семейства крестьянъ, вшами заѣденнаго, босаго; училъ негодяя. Я изъ него сдѣлалъ ч—человѣка, музыканта, регента; голосъ канальѣ выработалъ такой, что въ Россіи въ сезонъ рублей возьметъ сто въ мѣсяцъ жалованья.

- Все это такъ, Юрій Николаевичъ, но я не могу раздѣлить вашего взгляда. Ни онъ, ни его семья васъ не просили дѣлать изъ него Ронкони; стало и особой благодарности съ его стороны вы не можете требовать. Вы его обучили, какъ учатъ соловьевъ, и хорошо сдѣлали; но тѣмъ и конецъ. Къ тому же это и къ дѣлу не идетъ.
- Вы правы, но я хотълъ сказать: каково мнъ выносить это? въдь я его к—каналью.....
 - Такъ вы согласны ему дать на дорогу?
 - Чортъ съ нимъ, для васъ, только для васъ даю.
- Ну вотъ дѣло п слажено; а вы знаете, сколько на дорогу надобно?
 - Говорятъ фунтовъ двадцать.
- Нѣтъ, этого много. Отсюда до Петербурга ста цѣлковыхъ за глаза довольно. Вы даете?
 - Даю.

Я расчель на бумажкѣ и передаль Голицыну; тоть взглянуль на итогъ... выходило, помнится, съ чѣмъ-то 30 фунтовъ. Онъ тутъ же мнѣ ихъ и вручилъ.

- Вы, разумъется, грамотъ знаете, спросилъ я регента.
 - Какъ же-съ.
- Я написаль ему росписку въ такомъ родъ: "Я получиль съ кн. Ю. Н. Голицына должные мнъ за жалованье и на проъздъ изъ Лондона въ Петербургъ тридцать съ чъмъ-то фунтовъ (на русскіе деньги столько-то). Затъмъ остаюсь доволенъ и никакихъ другихъ требованій на него не имъю".
 - Прочтите сами и подпишитесь.

Регентъ прочелъ, но не дѣлалъ никакихъ приготовленій, чтобъ подписаться.

- Зачёмъ дёло?
- Не могу-съ.
- Какъ не можете?
- Я недоволенъ.

Львиный, сдержанный ревъ, да ужъ и я самъ готовъ былъ прикрикнуть: что за дьявольщина, вы сами сказали, въ чемъ ваше требованіе. Князь заплатилъ все до копѣйки; чѣмъ же вы недовольны?

— Помилуйте-съ; а сколько нужды я натерпълся съ тъхъ поръ какъ здъсь.

Ясно было, что легкость, съ которой онъ получилъ деньги, разлакомила его.

- Напримъръ-съ, мнъ слъдуетъ еще за переписку нотъ.
- Врешь! закричалъ Голицынъ такъ, какъ и Лаблашъ никогда не кричалъ; робко отвътили ему своимъ эхо рояли; блъдная голова Пико показалась въ щель и исчезла съ быстротой испуганной ящерицы.....

— Развѣ переписываніе ноть не входило въ прямую твою обязанность? да и что же бы ты дѣлалъ все время, когда концертовъ не было?

Князь быль правъ, хотя и не нужно было пугать Пико гласомъ контрбомбардоннымъ.

Регентъ, привыкнувшій ко всякимъ звукамъ, не сдался и, оставя въ сторонѣ переписываніе нотъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующей нелѣпостью і Да вотъ еще и на счетъ одежды, я совсѣмъ обносился.

- Да неужели, давая вамъ въ годъ около 50 фунтовъ жалованья, Юрій Николаевичъ еще обязался одѣвать васъ.
- Нѣтъ-съ; но прежде князь все иногда давали, а теперь, стыдно сказать, до того дошелъ, что безъ носковъ хожу.
- Я самъ хожу безъ н—н—носковъ, прогремѣлъ князь и, сложа на груди руки, гордо и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на регента. Этой выходки я никакъ не ожидалъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ ему въ глаза. Но, видя, что онъ собирается продолжать, я очень серьезно соколу-пѣвцу сказалъ: "Вы приходили ко мнѣ сегодня утромъ просить меня въ посредники: стало вы вѣрили мнѣ?"
- Мы васъ оченно довольно знаемъ, въ васъ мы нисколько не сомнъваемся, вы ужъ въ обиду не дадите.
- Прекрасно, ну такъ я вотъ какъ рѣшаю дѣло: подписывайте сейчасъ бумагу, или отдайте деньги; я ихъ передамъ князю и съ тѣмъ вмѣстѣ отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства.

Регентъ не захотълъ вручить бумажникъ князю, подписалъ и поблагодарилъ меня.

Избавляю отъ разсказа, какъ онъ переводилъ счетъ на цълковые; я ему никакъ не могъ вдолбить, что по

курсу цёлковый стоить теперь не то, что стоиль тогда, когда онъ выёзжаль изъ Россіи.

— Если вы думаете, что я васъ хочу надуть фунта на полтора, такъ вы вотъ что сдълайте: сходите къ нашему попу, да и попросите вамъ сдълать разсчетъ. Онъ согласился.

Казалось все кончено, и грудь Голицына не такъ грозно и бурно вздымалась; но судьба хотъла, чтобъ и финалъ такъ же бы напомнилъ родину, какъ начало.

Регентъ помялся, помялся, и вдругъ, какъ будто между ними ничего не было, обратился къ Голицыну со словами: — "Ваше Сіятельство, такъ какъ пароходъ изъ Гуля-съ пдетъ только черезъ пять дней, явите милость—позвольте остаться покамъстъ у васъ". Задастъ ему, подумалъ я, мой Лаблашъ, самоотвержимо приготовляясь къ боли отъ шума.

— Разумъется, оставайся. Куда ты къ чорту пойдешь. Регентъ разблагодарилъ князя и ушелъ.

Голицынъ въ видѣ поясненія сказалъ мнѣ: "Вѣдь онъ предобрый малый; это его этотъ мошенникъ, этотъ в—воръ, этотъ поганый Юсъ подбилъ".

Поди тутъ Савиньи и Миттермейеръ, пусть схватятъ формулами и обобщатъ въ нормы юридическія понятія, развившіяся въ православномъ отечествѣ нашемъ между конюшней, въ которой драли дворовыхъ, и бариновымъ кабинетомъ, въ которомъ обирали мужиковъ.

Вторая cause céleste, именно съ Юсомъ, не удалась. Голицынъ вышелъ и вдругъ такъ закричалъ, и секретарь такъ закричалъ, что оставалось за тъмъ катать другъ друга "подъ никитки"; причемъ князь, конечно, зашибъ бы гуняваго подъячаго. Но какъ все въ этомъ домъ совершалось по законамъ особой логики, то подрались не князь съ секретаремъ, а секретарь съ дверью.

Набравшись злобы и освъжившись еще шкаликомъ джину, онъ, выходя, треснулъ кулакомъ въ большое стекло, вставленное въ дверь, и расшибъ сто.

Полицію! — кричалъ Голицынъ — разбой, полицію, и вошедши въ залу, бросился изнеможенный на диванъ. Когда онъ немного отошелъ, онъ пояснилъ мнѣ, между прочимъ, въ чемъ состоитъ неблагодарность секретаря. Человѣкъ тотъ былъ повѣреннымъ у его брата и, не помню, смошенничалъ что-то, и долженъ былъ непремѣнно идти подъ судъ. Голицыну стало жаль его; онъ до того вошелъ въ его положеніе, что заложилъ послѣдніе часы, чтобъ выкупить его изъ бѣды. И потомъ, имѣя полныя доказательства, что онъ плутъ, взялъ его къ себѣ управляющимъ!

Что онъ на всякомъ шагу надувалъ Голицына, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнънія.

Я увхаль. Человвкъ, который могъ кулакомъ пробить зеркальное стекло, можетъ самъ себв найти судъ и расправу. Къ тому же онъ мнв разсказывалъ потомъ, просм меня достать ему паспортъ, чтобъ вхать въ Россію, что онъ гордо предложилъ Голицыну пистолетъ п жребій — кому стрвлять.

Если это было, то пистолетъ навърное не былъ за-

Послѣднія деньги князя пошли на усмпреніе Спартаковскаго возстанія, и онъ все таки наконецъ попалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ тюрьму за долги. Другаго посадили бы — и дѣло въ шляпѣ; съ Голицынымъ и это не могло сойти просто съ рукъ.

Полисменъ привозилъ его ежедневно въ Cremorn Garden, часу въ восьмомъ; тамъ онъ дирижировалъ, для удовольствія лоретокъ всего Лондона, концертъ, и съ послѣднимъ взмахомъ скипетра изъ слоновой кости, незамѣтный полицейскій выросталь изь подь земли и не покидаль князя до кэба, который везь узника въ черномь фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ въ тюрьму. Прощаясь со мной въ саду, у него были слезы на глазахъ. Бѣдный князь! другой смѣялся бы надъ этимъ, но онъ бралъ къ сердцу свое въ неволѣ заключеніе. Родные какъ-то выкупили его; потомъ правительство позволило ему возвратиться въ Россію и отправило его сначала на житье въ Ярославль, гдѣ онъ могъ дирижировать духовные концерты вмѣстѣ съ Фелинскимъ, варшавскимъ архіереемъ. Правительство добрѣе его отца: тертый калачъ не меньше сына, онъ ему совѣтовалъ идти въ монастиръ. Хорошо зналъ сына отецъ; а вѣдь самъ былъ до того музыкантъ, что Бетховенъ посвятилъ ему одну изъ симфоній.

За пышной фигурой ассирійскаго бога, тучнаго аполлона-вола, не должно забывать рядъ другихъ русскихъ странностей.

Я не говорю о мелькающихъ тѣняхъ, какъ "колонель Рюссъ", но о тѣхъ, которые, причаленные судьбой и разными превратностями, пріостанавливались на долго въ Лондонѣ, въ родѣ того чиновника военнаго комендантства, который, запутавшись въ дѣлахъ и долгахъ, бросился въ Неву, утонулъ..... и всплылъ въ Лондонѣ изгнанникомъ, въ шубѣ и мѣховомъ картузѣ, которыхъ не покидалъ, не смотря на сырую теплоту лондонской зимы.

Въ родъ моего друга Ивана Ивановича С., который весь, цъликомъ, съ своими антецедентами и будущностью, съ какой-то мездрой вмъсто волосъ на головъ, такъ и просится въ мою галлерею ръдкостей.

Лейбъ-гвардіи павловскаго полка офицеръ въ отставкѣ, онъ жилъ себѣ да жилъ въ странахъ заморскихъ и дожилъ до Февральской революціи; тутъ онъ

испугался и сталъ на себя смотрѣть, какъ на преступника; не то чтобъ его мучила совѣсть, но мучила мысль о жандармахъ, которые его встрѣтятъ на границѣ, казематахъ, тройкѣ, снѣгѣ, и рѣшился отложить возвращеніе. Вдругъ вѣсть о томъ, что его брата взяли по дѣлу Шевченка. Ему стало въ самомъ дѣлѣ нѣсколько опасно, и онъ тотчасъ рѣшился ѣхать. Въ это время я съ нимъ познакомился въ Ниццѣ. Отправился С., купивши на дорогу крошечную сткляночку яду, которую, переѣзжая границу, хотѣлъ какъ-то укрѣпить въ дуплѣ пустаго зуба и раскусить въ случаѣ ареста.

По мъръ приближенія къ родинъ, страхъ все возрасталь, и въ Берлинъ дошель до удушающей боли, однако С. переломиль себя и сель въ вагонъ. Станцій на пять его стало; далъе онъ не могъ. Машина брала воду, онъ подъ совершенно другимь предлогомъ вышелъ изъ вагона. Машина свиснула, поъздъ двинулся безъ С.; того-то ему и было надо. Оставивъ чемоданъ свой на произволь судьбы, онь съ первымь обратнымь потвздомъ возвратился въ Берлинъ. Оттуда телеграфировалъ о чемоданъ и пошелъ визировать свой пассъ въ Гамбургъ. "Вчера вхали въ Россію, сегодня въ Гамбургъ", замътиль полицейскій, вовсе не отказывая въ визъ. Перепуганный С. сказалъ ему: "Письма я получилъ, письма", и, въроятно, у него быль такой видь, что со стороны прусскаго чиновника просто упущение по службъ, что онъ его не арестовалъ. За тъмъ С., спасаясь никъмъ не преслъдуемый, какъ Людвигъ Филиппъ, пріъхалъ въ Лондонъ. Въ Лондонъ для него началась, какъ для тысячи и тысячи другихъ, тяжелая жизнь; онъ годы честно и твердо боролся съ нуждой. Но и ему судьба опредълила комическій бортикь ко всьмь трагическимъ событіямъ. Онъ рѣшился давать уроки

математики, черченья и даже французскаго языка (для англичань). Посовътовавшись съ тъмъ и другимъ, онъ увидълъ, что безъ объявленія или карточекъ не обойдется. "Но вотъ бъда: какъ взглянетъ на это русское правительство. Думалъ я, думалъ, да и напечаталъ анонимныя карточки".

Долго я не могъ нарадоваться на это великое изобрътение: мнъ въ голову не приходила возможность визитной карточки безъ имени.

Со своими анонимными карточками, съ большой настойчивостью (онъ живалъ дни цѣлые картофелемъ и хлѣбомъ), онъ сдвинулъ таки свою барку съ мели, сталъ заниматься торговымъ комисіонерствомъ, и дѣла его пошли успѣшно.

И это именно въ то время, когда дѣла другаго лейбъгвардіи павловскаго офицера пошли отвратительно; разбитый, обокраденый, обманутый, одураченый шефъ павловскаго полка отошелъ въ вѣчность. Пошли льготы, амнистіи; захотѣлось и С. воспользоваться царскими милостями, и вотъ онъ пишетъ къ Брунову письмо и спрашиваетъ, подходитъ ли онъ подъ амнистію? Черезъ мѣсяцъ времени приглашаютъ С. въ посольство. Дѣлото, — думалъ онъ — не такъ просто, мѣсяцъ думали.

- Мы получили отвътъ, говоритъ ему старшій секретарь — Вы нехотя поставили министерство въ затрудненіе; ничего объ васъ нътъ. Оно сносилось съ министромъ врутреннихъ дълъ, и у него не могутъ найти никакого дъла объ васъ. Скажите намъ просто, что съ вами было, не можетъ же быть ничего важнаго.
- Да въ 1849 г. мой братъ былъ арестованъ и потомъ сосланъ.
 - -- Hy?

⁻ Больше ничего.

Нѣтъ, — подумалъ Николаи, шалитъ — и сказалъ С., что, если такъ, то министерство снова наведетъ справки. Прошло мѣсяца два. Я воображаю, что было въ эти два мѣсяца въ Петербургѣ: отношенія, сообщенія, конфиденціональныя справки, секретные запросы пзъ минпстерства въ ІІІ отдѣленіе, пзъ ІІІ отдѣленія въ министерство, справки Х... генералъ-губернатора... выговоры, замѣченія,... а дѣла о С. найти не могли.

Такъ министерство и сообщило въ Лондонъ.

Посылаеть за С. самъ Бруновъ.— Вотъ — говорить— смотрите отвътъ: нигдъ, ничего объ васъ. Скажите, по какому вы дълу замъшаны?

- Мой братъ...
- Все это я слышалъ, да вы-то самп по какому дѣлу?
- Больше ничего не было.

Бруновъ, отъ рожденія ничему не удивлявшійся, удивился.

- Такъ отчего же вы проспте прощенья, когда вы ничего не сдълали?
 - Я думалъ, что все же лучше.
- Стало просто на просто, вамъ не амнистія нужна, а паспортъ.

И Бруновъ велѣлъ выдать пассъ.

На радостяхъ С. прискакалъ къ намъ.

Разсказавъ подробно всю исторію о томъ, какъ онъ добился амнистіи, онъ взялъ Огарева подъ руку и увелъ въ садъ. "Дайте мнѣ бога ради совѣтъ, — сказалъ онъ ему — Александръ Ивановичъ все смѣется надо мной, такой ужъ нравъ у него; но у васъ сердце доброе. Скажите мнѣ откровенно: думаете вы, что я могу безопасно ѣхатъ Вѣной? "

Огаревъ не поддержалъ добраго мнѣнья и расхохотался. Да что Огаревъ, я воображаю какъ Бруновъ и Николаи минуты на двѣ расправили морщины отъ тижелыхъ государственныхъ заботъ и осклабились, когда амнистированный С. вышелъ изъ кабинета.

Но при всѣхъ своихъ оригинальностяхъ, С. былъ честный человѣкъ. Другіе русскіе, неизвѣстно откуда всплывавшіе, бродившіе мѣсяцъ, другой по Лондону, являвшіеся къ намъ съ собственными рекомендательными письмами и исчезавшіе неизвѣстно куда, были далеко не такъ безопасны.

Печальное дёло, о которомъ я хочу разсказать, было лѣтомъ 1862. Реакція была тогда въ инкубаціи и изъ внутренняго, скрытаго гніенія еще не выходила наружу. Никто не боялся къ намъ ѣздить; никто не боялся брать съ собой Колоколъ и другія наши изданія; многіе хвастались, какъ они мастерски провозятъ. Когда мы совѣтовали быть осторожными, надъ нами смѣялись. Писемъ мы почти никогда не писали въ Россію: старымъ знакомымъ намъ нечего было сказать, мы съ ними стояли все дальше и дальше, съ новыми незнакомцами мы переписывались черезъ Колоколъ.

Весной возвратился изъ Москвы и Петербурга Кельсіевъ. Его поъздка, безъ сомнънія, принадлежить къ самымъ замъчательнымъ эпизодамъ того времени. Человъкъ, ходившій мимо носа полиціи, едва скрывавшійся, бывавшій на раскольничьихъ бестрахъ и товарищескихъ попойкахъ, съ глупъйшимъ турецкимъ пассомъ въ карманъ, и возвратившійся sain et sauf въ Лондонъ, немного закусилъ удила. Онъ вздумалъ сдълать пирушку въ нашу честь въ день пятилътія Колокола, по подпискъ, въ ресторанъ Кюна. Я просилъ его отложить праздникъ до другаго, больше веселаго времени. Онъ не хотълъ. Праздникъ не удался, не было епtrain и не могло быть. Въ числъ участниковъ были люди слишкомъ посторонніе.

Говоря о томъ и семъ, между тостами и анекдотами, говорили, какъ о самопроствищей вещи, что пріятель Кельсіева, Вътошниковъ, ъдетъ въ Петербургъ и готовъ съ собою кое-что взять. Разошлись поздно. Многіе сказали, что будутъ въ воскресенье у насъ. Собралась дъйствительно цёлая толпа, въ числё которой были очень мало знакомые намъ люди и, по несчастію, самъ Вѣтошниковъ; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что завтра утромъ тдетъ, спрашивая меня — нтъ-ли писемъ, порученій. Бакунинъ ему уже даль два-три письма. Огаревъ пошелъ къ себѣ внизъ и написалъ нѣсколько словъ дружескаго привъта Николаю Серно-Соловьевичу; съ нимъ я приписалъ поклонъ и просилъ его обратить вниманіе Чернышевскаго (къ которому я никогда не писалъ) на наше предложение въ Колоколи печатать на свой счеть Современникъ въ Лондонъ. Гости стали расходиться часовъ около 12; двое-трое оставались. В фтошниковъ вошелъ въ мой кабинетъ и взялъ письмо. Очень можетъ быть, что и это осталось бы незамъченнымъ. Но вотъ что случилось. Чтобъ отблагодарить участниковъ объда, я просилъ ихъ принять на память отъ меня по выбору что нибудь изъ нашихъ изданій, или большую фотографію мою. Левъ В тошниковъ взяль фотографію; я ему совътоваль обръзать края и свернуть въ трубочку; онъ не хотълъ и говорилъ, что положить ее на дно чемодана, а потому завернуль ее въ листь "Теймса" и такъ отправился. Этого нельзя было не замътить. Прощаясь съ нимъ съ послъднимъ, я спокойно отправился спать, -- такъ иногда сильно бываетъ ослѣпленье — и, ужъ конечно, не думалъ, какъ дорого обойдется эта минута и сколько ночей безъ сна она принесеть мнъ. Все вмъстъ было глупо и неосмотрительно по высочайшей степени. Можно было остановить

Вътошникова до вторника, отправить въ субботу; зачъмъ онъ не приходилъ утромъ?... да и вообще зачъмъ онъ приходилъ самъ?.... да и зачъмъ мы писали?.....

Говорять, что одинь изъ гостей телеграфироваль тотчась въ Петербугъ.

Вътошникова схватили на пароходъ; остальное извъстно.

Въ заключенье этого печальнаго сказанья, скажу о человъкъ, вскользь упомянутомъ мною, и котораго пройти мимо не слъдуетъ. Я говорю о Кельсіевъ.

BA KYJINCAMII

(1863 - 1864)

Мы остались одни, безъ въры, прислушиваясь къ дальнимъ раскатамъ выстръловъ, къ дальнему стону раненыхъ. Въ первыхъ числахъ Апръля пришла въсть о томъ, что Потебня убитъ въ сражени у Песковой скалы. Въ маъ былъ разстрълянъ Падлевскій въ Плоцкъ. А тамъ и пошло, и пошло.

Трудное, невыносимо трудное время! И ко всему печальному, быть невольнымъ зрителемъ людской тупости, безтолковости, проклятаго очертя голову, губящихъ всѣ силы около себя.

В. И. КЕЛЬСІЕВЪ

Имя В. Кельсіева пріобрѣло въ послѣднее время печальную извъстность: быстрота внутренней и скорость внъшней перемъны, удачность раскаянія, неотлагаемая потребность всенародной исповёди и ея странная усёченность, безтактность разсказа, неумъстная смъшливость рядомъ съ неприличной въ кающемся и прощенномъ развизностью; все это, при непривычкѣ нашего общества къ крутымъ и гласнымъ превращеніямъ, вооружило противъ него лучшую часть нашей журналистики. Кельсіеву хотълось во что бы то ни сталозанимать собою публику; онъ и накупился на видное мъсто мишенью, въ которую каждый бросаетъ камень не жалья. Я далекъ отъ того, чтобъ порицать нетерпимость, которую показала въ этомъ случав наша дремлющая литература. Негодованіе это свидфтельствуетъ о томъ, что много свътлыхъ, неиспорченныхъ уцѣлѣли у насъ, не смотря на черную полосу нравственной неурядицы и безнравственнаго слова. Негодованіе, опрокинувшееся на Кельсіева, то самое, которое нъкогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворенія и отвернулось отъ Гоголя за его "переписку съ друзьями".

Бросать въ Кельсіева камнемъ лишнее, въ него и такъ брошена цѣлая мостовая. Я хочу передать другимъ и напомнить ему, какимъ онъ явился къ намъ въ Лондонъ и какимъ уѣхалъ во второй разъ въ Турцію.

Пусть онъ сравнитъ самыя тяжелыя минуты тогдашней жизни съ лучшими своей теперешней карьеры.

Страницы эти писаны прежде раскаянья и покаянья, прежде метемпсихозы и метаморфозы. Я въ нихъ ничего не измѣнилъ и добавилъ только отрывки изъ писемъ. Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ Кельсіевъ представленъ такъ, какъ онъ остался въ памяти до его появленія на лодкѣ въ скулянскую таможню, въ качествѣ запрещеннаго товара, просящаго конфискаціи и поступленія съ нимъ по законамъ.

Въ 1859 году получилъ я первое письмо отъ него. Письмо отъ Кельсіева было изъ Плимута. Онъ туда приплылъ на пароходъ Съверо-Американской компаніи и отправлялся куда-то въ Ситху или Уполамай на службу. Погостивши въ Плимутъ, ему расхотълось ъхать на Алеутскіе острова и онъ писалъ ко мнъ, спрашивая можно ли ему найти пропитание въ Лондонъ. Онъ усиълъ уже въ Плимутъ познакомиться съ какими-то теологами и сообщалъ мнъ, что они обратили его внимание на замъчательныя истолкованія пророчествъ. Я предостерегъ его отъ клерджименовъ и звалъ въ Лондонъ, "если онъ дъйствительно хочетъ работать". Недъли черезъ двъ онъ явился. Молодой, довольно высокій, худой, бол'ізненный, съ четвероугольнымъ черепомъ, съ шапкой волосъ на головъ, онъ мнъ напоминалъ, — не волосами — (тотъ былъ плъшивъ), а всъмъ существомъ своимъ Энгельсона, и дъйствительно, онъ очень многимъ былъ похожъ на него. Съ перваго взгляда можно было замътить много неустроеннаго и неустоявшагося, —но ничего пошлаго. Видно было, что онъ вышелъ на волю изъ всѣхъ опекъ и крѣпостей, но еще не приписался ни къ какому дѣлу и обществу: цѣли не имѣлъ. Онъ былъ гораздо моложе Энгельсона, не все же принадлежалъ къ позднѣйшей шеренгѣ Петрашевцевъ и имѣлъ часть ихъ достоинствъ и всѣ недостатки, учился всему на свѣтѣ и ничему не научился до тла, читалъ всякую всячину и надо всѣмъ ломалъ довольно безплодно голову. Отъ постоянной критики всего общепринятаго Кельсіевъ раскачалъ въ себѣ всѣ нравственныя понятія и не пріобрѣлъ никакой нити поведенья.

Особенно оригинально было то, что въ скептическомъ ощупываніи Кельсіева сохранилась какая - то примѣсь мистическихъ фантазій: онъ былъ нигилистъ съ религіозными пріемами, нигилистъ въ дьяконовскомъ стихарѣ. Церковный оттѣнокъ, нарѣчіе и образность остались у него въ формѣ, въ языкѣ, въ слогѣ (*), и придавали всей его жизни особый характеръ и особое единство, основанное на спайкѣ противоположныхъ металловъ.

У Кельсіева шелъ тотъ знакомый намъ переборъ, который дёлаетъ почти всегда въ самомъ дѣлѣ проснувшійся русскій внутри себя и о которомъ вовсе не думаетъ за недосугомъ и заботами западный человѣкъ, втянутый своими спеціальностями въ другія дѣла; старшіе братья наши не провѣряютъ задовъ, и отъ того у нихъ смѣняются поколѣнія, строя и разрушая, награждая и наказуя, надѣвая вѣнки и кандалы, твердо увѣренные, что такъ и надобно, что они дѣлаютъ дѣло. Кельсіевъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ и не при-

^(*) Петрашевцами заключаются у насъ сильно занимавшіеся юнеши; ихъ можно назвать посл'яднимъ классомъ нашего учебнаго историческаго развитія.

нималъ на слово ни добро—добра, ни зло—зла. Кобенящійся духъ этотъ, отрѣшающійся отъ впередъ идущей нравственности и готовыхъ истинъ, накипѣлъ всего больше въ mi-carême нашего николаевскаго поста и рѣзко сталъ высказываться, когда гиря, давившая наши мозги, приподнялась на одну линію. На этотъ полный жизни и отваги анализъ и накинулась богъ вѣсть что хранящая консервативная литература, а за ней и правительство.

Во время нашего пробужденія, подъ звуки севастопольскихъ пушекъ, съ чужихъ словъ, многіе изъ нашихъ умниковъ пошли повторять, что западный консерватизмъ у насъ фактъ правильный, что насъ на скоро подогнали къ европейскому образованію не для того, чтобъ дёлиться съ нимъ наслъдственными бользнями и застарълыми предразсудками, а для "сравненія съ старшими", для того, чтобъ была возможность съ ними итти ровнымъ шагомъ впередъ. Но какъ только мы видимъ на самомъ дълъ, что у проснувшейся мысли, что у возмужалаго слова нътъ ничего твердаго, "ничего святаго", а есть вопросы и задачи, что мысль ищетъ, что слово отрицаеть, что дурное раскачивается вмъстъ съ "завъдомо" хорошимъ и что духъ пытанія и сомнінія влечеть все, —все безъ разбора — въ пропасть лишенную перилъ, тогда крикъ ужаса и изступленія вырывается изъ груди, и пассажиры первыхъ классовъ закрываютъ глаза, чтобъ не видать какъ вагоны сорвутся съ рельсовъ, а кондукторы тормозять и останавливають всякое движеніе.

Разумъется, бояться причины нътъ: возникающая сила слишкомъ слаба, чтобъ матеріально сдвинуть шестпдесяти милліонный поъздъ съ рельсовъ. Но въ ней была программа, можетъ быть пророчество.

Кельсіевъ развился подъ первымъ вліяніемъ времени,

о которомъ мы говорили. Онъ далеко не осѣлся, не дошелъ ни до какого центра тяжести, но онъ былъ въ полной ликвидаціи всего нравственнаго имущества. Отъ стараго онъ отрѣшился, твердое распустилъ, берегъ оттолкнулъ, и, очертя голову, пустился въ широкое море. Равно подозрительно и съ недовѣріемъ относился онъ къ вѣрѣ и къ невѣрію, къ русскимъ порядкамъ и къ порядкамъ западнымъ.

Одно, что пустило корни въ его груди, было сознаніе страстное и глубокое экономической неправды современнаго государственнаго строя, и въ силу этого, ненависть къ нему и темное стремленіе къ соціальнымъ теоріямъ, въ которыхъ онъ видълъ выходъ.

На это сознаніе неправды и на эту ненависть, сверхъ пониманья, онъ имѣлъ неотъемлемое право.

Въ Лондонъ онъ поселился въ одной изъ отдаленнъйшихъ частей города, въ глухомъ переулкъ Фулама, населенномъ матовыми, подернутыми чъмъ-то пепельнымъ, ирландцами и всякими исхудалыми работниками. Въ этихъ сырыхъ каменныхъ коридорахъ безъ крыши страшно тихо, звуковъ почти нътъ никакихъ, ни свъта, ни цвъта: люди, плошки, дома, все полиняло и осунулось; дымъ и сажа обвели всв линіи траурнымъ ободкомъ. По нимъ не трещать тельжки лавочниковь, развозящихь съвстные припасы, не вздять извощичьи кареты, не кричать разнощики, не лаютъ собаки, (последнимъ решительно нечъмъ питаться); изръдка только выходитъ какая нибудь худая взъерошенная и покрытая углемъ кошка, проберется по крышт и подойдеть къ трубт пограться, выгибая спину и обличая видомъ, что внутри дома она передрогла.

Когда я въ первый разъ посътилъ Кельсіева, его не было дома. Очень молодая, очень некрасивая женщина,

худая, лимфатическая, съ заплаканными глазами, сидъла у тюфяка, посланнаго на полу, на которомъ весь въ лихорадкъ и жаръ метался, страдалъ, умиралъ ребенокъ, года или полутора.

Я посмотрѣлъ на его лицо и вспомнилъ предсмертныя черты другаго ребенка, это было *тоже* выраженіе. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, другой родился.

Бѣдность была всесовершеннѣйшая. Молодая, тщедушная женщина, или лучше, замужняя дѣвочка, выносила ее геройски и съ необычайной простотой.

Думать нельзя было, глядя на ея бользненную, золотушную, слабую наружность, что за мощь, что за сила преданности обитала въ этомъ хиломъ тѣлѣ. Она могла служить горькимъ урокомъ нашимъ записнымъ романистамъ. Она была, хотъла быть тъмъ, что впослъдствіи назвали ничилисткой, странно чесала волосы, небрежно од валась, много курила, не боялась ни см влыхъ мыслей, ни смълыхъ словъ; она не умилялась передъ семейными добродътелями, не говорила о священномъ долгъ, о сладости жертвы, которую совершаетъ ежедневно, и о легкости креста, давившаго ен молодыя плечи. Она не кокетничала своей борьбой съ нуждой и дълала все: шила и мыла, кормила ребенка, варила мясо и чистила комнату. Твердымъ товарищемъ была она мужу и великой страдалицей сложила голову свою на дальнемъ востокъ, слъдуя за блуждающимъ, безпокойнымъ бъгомъ своего мужа и потерявъ рядомъ двухъ послѣлнихъ малютокъ.

Поборолся я сначала съ Кельсіевымъ, старался его убъдить, чтобъ онъ не отръзывалъ себъ съ самаго начала, не извъдавши жизни изгнанника, пути къ возвращенію.

Я ему говорилъ, что надобно прежде узнать нужду

на чужбинъ, нужду въ Англіи, особенно въ Лондонъ; я ему говорилъ, что въ Россіи теперь дорога всякая сила.

- Что вы будете здёсь дёлать? спрашиваль я его. Кельсіевъ собирался всему учиться и обо всемь писать; пуще всего хотёль онъ писать о женскомъ вопросё, о семейномъ устройствё.
- Пишите прежде—говорилъ я ему—объ освобожденіи крестьянъ съ землей. Это первый вопросъ, стоящій на дорогѣ. Но симпатіи Кельсіева были не туда обращены. Онъ дѣйствительно принесъ мнѣ статью о женскомъ вопросѣ. Она была безмѣрно плоха. Кельсіевъ посердился, что я ее не напечаталъ, и самъ благодарилъ меня за это, года два спустя.

Возвращаться онъ не хотёлъ. Во чтобъ ни стало надобно было найти ему работу. За это мы и принялись. Теологическія эксцентричности его намъ помогли. Мы доставили ему корректуру Св. Писанія, издаваемаго по русски лондонскимъ библейскимъ обществомъ, затъмъ передали ему кипу бумагъ, полученныхъ нами въ разное время, по части старообрядцевъ. За изданіе ихъ и приведение въ порядокъ Кельсіевъ принялся со страстью. То, о чемъ онъ догадывался и мечталъ, то раскрывалось передъ нимъ фактически: грубо наивный соціализмъ въ евангельской ризъ сквозилъ ему въ расколъ. Это было лучшее время въ жизни Кельсіева, онъ съ увлеченіемъ работалъ и прибъгалъ иногда вечеромъ ко миъ указать какую нибудь соціальную мысль духоборцевъ, молоканъ, какое нибудь коммунистическое ученіе еедосфевцевъ; онъ былъ въ восторгъ отъ ихъ скитанія по лѣсамъ, ставилъ идеаломъ своей жизни скитаться между ними и сдълаться учителемъ соціально-христіанскаго раскола въ Белокринице или Россіи.

И дъйствительно, Кельсіевъ былъ въ душъ "бъгуномъ", бъгуномъ нравственнымъ и практическимъ: его мучили неустоявшіяся мысли, тоска. На одномъ мъстъ онъ оставаться не могъ. Онъ нашелъ работу, занятіе, безбъдное пропитаніе, но не нашелъ дъла, которое бы поглотило совсъмъ его безпокойный темпераментъ; онъ былъ готовъ искать его, готовъ былъ не только итти всюду, но поступить въ монахи, принявъ священство безъ въры.

Настоящій русскій челов'якъ, Кельсіевъ всякій м'єсяцъ д'ялалъ новую программу занятій, придумывалъ проэкты и брался за новую работу, не кончивъ старой. Работалъ онъ запоемъ и запоемъ ничего не д'ялалъ. Онъ схватывалъ вещи легко, но тотчасъ удовлетворялся до пресыщенія, изъ всего тянулъ онъ съ разу жилы до посл'ядняго вывода, а иногда и подальше.

Сборникъ о раскольникахъ шелъ успѣшно; онъ издалъ шесть частей, быстро расходившихся. Правительство, видя это, позволило обнародованіе свѣденій о старообрядцахъ. Тоже случилось съ переводомъ библіи. Переводъ съ Еврейскаго не удался. Кельсіевъ попробовалъ сдѣлать un tour de force и перевести "слово въ слово", не смотря на то, что грамматическія формы семитическихъ языковъ вовсе не совпадаютъ съ славянскими. Тѣмъ не меньше, выпущенные ливрезоны разошлись мгновенно, и святѣйшій сунодъ, испугавшись заграничнаго изданія, благословилъ печатаніе стараго завѣта на русскомъ языкѣ. Эти обратныя побѣды никогда никѣмъ не были поставлены въ сrédit нашего станка.

Въ концѣ 1862 Кельсіевъ отправился въ Москву съ цѣлью завести прочныя связи съ раскольниками. Поѣздку эту онъ когда нибудь долженъ самъ разсказать. Она невѣроятна, невозможна, а на дѣлѣ дѣйствительно была. Въ этой поѣздкѣ отвага граничитъ съ безуміемъ; въ ней опрометчивость почти преступная, но уже конечно не я буду его винить въ ней. Неосторожная болтовня за границей могла сдѣлать много бѣдъ. Но къ дѣлу и оцѣнкѣ самой поѣздки это не идетъ.

Возвратясь въ Лондонъ, онъ принялся по требованію Трюбнера за составленіе русской грамматики для англичанъ и за переводъ какой-то финансовой книги. Ни того, ни другаго онъ не кончилъ: путешествіе сгубило ero Sitzsleiss. Онъ тяготился работой, впадалъ въ ипохондрію, унываль; а работа была нужна, денегь опять не было ни гроша. Къ тому же и новый червь начиналъ точить его. Успъхъ поъздки, безспорно доказанная отвага, таинственные переговоры, побъда надъ опасностями, все это раздуло въ его груди и безъ того сильную струю самолюбія; обратно Цезарю, Донъ-Карлосу и Вадиму Пассекъ, Кельсіевъ, запуская руки въ свои густые волосы, говорилъ, покачивая грустно головой: "Еще нътъ тридцати лътъ, и уже такая отвътственность взята мною на плечи". Изъ всего этого легко можно было понять, что грамматики онъ не кончить, а уйдетъ. Онъ и ушелъ. Ушелъ онъ въ Турцію, съ твердымъ намфреніемъ еще больше сблизиться съ раскольниками, составить новыя свизи и, если возможно, остаться тамъ и начать проповёдь вольной церкви и общиннаго житья. Я писаль ему длинное письмо, убъждая его не ъздить, а продолжать работу. Но страсть къ скитанію, желаніе подвига и великой судьбы, мерещившейся ему, были сильнъе, и онъ уъхалъ. Онъ и Мартьяновъ исчезаютъ почти въ одно время. Одинъ, чтобъ, послѣ ряда несчастій и испытаній, хоронить своихъ и потеряться между Яссами и Галацомъ; другой, чтобъ схоронить себя на

каторжной работѣ, куда его сослала неслыханная тупость царя и неслыханная злоба мстящихъ помѣщиковъсенаторовъ.

Послѣ нихъ являются на сцену люди другаго чекана. Наша общественная метаморфоза, не имѣя большой глубины и захватывая очень тонкій слой, быстро изнашиваетъ и измѣняетъ формы и цвѣта.

Между Энгельсономъ и Кельсіевымъ уже цёлая формація, какъ между нами и Энгельсономъ. Энгельсонъ быль человькь сломленный, оскорбленный; зло, сдёланное ему всей средой, міазмы, которыми онъ дышалъ съ дътства, изуродовали его. Лучъ свъта скользнулъ по немъ и отогрълъ его года за три до его смерти, тогда уже неостанавливаемый недугъ грызъ его грудь. Кельсіевъ, тоже помятый и попорченный средой, явился однако безъ отчаянія и устали; оставаясь за границей, онъ не просто шелъ на покой, не просто бъжалъ безъ оглядки отъ тяжести: онъ шелъ куда-то. Куда?—этого онь не зналь (и туть всего ярче выразился видовой оттънокъ его пласта), опредъленной цъли онъ не имълъ; онъ ее искалъ и покамъстъ осматривался и приводилъ въ порядокъ, а пожалуй и въ безпорядокъ, всю массу идей, захваченныхъ въ школъ, книгахъ и жизни. Внутри у него шла ломка, о которой мы говорили, и она для него была существеннымъ вопросомъ, которымъ онъ жилъ, выжидая или такого дёла, которое поглотило бы его, или такую мысль, которой бы онъ отдался.

Потаскавшись въ Турціи, Кельсіевъ рѣшился поселиться въ Тульчѣ; тамъ онъ хотѣль учредить средоточіе своей пропаганды между раскольниками, школу для казацкихъ дѣтей и сдѣлать опытъ Общинной жизни, въ которой прибыль и убыль должна была падать на всѣхъ, чистая и нечистая, легкая и трудная работа —

обдёлываться всёми. Дешевизна пом'єщенья и съ'єстныхъ припасовъ д'єлали опытъ возможнымъ. Онъ сблизился съ старымъ атаманомъ Некрасовцевъ, Гончаромъ, и въ начал'є превозносилъ его до небесъ.

Лѣтомъ въ 1863 подъѣхалъ къ нему его меньшой братъ Иванъ, прекрасный, даровитый юноша. Онъ былъ по студенческому дѣлу высланъ изъ Москвы въ Пермь; тамъ попался къ негодяю губернатору, который его тѣснилъ. Потомъ его опять вызвали въ Москву для какихъ-то показаній; ему грозила ссылка далѣе Перьми. Онъ бѣжалъ изъ частнаго дома и пробрался черезъ Константинополь въ Тульчу. Старшій братъ былъ чрезвычайно радъ ему; онъ искалъ товарищей и наконецъ звалъ жену, которая рвалась къ нему, и жила на нашемъ попеченьи въ Тедингтонъ. Пока мы ее снаряжали, явился въ Лондонъ и самъ Гончаръ.

Хитрый старикъ, почуявшій смуты и войны, вышель изъ своей берлоги понюхать воздухъ и посмотръть, чего откуда можно ждать, т. е. съ къмъ итти и противъ кого. Не зная ни одного слова кромъ по русски и по турецки, онъ отправился въ Марсель и оттуда въ Парижъ. Въ Парижъ онъ видълся съ Чарторижскимъ и Замойскимъ; говорятъ даже, что его возили къ Наполеону; отъ него я этого не слыхалъ. Переговоры ни къ чему ни привели, и съдой казакъ, качая головой и щуря лукавыми глазами, написалъ каракульками семнадцатаго стольтія ко мнь письмо, вь которомъ, называя меня "графомъ", спрашивалъ: можетъ ли прівхать къ намъ и какъ насъ найти. Мы жили тогда въ Тедингтонъ; безъ языка не легко было добраться до насъ, и я повхаль въ Лондонъ на желвзную дорогу встретить его. Выходитъ изъ вагона старый русскій мужикъ, изъ зажиточныхъ, въ сфромъ кафтанф, съ русской бородой,

скор ве худощавый, но кр в пкій, мускулистый, довольно высокій и загор влый, несеть узелокъ въ цв в тномъ платкъ.

- · Вы Осипъ Семеновичъ? спрашиваю я.
- Я, батюшка, я.— Онъ подалъ мнѣ руку. Кафтанъ распахнулся, и я увидѣлъ на поддевкѣ большую звѣзду, разумѣется турецкую: русскихъ звѣздъ мужикамъ не даютъ. Поддевка была синяя и оторочена пирокой пестрой тесьмой, этого я въ Россіи не видалъ.
- Я такой-то, прівхаль вась встретить, да проводить къ намъ.
- Что же ты это, ваше сіятельство, самъ безпокоплся... того... ты бы того, кого нибудь...
- Это ужъ оттого видно, что я не сіятельство. Съ чего же Осипъ Семеновичъ, вы выдумали меня называть графомъ?
- А Христосъ тебя знаетъ, какъ величатъ; ты не бось въ своемъ дѣлѣ во главѣ стоишь. Ну, а я—того, человѣкъ темный, ну и говорю: графъ, т. е. сіятельный, т. е. голова.

Не только оборотъ рѣчи, но и произношеніе у Гончара было великорусское, крестьянское. Какъ у нихъ въ захолустьи, окруженномъ иноплеменными, такъ славно сохранился языкъ?—трудно было бы понять безъ старообрядческаго мерщенія. Расколъ ихъ выдѣлилъ такъ строго, что никакое чужое вліяніе не переходило за ихъ частоколъ.

Гончаръ прожилъ у насъ три дня. Первые дни онъ ничего не влъ, кромъ сухаго хлъба, который привезъ съ собой, и пилъ одну воду. На третій день было воскресенье; онъ разръшилъ себъ стаканъ молока, рыбу, вареную въ водъ и, если не ошибаюсь, рюмку хереса.

Русское себъ на умъ, восточная хитрость, осмотри-

тельность охотника, сдержанность человѣка, привыкшаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ полному безправію и къ сосѣдству сильныхъ враговъ, долгая жизнь, проведенная въ борьбѣ, въ настойчивомъ трудѣ, въ опасностяхъ, все это такъ и сквозило изъ за мнимо простыхъ чертъ и простыхъ словъ сѣдаго казака. Онъ постоянно оговаривался, употреблялъ уклончивыя фразы, тексты изъ Священнаго Писанія, дѣлалъ скромный видъ, очень сознательно разсказывая о своихъ успѣхахъ и, если иногда увлекался въ разсказахъ о прошломъ и говорилъ много, то навѣрное никогда не проговорился о томъ, о чемъ хотѣлъ молчать.

Этотъ закалъ людей на Западъ почти не существуетъ. Онъ не нуженъ такъ, какъ не нужна дамаская сталь для лезвія перочиннаго ножа.

Въ Европъ все дълается гуртомъ, массой; человъку одиночно не нужно столько силы и осторожности.

Въ успъхъ польскаго дъла онъ уже не върилъ и говорилъ о своихъ парижскихъ переговорахъ, покачивая головой. -- "Намъ конечно гдъ же сообразить: мы люди маленькіе, темные, а они вонъ поди какъ, ну вельможи, какъ следуетъ; только эдакъ нравъ-то легкій. Ты, молъ, Гончаръ не сумлевайся: вотъ какъ справимся, мы то и то сдёлаемъ для тебя напримёръ. Ионимаешь?... все будетъ въ удовольствіе. Оно точно, люди они добрые, да поди вотъ, когда справятся... съ такой политикой". Ему хотълось разузнать какія у насъ связи съ раскольниками и какія опоры въ крат; ему хоттлось осязать, можетъ ли быть практическая польза въ связи старообрядцевъ съ нами. Въ сущности для него было все равно, онъ пошелъ бы равно съ Польшей и Австріей, съ нами и съ Греками, съ Россіей и съ Турціей, лишь бы это было выгодно для его Некрасовцевъ. Онъ и отъ

насъ увхалъ, качая головой. Написалъ потомъ два-три письма, въ которыхъ, между прочимъ, жаловался на Кельсіева и подалъ, вопреки нашего мнвнія, адресъ государю.

Въ началѣ 1864 поѣхали въ Тульчу два русскихъ офицера, оба эмигранты, Краснопѣвцевъ и В. Маленькая колонія сначала дружно принялась за работу. Они учили дѣтей и солили огурцы, чинили свои платья и копались въ огородѣ. Жена Кельсіева варила обѣдъ и обшивала ихъ. Кельсіевъ былъ доволенъ началомъ, доволенъ казаками и раскольниками, товарищами и турками (*).

Кельсіевъ писалъ еще намъ свои юмористическіе разсказы о ихъ водвореніи, а уже черная рука судьбы была занесена надъ маленькой кучкой Тульчинскихъ общинниковъ. Въ Іюнъ мъсяцъ 1864, ровно черезъ годъ послъ своего прівзда, умеръ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, на рукахъ своего брата, въ злѣйшемъ тифѣ, Иванъ Кельсіевъ. Смерть его была для брата страшнымъ ударомъ; онъ самъ занемогъ, но какъ-то отходился. Письма его того времени ужасны. Духъ, поддерживавшій отшельниковъ, упалъ, угрюмая скука овладъвала ими; начались преступленія и ссоры. Гончаръ писалъ, что Кельсіевъ сильно пьетъ. Краснопъвцевъ застрѣлился, В. ушелъ. Дальше не могъ вытерпътъ и Кельсіевъ; онъ взялъ свою жену и своихъ дѣтей (у него еще родился ребенокъ) и, безъ средствъ, безъ

^(°) И воть эта ужасная Тульчинская агенція, имѣвшая сношенія со всемірной революціей, поджигавшая русскія деревни на деньги изъ Маццинієвскихъ кассъ, грозно дѣйствовавшая года черезъ два послѣ того, какъ перестала существовать, и теперь еще поминаемая въ литературѣ сыщиковъ и въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ Каткова!

цёли, отправился сначала въ Константинополь, потомъ въ Дунайскія княжества. Совершенно отръзанный отъ всёхъ, отрёзанный на время даже отъ насъ, онъ въ это время разошелся съ Польской эмиграціей въ Турцін. Напрасно искаль онь заработать кусокь хліба, сь отчаяніемъ смотръль онь на изнуреніе бъдной женщины и дътей. Деньги, которыя мы посылали иногда, не могли быть достаточны. "Случалось, что у насъ вовсе не было хлъба", — писала не за долго до своей смерти его жена. Наконецъ послъ долгихъ усилій Кельсіевъ нашелъ въ Галацъ мъсто "надзирателя за шоссейными работами". Скука томила, грызла его. Онъ не могъ не винить себя въ положени семьи. Невъжество дико-восточнаго міра оскорбляло его; онъ въ немъ чахнуль и рвался вонъ. В ру въ раскольниковъ онъ утратиль; въру въ Польшу утратиль; въра въ людей, въ науку, въ революцію, колебались сильньй и сильный, и можно было легко предсказать, когда и она рухнется. Онъ только и мечталъ, чтобъ во что бы то ни стало вырваться опять на свътъ, прітхать къ намъ, и съ ужасомъ видёлъ, что ему покинуть семью нельзя. "Еслибъ я былъ одинъ, — писалъ онъ нъсколько разъ, я съ дагеротипомъ или органомъ ушелъ бы куда глаза глядять и, потаскавшись по міру, пішкомь явился бы въ Женеву".

Помощь была близка.

"Малуша" (такъ звали старшую дочь) легла здоровая спать, проснулась ночью больная; къ утру умерла холерой. Черезъ нъсколько дней умеръ меньшой; мать свезли въ больницу. У ней открылась острая чахотка.

"Помнишь ли, ты когда-то миѣ обѣщалъ сказать когда я буду умирать, что это смерть. Смерть ли это?" "Смерть, другъ мой, смерть".

И она еще разъ улыбнулась, впала въ забытье и умерла.

Отрывокъ изъ письма:

..... Намъ пишутъ изъ Петербурга, что на дняхъ начальникъ Скулянской таможни получилъ за подписью "В. Кельсіевъ" письмо, предворявшее его, что пассажиръ, имѣющій прибыть на эту таможню съ правильнымъ турецкимъ паспортомъ на ими Ивана Желудкова, есть никто иной какъ онъ, г. Кельсіевъ, и что онъ, желая предать себя въ руки русскаго правительства, проситъ арестовать себя и препроводить въ Петербургъ.

ОВЩІЙ ФОНДЪ

Едва Кельсіевъ ушелъ за порогъ, новые люди, вытъсненные суровымъ холодомъ 1863, стучались у нашихъ дверей. Они шли не изъ готовальни наступающаго переворота, а съ обрушившейся сцены, на которой уже выступали актерами. Они укрывались отъ внъшней бури и ничего не искали внутри, имъ нуженъ былъ временный пріють, пока погода уляжется, пока снова представится возможность итти въ бой. Люди эти очень молодые покончили съ идеями, съ образованіемъ; теоретическіе вопросы ихъ не занимали отчасти отъ того, что они у нихъ еще не возникали, отчасти отъ того, что у нихъ дъло шло о приложеніи. Они были побиты матеріально, но дали доказательства своей отваги. Свернувши знамя, имъ приходилось хранить его честь. Отсюда сухой тонъ, cassant, raide, ръзкій и нъсколько поднятый. Отсюда военное, нетерпъливое отвращение отъ долгаго обсуживанія, критики, нъсколько изысканное пренебреженье ко встмъ умственнымь роскошамъ, въ числт которыхъ ставилось на первомъ планъ искусство. Какая тутъ музыка, какая поэзія! "Отечество въ опасности, aux armes, citoyens! " Въ нъкоторыхъ случаяхъ они были отвлеченно

правы, но сложнаго и запутаннаго процесса уравновъшенія идеала съ существующимъ они не брали въ разсчеть и, само собой разумъется, свои мнънія и воззрѣнія принимали за воззрѣнія и мнѣнія цѣлой Россіи. Винить за это нашихъ молодыхъ штурмановъ будущей бури было бы несправедливо. Это общеюношеская черта; годъ тому назадъ одинъ французъ, поклонникъ Конта, увърялъ меня, что католицизмъ во Франціи не существуеть и complètement perdu le terrain, между прочимъ, ссылался на медицинскій факультеть, на профессоровь, и студентовъ, которые не только не католики, но и не деисты. "Ну, а та часть Франціи, — замътиль я — которая не читаетъ и не слушаетъ медицинскихъ лекцій? — Она, конечно, держится за религію и обряды, но больше по привычкъ и по невъжеству". — Очень върно, но что же вы сдълаете съ нею? — А что сдълали въ 1792 году? — Немного: революція сначала заперла церкви, а потомъ открыла. Вы помните отвътъ Ожеро Наполеону, когда праздновали конкордать: Нравится ли тебъ церемонія? спросиль консуль, выходя изъ Нотръ-Дамъ. Якобинецъ-генералъ отвъчалъ: "Очень, жаль только, что не достаетъ тъхъ двухъ сотъ тысячъ человъкъ, которые легли костьми, чтобъ уничтожить подобныя церемоніи".

- A bah! мы стали умнъе и не откроемъ церковныхъ дверей, или лучше, не запремъ ихъ вовсе и отдадимъ капища суевърія подъ школы.
 - L'infâme sera écrasée, докончилъ я смъясь.
 - Да, безъ сомнѣнія; это вѣрно!
- Но мы-то съ вами не увидимъ этого; это еще върнъе.

Въ этомъ взглядъ на окружающій міръ сквозь подкрашенную личнымъ сочувствіемъ призму лежитъ половина всѣхъ революціонныхъ неуспѣховъ. Жизнь молодыхъ людей, вообще, идущая въ своего рода шумномъ и замкнутомъ затворничествѣ, вдали отъ будничной и валовой борьбы изъ-за личныхъ интересовъ, рѣзко схватывая общія истины, почти всегда срѣзывается на ложномъ пониманіи ихъ прпложенія къ нуждамъ дня.

... Сначала новые гости оживили насъ разсказами о петербугскомъ движеніи, о дикихъ выходкахъ оперившейся реакціи, о процессахъ и преслѣдованіяхъ, объ университетскихъ и литературныхъ партіяхъ; потомъ, когда все это было передано съ той скоростью, съ которой въ этихъ случаяхъ торопятся все сообщить, наступили паузы, гіатусы; бесѣды наши сдѣлались скучны, однообразны...

— Неужели, думаль я, это въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая два поколѣнія? Холодъ, вносимый лѣтами, усталью, испытаньями?

Какъ бы то ни было, я чувствовалъ, что, съ появленіемъ новыхъ людей, горизонтъ нашъ не расширился... а съузился; діаметръ разговоровъ сталъ короче; намъ иной разъ нечего было другъ другу сказать. Ихъ занимали подробности ихъ круговъ, за границей которыхъ ихъ ничто не занимало. Однажды передавши все интересное объ нихъ, приходилось повторять и они повторяли. Наукой или дѣлами они ганимались мало; даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области; а намъ не доставало воздуха въ этой спертой атмосферѣ. Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались!

Къ тому же, если они п знали извъстный слой Петербурга, то Россіи вовсе не знали п, искренно желая

сблизиться съ народомъ, сближались съ нимъ книжно и теоретически.

Общее между нами было слишкомъ обще. Вмѣстѣ итти, служить по французскому выраженію, вмѣстѣ что нибудь дѣтать — мы могли; но вмѣстѣ стоять и жить сложа руки было трудно. О серьезномъ вліяніи и думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе давно закусило удила (*). Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но при всей искренности, это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали, чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе и только въ томъ случаѣ соглашались, когда высказанное нами нисколько не противорѣчило ему. На насъ они смотрѣли какъ на почтенныхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали отъ нихъ.

Я всегда и во всемъ боялся "пуще всѣхъ печалей" *мезальянсовъ*, всегда ихъ допускалъ долею по гуманности, долею по небрежности, и всегда страдалъ отъ нихъ.

Предвидѣть было не мудрено, что новыя связи долго не продержатся, что рано или поздно онѣ разорвутся и что этотъ разрывъ, взявъ въ разсчетъ шереховатый характеръ новыхъ пріятелей, не обойдется безъ дурныхъ послѣдствій.

Вопросъ, на которомъ покачнулись шаткія отношенія, былъ именно тотъ старый вопросъ, на которомъ обыкновенно разрываются знакомства, сшитыя гнилыми нит-

^(*) Самолюбіе ихъ не было такъ велико, какъ задорно и раздражительно, а главное невоздерженно на слова. Они не могли скрыть ни зависти, ни своего рода щепетильнаго требованія— чинопочитанія по рангу, ими присвоенному. При этомъ сами они смотрѣли на все свысока, и постоянно трунили другъ надъ другомъ, отчего ихъ дружбы никогда не продолжались дольше мѣсяца.

ками. Я говорю о деньгахъ. Не зная вовсе ни моихъ средствъ, ни моихъ жертвъ, они предъявляли на меня требованія, которыя удовлетворять я не считалъ справедливымъ. Если я могъ черезъ всѣ невзгоды, безъ малъйшей поддержки, провести лѣтъ пятнадцать русскую пропаганду, то я могъ это сдѣлать, налагая мѣру и границу на другія траты. Новые знакомые находили, что все, дѣлаемое мною, мало, и съ негодованіемъ смотрѣли на человѣка, прикидывающагося соціалистомъ и не раздающаго своего достоянія на дуванъ людямъ не работающимъ, но желающимъ денегъ. Очевидно, они стояли еще на непрактической точкѣ зрѣнія христіанской милостыни и добровольной нищеты, принимая ее за практическій соціализмъ.

Опыты собранія "Общаго фонда" не дали важныхъ результатовъ. Русскіе не любятъ давать денегъ на общее дѣло, если при немъ нѣтъ сооруженія церкви, обѣда, попойки и высшаго одобряющаго начальства.

Въ самый разгаръ эмигрантскаго безденежья, разнесся слухъ, что у меня есть какая-то сумма денегъ, врученная мнъ для пропаганды.

Молодымъ людямъ казалось справедливымъ ее у меня отобрать.

Для того, чтобы понять это, слѣдуетъ разсказать объ одномъ странномъ случаѣ, бывшемъ въ 1858 г. Однимъ утромъ я получилъ записку, очень короткую, отъ какогото незнакомаго русскаго; онъ писалъ мнѣ, что имѣетъ "необходимость меня видѣтъ" и просилъ назначить время.

Я въ это время шелъ въ Лондонъ, а потому, вмѣсто всякаго отвѣта, зашелъ самъ въ Саблоньеръ-отель и спросилъ его. Онъ былъ дома. Молодой человѣкъ съ видомъ кадета, застѣнчивый, очень невеселый и съ особой наружностью, довольно топорно отдѣланной, седьмыхъ-

восьмыхъ сыновей степныхъ помѣщиковъ. Очень неразговорчивый, онъ почти все молчалъ; видно было, что у него что-то на душѣ, но онъ не дошелъ до возможности высказать что.

Я ушелъ, пригласивши его дня черезъ два-три объдать. Прежде этого я его встрътилъ на улицъ.

- Можно съ вами итти? спросилъ онъ.
- Конечно, не мнѣ съ вами опасно, а вамъ со мной. Но Лондонъ великъ.
- Я не боюсь, и тутъ вдругъ, закусивши удила, онъ быстро проговорилъ: я никогда не возвращусь въ Россію, нътъ, нътъ, я ръшительно не возвращусь въ Россію...
 - Помилуйте, вы такъ молоды?
- Я Россію люблю, очень люблю; но тамъ люди..... тамъ мнѣ не житье. Я хочу завести колонію на совершенно соціальныхъ основаніяхъ; это все я обдумалъ и теперь ѣду прямо туда.
 - То есть куда?
 - На Маркизскіе острова.

Я смотрълъ на него съ нъмымъ удивленіемъ.

- Да, да; это дѣло рѣшеное. Я плыву съ первымъ пароходомъ и потому очень радъ, что васъ встрѣтилъ сегодня, могу я вамъ сдѣлать нескромный вопросъ?
 - Сколько хотите.
 - Имфете вы выгоду отъ вашихъ публикацій?
- Какая же выгода; хорошо, что теперь печать окупается.
 - Ну, а если не будетъ окупаться?
 - Буду приплачивать.
- Стало въ вашу пропаганду не входять никакія торговыя цѣли?

Я расхохотался.

— Ну, да какъ же вы будете одни приплачивать? А

пропаганда ваша необходима. Вы меня простите, я не изъ любопытства спрашиваю: у меня была мысль, оставляя Россію на всегда, сдѣлать что нибудь полезное для нея, я и рѣшился оставить у васъ немного денегъ. На случай, если вашей типографіи нужно, или для русской пропаганды вообще, такъ вы бы и распорядились.

Мнъ опять пришлось посмотръть на него съ удивленіемъ.

- Ни типографія, ни пропаганда, ни я, въ деньгахъ мы не нуждаемся; напротивъ, дѣло идетъ въ гору; зачѣмъ же я возьму ваши деньги? но отказываясь отъ нихъ, позвольте мнѣ отъ души поблагодарить за доброе намѣреніе.
- Нѣтъ-съ, это дѣло рѣшеное. У меня пятьдесятъ тысячъ франковъ, тридцать я беру съ собой на острова, двадцать отдаю вамъ на пропаганду.
 - Куда же я ихъ дѣну?
- Ну, не будетъ нужно, вы отдадите мнѣ, если я возвращусь; а не возвращусь лѣтъ черезъ десять, или умру, употребите ихъ на усиленіе вашей пропаганды. Только, добавилъ онъ, подумавши, дѣлайте что хотите, но..... но не отдавайте ничего моимъ наслѣдникамъ. Вы завтра утромъ свободны?
 - Пожалуй.
- Сводите меня, сдёлайте одолженіе, въ банкъ и къ Ротшильду; я ничего не знаю и говорить не умёю по англійски, и по французски очень плохо. Я хочу скорве отдёлаться отъ двадцати тысячъ и ёхать.
- Извольте, я деньги принимаю, но вотъ на какихъ основаніяхъ: я вамъ дамъ росписку.
 - Никакой росписки мнѣ не нужно.
- Да, но миѣ нужно дать, я безъ этого вашихъ денегъ не возьму. Слушайте же. Во-первыхъ, въ роспискѣ

будеть сказано, что деньги ваши ввѣряются не мнѣ одному, а мнѣ и Огареву. Во-вторыхъ, такъ какъ вы можетъ соскучитесь на Маркизскихъ островахъ и у васъ явится тоска по родинѣ (онъ покачалъ головой)... почемъ знаешь чего не знаешь... то писать о цѣли, съ которой вы даете капиталъ, не слѣдуетъ, а мы скажемъ, что деньги эти отдаются въ полное распоряженіе мое и Огарева; буде же мы инаго распоряженія не сдѣлаемъ, мы купимъ для васъ на всю сумму какихъ нибудь бумагъ, гарантированныхъ англійскимъ правительствомъ, въ 5 о/о или около. Затѣмъ, даю вамъ слово, что безъ явной крайности для пропаганды, мы денегъ вашихъ не тронемъ; вы на нихъ можете считать во всѣхъ случаяхъ, кромѣ банкрутства въ Англіп.

— Коли хотите непремѣнно дѣлатъ столько затрудненій, дѣлайте ихъ. А завтра ѣдемъ за деньгами!

Слѣдующій день быль необыкновенно смѣшенъ и суетливъ. Началось съ банка и Ротшильда. Деньги выдали ассигнаціями. Б. возымѣлъ сначала благое намѣреніе размѣнять ихъ на испанское золото или серебро. Конторщики Ротшильда смотрѣли на него съ изумленіемъ, но когда вдругъ, какъ съ просонья, онъ сказалъ совершенно ломанымъ франко-русскимъ языкомъ: "ну, такъ летръ креди иль Маркизъ", тогда Кеснеръ, директоръ бюро, обернулъ на меня испуганный и тоскливый взглядъ, который лучше словъ говорилъ: "Онъ не опасенъ ли?" Еще никогда въ домѣ у Ротшильда никто не требовалъ кредитива на Маркизскіе острова.

Рѣшились тридцать тысячъ взять золотомъ и ѣхать домой; на дорогѣ заѣхали въ кафе, я написалъ росписку; Б. съ своей стороны написалъ мнѣ, что отдаетъ въ полное распоряженіе мое и Огарева восемьсотъ фунтовъ; потомъ онъ ушелъ за чѣмъ-то домой, а я отправился

его ждать въ книжную лавку; черезъ четверть часа онъ пришелъ блъдный какь полотно и объявилъ, что у него изъ 30,000 недостаетъ 250 франковъ, т. е. 10 фунтовъ.

Онъ былъ совершенно сконфуженъ. Какъ потеря 250 франковъ могла такъ перевернуть человѣка, отдавшаго безъ всякой прочной гарантіи 20,000, опять психологическая загадка натуры человѣческой. — Нѣтъ ли лишней бумажки у васъ? Со мной денегъ нѣтъ, я отдалъ Ротшильду и вотъ росписка: ровно 800 фунтовъ получено. Б., размѣнявшій безъ всякой нужды на фунты свои ассигнаціп, разсыпалъ на конторѣ Тхоржевскаго 30,000; считалъ, пересчитывалъ, нѣтъ 10 фунтовъ да и только. Видя его отчанніе, я сказалъ Тхоржевскому: я какъ нибудь на себя возьму эти проклятые 10 фунтовъ, а то онъ же сдѣлалъ доброе дѣло, да онъ же и наказанъ.

— Горевать и толковать туть не поможеть, прибавиль я ему: я предлагаю такть сейчась къ Ротшильду.

Мы повхали. Было уже позже четырехъ и касса заперта. Я взошелъ съ сконфуженнымъ Б. Кеснеръ посмотрвлъ на него, и улыбаясь, взялъ со стола 10 фунтовую ассигнацію и подалъ ее мнв. — Это какимъ образомъ? — Вашъ другъ, мвняя деньги, далъ вмвсто двухъ 5 фунт. — двв 10 фунт. ассигнаціп, а я сначала не замвтилъ. Б. смотрвлъ, смотрвлъ и прибавилъ: "Какъ глупо, одного цввта и 10 фунтовъ и 5 фунтовъ; кто же догадается, — видите какъ хорошо, что я размвнялъ деньги на золото".

Успоконвшись, онъ поёхалъ ко мнё обёдать, а на другой день я обёщался прійти къ нему проститься. Онъ былъ совсёмъ готовъ. Маленькій кадетскій или студентскій, вытертый, растертый чемоданчикъ, шинель перевязанная ремнемъ и... и... тридцать тысячъ фран-

ковъ золотомъ, завизанные въ толстомъ фулярѣ такъ, какъ завизываютъ фунтъ крыжовнику или орѣховъ.

Такъ вхалъ этотъ человекъ на Маркизскіе острова.

- Помилуйте, говорилъ я ему, да васъ убъютъ и ограбятъ прежде, чѣмъ вы отчалите отъ берега. Положите лучше въ чемоданчикъ деньги.
 - Онъ полонъ.
 - Я вамъ сакъ достану.
- Ни подъ какимъ видомъ. Такъ и увхалъ. Я первые дни думалъ, чего добраго его укокошатъ, а на меня падетъ подозрвніе, что я подослалъ его убить.

Съ тѣхъ поръ объ немъ не было слуху, ни духу..... Деньги его я положилъ въ фонды, съ твердымъ намѣреніемъ не касаться до нихъ безъ крайней нужды типографіи или пропаганды.

Въ Россіи долгое время никто не зналъ объ этомъ; потомъ ходили смутные слухи— чему мы обязаны двумътремъ пріятелямъ нашимъ, давшимъ слово не говорить объ этомъ. Наконецъ узнали, что деньги дъйствительно есть и хранятся у меня.

Въсть эта пала какимъ-то яблокомъ искушенья, какимъ-то хроническимъ возбужденіемъ и ферментомъ. Оказалось, что эти деньги нужны всѣмъ, а я ихъ не давалъ. Мнѣ не могли простить, что я не потерялъ всего своего состоянія, а тутъ у меня депо, данное для пропаганды; а кто же пропаганда, какъ не они? Сумма вскорѣ выросла изъ скромныхъ франковъ въ рубли серебромъ, и дразнила еще больше желавшимъ сгубить ее частно на общее дѣло. Негодовали на Б., что онъ мнѣ деньги ввѣрилъ, а не кому нибудь другому; самые смѣлые утверждали, что это съ его стороны ошибка, что онъ дѣйствительно хотѣлъ отдать ихъ не мнѣ, а одному петербургскому кругу и что, не зная какъ это сдѣлать,

отдалъ въ Лондонѣ мнѣ. Отважность въ этихъ сужденіяхъ была тѣмъ замѣчательнѣе, что о фамиліи Б. такъ же никто не зналъ, какъ и о его существованіи, и что онъ о своемъ предположеніи ни съ кѣмъ не говорилъ до своего отъѣзда, а послѣ его отъѣзда съ нимъ никто не говорилъ.

Однимъ деньги эти нужны были для посылки эмиссаровъ; другимъ для образованія центровъ на Волгѣ; третьимъ для изданія журнала. *Колоколомъ* они были недовольны и на наше приглашеніе работать въ немъ, что-то подавалисъ туго.

Я ръшительно денегъ не давалъ и пусть требовавшіе ихъ сами скажутъ, гдъ онъ были бы, еслибъ я даль ихъ.

- —Б. говорилъ я можетъ воротиться безъ гроша; трудно сдѣлать аферу, заводя соціалистическую колонію на Маркизскихь островахъ.
 - Онъ навърное умеръ.
 - А какъ на зло вамъ живъ?
 - Да въдь онъ деньги далъ на пропаганду.
 - Пока мнъ на нее не нужно.
 - Да намъ нужно.
 - На что именно?
- Надобно послать кого нибудь на Волгу, кого нибудь въ Одессу...
 - Не думаю, чтобъ очень нужно было.
 - Такъ вы не върите въ необходимость послать?
 - Не върю.
- Старѣетъ и становится скупъ, говорили обо мнѣ на разные тоны самые рѣшительные и свирѣпые. Да что на него смотрѣть; взять у него эти деньги, да и баста, прибавляли еще больше рѣшительные и сврѣпые. А будетъ упираться, мы его такъ продернемъ

въ журналахъ, что будетъ помнить какъ задерживать чужія деньги.

Денегъ я не далъ.

Въ журналахъ они не продергивали. Ругательства въ печати являются гораздо позже, но то же изъ-за денегъ.

... Эти болье свирппые, о которыхъ я сказалъ, были тѣ ультра, тѣ угловатые и шершавые представители "новаго поколѣнья", которыхъ можно назвать Собакевичами п Ноздревыми — нигилизма.

Какъ ни излишне дѣлать оговорку, но я ее сдѣлаю, зная логику и манеру нашихъ противниковъ. Въ моихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія бросить камень ни въ молодое поколѣніе, ни въ нигилизмъ. О послѣднемъ я писалъ много разъ. Наши собакевичи нигилизма не составляютъ сильнѣйшаго выраженія ихъ, а представляютъ ихъ черезчурную крайность (*).

Кто же станетъ христіанство судить по Аршеновымъ хлыстамъ и революцію по сентябрьскимъ мясникамъ и робеспьеровскимъ чулочницамъ?

Заносчивые юноши, о которыхъ идетъ рѣчь, заслуживаютъ изученія, потому что они выражаютъ временный *типъ*, очень опредѣленно вышедшій, очень часто повторившійся, переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя.

Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ

(*) Въ то самое время въ Петербургв и Москвв, даже въ Казани и Харьковв, образовывались между университетской молодежью круги, серьезно посвящавшіе себя изученію науки, особенно между медиками. Честно и добросоввстно трудились они, но устраненные отъ бойкаго участія въ вопросахъ дня, они не были вынуждены покидать Россіи и мы ихъ почти вовсе не знали.

освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебѣлыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни нисшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противуположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

Съ одной стороны реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды: тутъ нечего искать, ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ нисшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ роіпts d'honneur'овъ.

Но съ другой стороны эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасы-

вая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго "Пѣтуха", и при томъ не сохраняя позы Венеры Медпцейской. Нагота не скрыла, а раскрыла кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, строкулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

Для полной свободы надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С. - Миля ракальей, забывая всю службу его, — развѣ это не барская замашка, которая "стараго Гаврилу, за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло". Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость николаевской офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ съ высока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго "дать фельдфебеля въ Вольтеры?" Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ.

Все это переработается и перемелется; но нельзя не сознаться—странную почву приготовили царская опека и императорская цивилизація въ нашемъ "темномъ царствѣ". Почву, на которой многообѣщающіе всходы проросли съ одной стороны поклонниками Муравьевыхъ и Катковыхъ, съ другой дантистами нигилизма и базаровской безпардонной вольницы.

Много дренажа требують наши черноземы!

М. В. И ПОЛЬСКОЕ ДВЛО

(Продолжение Главы "Перигей")

Въ концъ ноября мы получили отъ Б. слъдующее письмо:

15 октября 1861, С.-Франциско. "Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири и, послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ Сан-Франциско.

"Друзья, всёмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ п, лишь только пріёду, пріймусь за дёло, буду у васъ служить по Польско-Славянскому вопросу, который былъ моей іdée fixe съ 1846 и моей практической спеціальностью въ 48 и 49 годахъ.

"Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперін, будеть моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ итти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является славная, вольная славянская федерація, единственный исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще для славянскихъ народовъ".

О его намъреніи уъхать изъ Сибири, мы знали нъсколько мъсяцевъ прежде. Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Б. въ нашихъ объятіяхъ.

Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ, взощель новый элементь, или пожалуй элементь старый, воскресшая тёнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 года. Б. быль тоть же, онь состарылся только твломъ, духъ его былъ молодъ п восторженъ, какъ въ Москвъ во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онь быль также предань одной идев, также способень увлекаться, видъть во всемъ исполнение своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впередъ остается не такъ много и что слъдственно надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra и рвался, довърчивый п отвлеченный какъ прежде, къ дълу, лишь бы оно было среди бурь революціи, среди разгрома и грозной обстановки. Онъ и теперь, какъ въ статьяхъ Жюля Елизара, повторяль: «Die Lust der Zersterung ist eine Schaffende Lust ». Фантазій и пдеалы, съ которымп его заперли въ Кенигштейнъ въ 1849, онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 году, во всей цёлости. Даже языкъ его напомпналь лучшія статьи "Реформы" и Vraie République, ръзкія ръчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ псключительность, ихъ симпатіп и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ въра въ близость втораго пришествія революціи, все было на лицо.

Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ; они выходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія. Декабристы возвратились изъ подъ сибирскаго снѣга моложе потоптанной на корню молодежи, которая ихъ встрѣтила. Въ то время, какъ

два поколѣнія французовъ нѣсколько разъ мѣнялись, краснѣли и блѣднѣли, поднимаемые приливами и уносимые назадъ отливами, Барбесъ и Бланки остались безсмѣиными маяками, напоминавшими изъ-за тюремныхъ рѣшетокъ, изъ-за чужой дали, прежніе идеалы во всей чистотѣ.

"Польско-Славянскій вопросъ.... разрушеніе Австрійской имперіи.... вольная славянская и славная федерація"..... И все это сейчасъ, какъ только онъ прівдетъ въ Лондонъ, и пишетъ изъ С.-Франциско, одна нога на кораблв!

Европейская реакція не существовала для Б., не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извъстны вкратцъ, издалека, слегка. Онъ ихъ прочель въ Сибири, такъ какъ читалъ въ Кайдановъ о Пуническихъ войнахъ и о паденіи Римской имперіи. Какъ человъкъ возвратившійся послѣ мора, онъ слышаль о тъхъ, которые умерли, и вздохнулъ объ нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидълъ у изголовья умирающихъ, не надъялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Косидьеромъ, ръчи Славянъ на Пражскомъ съъздъ, споры съ Араго или Руге: все это было для Б. вчера, звенѣло въ ушахъ, мелькало передъ глазами.

Впрочемъ, оно и сверхъ тюрьмы не мудрено.

Первые дни послѣ Февральской революціи были лучшими днями жизни Б. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на Польской годовщинѣ 29 ноября 1847, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ Монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ, коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію еп регтапенсе, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій "порядокъ изъ безпорядка", Коспдьеръ, не зналъ какъ выжить дорогаго проповѣдника и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ Славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. Quel homme! Quel homme! говорилъ Косидьеръ о Б.: "въ первый день революцій, это просто кладъ; а на другой день его надобно разстрѣлять" (*).

Когда я прі халъ въ Парижь пзъ Рима въ началь мая 1848, Б. уже витійствоваль въ Богемін, окруженный старов рческими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствоваль до тъхъ поръ, пока князь Виндишгретцъ не положиль пушками предълъ красноръчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей върной оказіи не подстрълить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги, Б. является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артпллерійскій офицеръ учитъ военному дълу поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ, совътуетъ имъ Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стъны и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмълились стрълять по Рафаэлю.

^(*) Скажите Косидьеру, говориль я шутя его пріятелямъ: что тѣмъ-то Б. и отличается оть него, что и Косидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять па канулю революціи. Въ послѣдствіи въ Лондонѣ въ 1854 году, я ему помянуль объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударилъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: "Здѣсь ношу Б...... здѣсь".

Артиллерія ему вообще помѣшала. По дорогѣ изъ Парижа въ Прагу, онъ наткнулся гдѣ-то въ Германіи на возмущеніе крестьянъ; они шумѣли и кричали передъ залпомъ, не умѣя ничего сдѣлать. Б. вышелъ изъ повозки и, не имѣя времени узнать въ чемъ дѣло, построилъ крестьянъ и такъ ловко научилъ ихъ, что, когда пошелъ садиться въ повозку, чтобъ продолжать путь, замокъ пылалъ съ четырехъ сторонъ.

Б. когда нибудь переломить свою льнь и сдержить объщаніе; онъ когда нибудь разскажеть длинный мартирологь, начавшійся для него посль взятія Дрездена. Напомню здьсь влавныя черты. Б. быль приговорень къ эшафоту. Король Саксонскій заміниль топорь вічной тюрьмой, потомь, безъ всякаго основанія, передаль его въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что нибудь о славянскихь замыслахь. Б. посадили въ Грачинь и, ничего не добившись, отослали его въ Ольмюць. Б. скованнаго везли подъ сильнымь конвоемь драгунь; офицерь, который сіль съ нимь въ повозку, зарядиль при немь пистолеть. "Это для чего же? — спросиль Б. — неужели вы думаете, что я могу біжать при этихъ условіяхь?"

- Нѣтъ, но васъ могутъ отбить ваши друзья; правительство имѣло на счетъ этого слухи, и въ такомъ случаѣ...
 - -Что же?
- Мнѣ приказано посадить вамъ пулю въ лобъ. И товарищи поскакали.

Въ Ольмюцъ Б. *приковали къ стинъ*, и въ этомъ положеніи онъ пробыль *полюда*. Австріи наконецъ наскучило даромъ кормить чужаго преступника; она предложила Россіи его выдать: Николаю вовсе не нужно было Б., но отказаться онъ не имѣлъ силъ.

На русской границѣ съ Б. сняли цѣпи. Объ этомъ актѣ милосердія я слышалъ много разъ; дѣйствительно, цѣпи съ него сняли, но разскащикъ забылъ прибавить, что за то надѣли другія, гораздо тяжеле. Офицеръ австрійскій, сдавши арестанта, потребовалъ цѣпи, какъ казенную К. К. собственность.

Николай похвалилъ храброе поведение Б. въ Дрезденъ и посадилъ его въ Алексъевскій равелинъ. Туда онъ прислалъ къ нему Орлова и велълъ ему сказать, что онъ желаетъ отъ него записку о нъмецкомъ п славянскомъ движечіи (монархъ не зналъ, что всѣ его подробности были напечатаны въ газетахъ). Записку эту оно требоваль не какъ царь, а какъ духовникъ. Б. спросилъ Орлова, какъ понимаетъ государь слово "духовникъ": въ томъ ли смыслъ, что все сказанное на духу, должно быть святой тайной? Орловъ не зналъ что сказать: эти люди вообще больше привыкли спрашивать, чёмъ отвёчать. Б. написалъ журнальный leading article. Николай и этимъ былъ доволенъ. "Онъ умный и хорошій малый, но опасный человінь, его надобно держать на заперти", и три цилых года послъ этого высочайшаго одобрънья Б. былъ схороненъ въ Алексъевскомъ равелинъ. Содержание должно быть было хорошо, когда и этотъ гигантъ изнемогалъ до того, что хотълъ лишить себя жизни. Въ 1854 Б. перевели въ Шлюссельбургъ. Николай боялся, что Чарльсъ Непиръ его освободить; но Чарльсъ Непиръ and comp. освободили не Б. отъ равелина, а Россію отъ Николая. Александръ II, не смотря на припадокъ милостей и великодушія, оставиль Б. въ крѣпости до 1857, потомъ послалъ его на житье въ восточную Сибирь. Въ Иркутскъ онъ очутился на волъ послъ девятилътняго заключенія. Начальникомъ края былъ тамъ на его счастье

оригинальный человъкъ, демократъ и татаринъ, либералъ и деспотъ, родственникъ Михайлы Б.... и Михайлы Муравьева, и самъ Муравьевъ, тогда еще не Амурскій. Онъ далъ Б. вздохнуть, возможность человъчески жить, читать журналы и газеты, и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ. Въ благодарность Муравьеву Б. въ головъ назначалъ его главнокомандующимъ будущей земской арміей, назначаемой имъ въ свою очередь на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

Въ 1860 году мать В. просила государя о возвращении сына въ Россію; государь сказалъ, что "при жизни его, Б. изъ Сибири не переведутъ; но, чтобъ и она не осталась безъ утѣшенья п царской милости, онъ разрѣшилъ ему вступить въ службу писиомъ.

Тогда Б., взявъ въ разсчетъ красныя щеки и сорокалътній возрастъ императора, ръшился бъжать; я его
въ этомъ совершенно оправдываю. Послъдніе годы лучше всего доказываютъ, что ему нечего въ Сибири было
ждать. Девяти лътъ каземата и нъсколько лътъ ссылки
было за глаза довольно. Не отъ его побъга, какъ говорили, стало хуже политическимъ сосланнымъ, а отъ того,
что времена стали хуже, люди стали хуже. Какое вліяніе имълъ побъгъ Б. на гнусное преслъдованіе, добиваніе Михайлова? А что какой нибудь Корсаковъ получилъ выговоръ, объ этомъ не стоитъ и говорить. Жаль,
что не два.

Бътство Б. замъчательно пространствомъ; это самое длинное бътство въ географическомъ смыслъ. Пробравшись на Амуръ подъ предлогомъ торговыхъ дълъ, онъ уговорилъ какого-то американскаго шкипера взять его съ собой къ Японскому берегу.—Въ Гоко-Дади другой американскій капитанъ взялся его довезти до С.-Фран-

циско. В. отправился къ нему на корабль и засталъ моряка, сильно хлопотавшаго объ объдъ; онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ В.—В. принялъ приглашеніе и, только когда гость пріъхалъ, узналъ, что это генеральный русскій консулъ.

Скрываться было поздно, смёшно: онъ прямо вступиль съ нимъ въ разговоръ, сказалъ, что выпросился сдёлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаеву: "Вы не съ нашими ли возвращаетесь?" спросилъ консулъ. "Я только что пріфхалъ,—отвѣчалъ Б.,—и хочу еще посмотрѣть край". Вмѣстѣ покушавши, они разошлисъ еп bons amis. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры: кромѣ океана, опасности больше не было.

Какъ только Б. оглядълся и учредился въ Лондонъ, т. е. перезнакомился со всъми поляками и русскими, которые были на лицо, онъ принялся за дъло. Къ страсти проповъдыванія, агитаціи, пожалуй демагогіи, къ безпрерывнымъ успліямъ учреждать, устроивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Б. прибавляется готовность первому итти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всъ послъдствія. Это натура героическая, оставленная исторіей не у дълъ. Онъ тратилъ свои силы пногда на вздоръ такъ, какъ левъ тратилъ шаги въ клъткъ, все думая, что выйдетъ изъ нея. Но онъ не риторъ, боящійся исполненія своихъ словъ или уклоняющійся отъ осуществленія своихъ общихъ теорій.....

Б. имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны. Развѣ это одно не великое дѣло, что, брошенный судьбою куда бы то ни было, и схвативъ двѣ-три черты окружающей среды,

онъ отдѣлялъ революціонную струю и тотчасъ принимался вести ее далѣе, раздувать, дѣлать изъ нея страстный вопросъ жизни.

Говорять, будто И. Тургеневь хотѣль нарисовать портреть Б. въ Рудинѣ; но Рудинъ едва напоминаетъ нѣкоторыя черты Б. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой бога, создалъ Рудина по своему образу и подобію. Рудинъ Тургенева, наслушавшійся философскаго жаргона, молодой Б.

Въ Лондонъ онъ во первыхъ сталъ революціонировать Колоколь и говориль въ 1862 противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 противъ Бѣлинскаго. Мало было пропаганды; надобно было неминуемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ и дальнихъ людей, надобны были "посвященные и полупосвященные братья", организація въ крат, -славянская организація, польская организація. Б. находиль нась умфренными, неумфющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рфшительныя средства. Онъ впрочемъ не унывалъ и върилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Б. сгруппироваль около себя цёлый кругь славянь. Туть были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Наперсткомъ; сербы, которые просто величались по батюшкъ Іоановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ въчнымъ еско на концъ; наконецъ былъ Болгаръ, лекарь въ Турецкой армін, и поляки всёхъ эпархій: Бонанартовской, Мирославской, Чарторижской; демократы безъ соціальных идей, но съ офицерскимъ оттвикомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотъвшіе гдъ нибудь подраться, въ съверной или въ южной Америкъ, и преимущественно въ Польшъ. Отдохнулъ съ ними Б. за девятилътнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповъдывалъ, распоряжался, кричаль, рёшаль, направляль, организироваль и ободряль цалый день, цалую ночь, цалыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столь, разчищаль небольшое мъсто отъ золы и принимался писать пять, десять. пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бълградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бълокриницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводиль въ порядокъ какого нибудь отсталаго Далмата и, не кончивши своей ръчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это впрочемъ для него было облегчено тъмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ же. Деятельность его, праздность, апетить и все остальное, какъ гигантскій рость и візчный поть, все было не по человъческимъ размърамъ, какъ онъ самъ; а самъ онъ исполинъ съ львиной головой, съ всклокоченной гривой.

Въ пятьдесять лѣть онъ быль рѣшительно тоть же кочующій студенть съ Маросейки, тоть же бездомный Воһетіеп съ гие de Bourgogne, безъ заботы о завтрашнемь днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора на право и на лѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ что слѣдуетъ на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягой, великимъ бездомникомъ. Еслибъ его кто нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ

могь бы сказать то, что отвёчаль Лаландъ Наполеону о Богь: «Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрычаль никакой необходимости въ этомъ правѣ!" Въ немъ было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ. Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе, вездів, въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Косидьера, его ръчи въ Прагъ, его начальство въ Дрезденъ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача Россіи, — гдъ онъ исчезъ за страшными стънами Алексъевскаго равелина, -- дълаютъ изъ него одну изъ тъхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходптъ современный міръ, ни псторія.

Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности, на которую не было запроса. В. носплъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, іересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его куда хотите, только въ крайній край, анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клотца, другомъ Гракха Бабефа, и онъ увлекалъ бы массы и потрясалъ бы судьбами народовъ:—

Но здёсь, подъ гнетомъ власти царской,

Колумбъ безъ Америки и корабля, онъ, послуживъ противъ воли года два въ артиллеріи, да года два въ московскомъ гегелизмѣ, торопился оставить край, въ которомъ мысль преслѣдовалась, какъ дурное намѣреніе и независимое слово, какъ оскорбленіе общественной нравственности.

Вырвавшись въ 1840 году изъ Россіи, онъ въ нее не возвращался до тѣхъ поръ, пока пикетъ австрійскихъ драгунъ не сдалъ его русскому жандармскому офицеру въ 1849 году.

Поклонники цълесообразности, милые фаталисты раціонализма, все еще дивятся премудрому а propos, съ которымъ являются таланты и дъятели, какъ только на нихъ есть потребность, забывая сколько зародышей мретъ, глохнетъ, не видавши свъта, сколько способностей, готовностей вянутъ, потому что ихъ не нужно.

Когда въ споръ, Б., увлекаясь, съ громомъ п трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы никому не простили, Б. прощали, и я первый. Мартьяновъ бывало говаривалъ: "это, Александръ Ивановичъ, большая Лиза, какъ же на нее сердиться: дитя!"

Какъ онъ дошелъ до женитьбы, я могу только объяснить Сибирской скукой. Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи родиня, т. е. студентской жизни въ Москвѣ; груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно въ запуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горинчной Грассъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню Славянскаго освобожденія.

Долго послѣ отъѣзда Б. изъ Лондона, въ N. 10 Paddington Green разсказывали объ его житъѣ-бытъѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые ими размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили его.

- Вчера говоритъ Б. одинъ пзъ его друзей прі въхалъ такой то изъ Россіи; прекрасн в йшій челов в къ, бывшій офицеръ.
 - Я слыхаль объ немъ, его очень хвалили.
 - Можно его привести?
 - Непремънно, да что привести, гдъ онъ? Сейчасъ.
 - Онъ, кажется, нъсколько конституціоналистъ.
 - Можетъ быть, но.....
- Но я знаю, рыцарски отважный и благородный человъкъ.
 - И вфрный?
 - Его очень уважають въ Orsett hous ъ.
 - Идемъ.
- Куда же? вѣдь онъ хотѣлъ къ вамъ прийти, мы такъ сговорились, я его приведу.
- Б. бросается писать; пишеть, перемариваеть койчто, переписываеть и печатаеть пакеть, адресуемый въ Яссы; въ безпокойствъ ожиданія начинаеть ходить по комнатъ ступней, отъ которой и весь домъ N. 10 Paddington Green ходить ходенемъ съ нимъ вмъстъ.

Является офицеръ скромно и тихо. Б. le met à l'aise, говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человъкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ, и вдругъ спрашиваетъ:

- Вы навѣрно не откажетесь сдѣлать что нибудь для общаго дѣла?
 - Безъ сомнѣнія.
 - Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?
 - Ничего; я только что прібхаль, я....

— Можете вы *****ѣхать завтра, посл*****ѣ завтра, съ этнмъ письмомъ въ Яссы?

Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дъйствующей арміп во время войны, пи въ генеральномъ штабъ; однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ, помолчавши, говоритъ не совсъмъ своимъ голосомъ: О да!

- Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсвиъ готовое.
- Да я хоть сейчась, только..... (офицеръ конфузится) я никакъ не разсчитываль на эту поиздку.
- Что? денегъ нѣтъ? Ну такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена; вы ему потомъ отдадите. Что тутъ, всего всего какіе нибудь 20 фунтовъ. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда проберетесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ.

Пораженный, удивленный офицеръ, какъ равно и его спутникъ, уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у В. на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколадъ en losenges, чтобъ чѣмъ нибудь утѣшить ее въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и прибавляю: "скажите высокому gentleman'у, что я лично съ нимъ переговорю". Дѣйствительно, переписка оказывается излишней. Къ обѣду, т. е. черезъ часъ, является Б.

- Зачемъ 20 фунтовъ для **?
- Не для него, для ∂ma ; а что брать, ** прекраснъйшій человъкъ?
- Я его знаю нъсколько лътъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонъ.
- Это такой случай, пропустить его грѣшно; я его посылаю въ Яссы. Да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.
 - Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

- Ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь.
 - Да въдь тебъ ничего не нужно въ Яссахъ?
 - Ты почемъ знаешь?
- Знаю потому во первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ; а во вторыхъ, еслибъ нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность: ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ видѣть выставку, а ты ему покажешь Молдовалахію. Ну скажи-ка зачѣмъ?
- Какой любопытный. Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?
- Это правда, я даже думаю, что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ; ну а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я нисколько не намѣренъ.
 - Вѣдь онъ отдастъ, у него деньги будутъ.
- Такъ пусть умнъе употребитъ ихъ; полно, полно; письмо пошлешь съ какимъ нибудь Петреско-Манон-Леско, а теперь пойдемъ ъсть.

И Б., самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: "Теперь настала счастливая минута", и закуривалъ папироску. Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла; а ужъ дватри славянина въ его комнатѣ съ отчанной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ туже минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ не уставая говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ.

Отъ этой неразборчивости выходила иногда пресмѣшныя веши.

Б. вставалъ поздно; нельзи было пначе и сдѣлать, употреблян ночь на бесѣду и чай.

Разъ, часу въ одинадцатомъ, слышитъ онъ, кто-то коношится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ занавѣсью.

- Кто тамъ? кричитъ Б., просыпаясь.
- Русскій.
- Ваша фамилін.
- Такой-то.
- Очень радъ.
- Что вы это такъ поздно встаете, а еще демократъ.
- ... Молчаніе: слышенъ плескъ воды, каскады.
- Михаилъ Александровичъ!
- -Что?
- Я васъ хотълъ спросить, вы вънчались въ церкви?
- Да.
- Не хорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности; вотъ и Т..... свою дочь прочитъ за мужъ. Вы старики должны насъ учить примѣромъ.
 - Что вы за вздоръ несете.
 - Да вы скажите, по любви женились?
 - Вамъ что за дѣло?
- У насъ былъ слухъ, что вы женились отъ того, что невёста ваша богата (*).
- Что вы это допрашивать меня пришли? ступайте къ черту.
- Ну вотъ вы и разсердились, а я право отъ чистой души. Прощайте. А я все таки зайду.
 - Хорошо, хорошо: только будьте умнъе.
 - (*) Б. ничего не взяль за невъстой.

Между тѣмъ польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня. Грустный, чистый, беззавѣтно отдавшійся урагану, онъ пріѣзжалъ поговорить съ нами отъ себя и отъ товарищей, и все таки итти своей дорогой. Чаще и чаще являлись поляки изъ края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мерещилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

- Смертельно жаль Потебню и его товарищей, говориль я Б., и тъмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогъ съ поляками.
- По дорогѣ, по дорогѣ, возражалъ Б. Не сидѣть же намъ вѣчно сложа руки и рефлектпруя. Исторію надобно принимать какъ представляется; не то всякій разъ будешь за урядъ то позади, то впереди.

Б. помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и барикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію. Эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляетъ одну изъ лучшихъ, изящныхъ частей. Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки; я постоянно спорилъ съ нимъ и, нѐхотя дѣталъ не то, что хотѣлъ.

Здѣсь я останавливаюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовърность, что поступать надо такъ; съ другой — готовность поступать совсѣмъ иначе. Эта шаткость, эта неспѣтость, dieses Zœgernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки, невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre сœиг; вся отрицательная сторона была у меня передъ глазами. Я разсказываль въ одной изъ предъидущихъ частей мое участіе въ 13 Іюнѣ 1849. Это типъ того, о чемъ я говорю. Ни на одну минуту я не вѣрилъ въ успѣхъ 13 Іюня; я видѣлъ нелѣпость движенія и его безсиліе; народное равнодушіе, освирѣпѣлость реакціи и мелкій уровень революціонеровъ. (Я писалъ объ этомъ и все же пошелъ на площадь, смѣясь надъ людьми, которые шли.)

Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, еслибъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ сплу слушаться самого себя. Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ; увлекался и я, но это не составлиетъ главпаго. Отдаваясь по удобовпечатливости, я тотчасъ останавливался; мысль, рефлекція и наблюдательность всегда почти брали верхъ въ теоріи, но не въ практикѣ. Тутъ и лежитъ вся трудность задачи, почему и давалъ себя вести nolens volens.....

Причиною быстрой сговорчивости быль ложный стыдь, а иногда и лучшія побужденія любви, дружбы, снисхожденія; но почему же все это побъждало логику?

Послѣ похоронъ Ворцеля, 5 февраля 1857, когда всѣ провожавшіе разбрелись по домамъ, и я, воротившись въ свою комнату, сѣлъ грустно за свой письменный столъ, мнѣ пришелъ въ голову печальный вопросъ: не опустили ли мы въ землю виѣстѣ съ этимъ праведникомъ и не схоронили ли съ нимъ всѣ наши отношенія съ польской эмиграціей?

Кроткая личность старика, являвшаяся примиряю щимъ началомъ при безпрерывно возникавшихъ недоразумініяхь, исчезла, а недоразумінія остались. Частно, лично, мы могли любить того-другаго изъ поляковъ, быть съ ними близкими; но вообще одинаковаго пониманья между нами было мало, и оттого отношенія наши были натанутыми, добросовъстно неоткровенными: мы дёлали другъ другу уступки, т. е. ослабляли сами себя, уменьшали другъ въ другъ чуть ли не лучшія силы. Договориться до одинаковаго пониманія было невозможно. Мы шли съ разныхъ точекъ и пути наши только пересвкались въ общей ненависти къ петербургскому самовластію. Идеалъ поляковъ быль за ними, они шли къ своему прошедшему, насильственно сръзанному, и только оттуда могли продолжать свой путь. У нихъ была бездна мощей, а у насъ пустыя колыбели. Во всёхъ ихъ дъйствіяхъ и во всей поэзіи столько же отчаннія. сколько яркой въры.

Они ищутъ воскресеньи мертвыхъ, мы хотимъ поскоръе схоронить своихъ. Формы нашего мышленія, упованія—не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ не имѣетъ ничего сходнаго. Наше соединеніе съ ними казалось имъ то mésallianc омъ, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины: мы сознавали свою косвенную вину, мы любили ихъ отвагу и уважали ихъ несокрушимый протестъ. Что они могли въ насъ любить? что уважать? Они переламывали себя, сближаясь съ нами; они дѣлали для нѣсколькихъ русскихъ почетное исключеніе.

Въ острожной темнотъ Николаевскаго царствованія, сидя на заперти тюремными товарищами, мы больше сочувствовали другъ другу, чъмъ знали. Но когда окно немного пріотворилось, мы догадались, что насъ привели по разнымъ дорогамъ и что мы разойдемся по разнымъ. Послѣ Крымской кампаніи мы радостно вздохнули, а ихъ наша радость оскорбила: новый воздухъ въ Россін имъ напомнилъ ихъ утраты, а не надежды. У насъ новое время началось съ заносчивыхъ требованій, мы рвались впередъ, готовые все ломать, у нихъ—съ панихидъ и упокойныхъ молитвъ. Но правительство второй разъ насъ спаяло съ ними. Передъ выстрѣлами по попамъ и дѣтямъ, по распятіямъ и дамамъ, передъ выстрѣлами по гимнамъ и молитвамъ замолкли всѣ вопросы, стерлись всѣ различія. Со слезами и плачемъ написалъ и тогда рядъ статей, глубоко тронувшихъ поляковъ.

Старикъ Адамъ Чарторижскій съ смертнаго одра прислалъ миѣ съ сыномъ теплое слово; въ Парижѣ депутація поляковъ поднесла миѣ адресъ, подписанный четырьмя стами изгнанниковъ, къ которому присылались подписи отовсюду, — даже отъ польскихъ выходцевъ, жившихъ въ Алжирѣ и въ Америкѣ. Казалось, во многомъ мы были близки: но шагъ глубже и рознь, рѣзкая рознь, бросалась въ глаза.

- Разъ у меня сидъли Ксаверій Браницкій, Хоецкій и еще кто-то изъ поляковъ; всѣ они были проѣздомъ въ Лондонъ и заъхали пожать мнъ руку за статьи. Запіла рѣчь о выстрѣлъ въ Константина. Выстрѣлъ этотъ, сказалъ я, страшно повредитъ вамъ. Можетъ правительство и уступило бы кое-что; теперь оно ничего не уступитъ и сдѣлается вдвое свиръпъе.
- Да мы только этого и хотимъ! замѣтилъ съ жаромъ Ш. Е. для насъ нѣтъ хуже несчастья, какъ уступки; мы хотимъ разрыва, открытой борьбы!

[—] Желаю отъ души, чтобъ вы не раскаялись.

Ш. Е. пронически улыбнулся, и никто не прибавиль ни слова. Это было лётомъ 1861 года. А черезъ полтора года говорилъ тоже Падлевскій, отправляясь черезъ Петербургъ въ Польшу.

Кости были брошены!.....

Б. върилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, върили отчасти и мы; да вприло и само правительство, какъ оказалось внослъдствіи рядомъ мъръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидълъ тогда, что его свернутъ на свиръпый патріотизмъ.

Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотпълъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ.

Въ томъ, что между офицерами войскъ, расположенныхъ въ Польшъ и Литвъ, общество, къ которому принадлежалъ Потебня, росло и кръпло—сомнънія не могло быть; но оно далеко не имъло той силы, которую ему преднамъренно придавали поляки и наивно Б.

Какъ-то, въ концѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Б. особенно озабоченный и нѣсколько торжественный. "Варшавскій Центральный Комитетъ, — сказалъ онъ, — прислалъ двухъ членовъ, чтобъ переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это Падлевскій; другой Г., закаленный боецъ; онъ изъ Польши прогулялся въ кандалахъ до рудниковъ и, только - что возвратился, снова принялся за дѣло. Сегодня вечеромъ я ихъ при-

веду къ вамъ, а завтра соберемся у меня: надобно окончательно опредълить наши отношенія".

Тогда набирался мой отвѣтъ офицерамъ (*).

- Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.
- Я согласенъ съ твоимъ инсьмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

Вечеромъ Б. пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Б. сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ, или съ адвокатами, трепещущими, чтобъ ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей *шры защиты*, хорошо наложенной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

Я видълъ по лицамъ, что Б. угадалъ и что чтеніе не то чтобъ особенно понравилось. Прежде всего, замѣтилъ Г., мы прочтемъ письмо къ вамъ отъ Центральнаго Комитета. Читалъ М.; документъ этотъ, извѣстный читателямъ Колокола, былъ написанъ по русски, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ, но ясно. Говорили, что я его перевелъ съ французскаго и переиначилъ: это не правда. Всѣ трое говорили хорошо по русски.

Смыслъ акта состоялъ въ томъ, чтобъ черезъ насъ сказать русскимъ, что слагающееся польское правительство согласно съ нами и кладетъ въ основаніе своихъ дъйствій "Признаніе права крестьянъ на землю, обработываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судъбой". Это заявленіе, говорилъ М., обязывало меня смягчить вопросительную и сомнъвающуюся форму моего письма. Я согласился на нъкоторыя перемъны и предложиль имъ съ своей стороны

^(*) Колоколъ 1862 года.

посильнове оттенить и яснее высказать мысль о самозаконности провинцій; они согласились. Этоть споръ изъ-за словъ показываль, что сочувствіе наше къ однимъ и темъ же вопросамъ не было одинаково.

На другой день утромъ Б. уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

- Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ какъ катехизисъ; нельзя же имъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.
- Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.
- Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебъ еще?
 - Есть таки кое-что.
- Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! ты вовсе не практическій человѣкъ.
 - Это уже прежде тебя говорилъ Сазоновъ.

Б. махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; я видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешь теперь. Онъ шагалъ семи-мильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ, онъ уже видѣлъ свою "славную и славянскую" федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя "Земля и Воля", развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украйнѣ и Кавказѣ, пожалуй на Зимнемъ Дворцѣ и Петропавловской крѣпости, и торопился сгладить какъ нибудъ затрудненія, затушевать

противоръчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чертовъ мостъ.

"Нътъ освобожденія безъ земли."

- Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.
- Съ моей стороны, замѣтилъ Г., я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.
 - Браво Г., радостно воскликнулъ Б.

Ну этоть,—подумаль я,—прівхаль подкованный и по льтнему и на шипы; онъ ничего не уступить на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаеть все на словахъ.

Актъ поправили, члены жонда подписались; я его послалъ въ типографію.

Г. и его товарищи были убъждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было не въ словахъ и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

Что въ Россіи клались первыя ячейки *организаціи*, въ этомъ не было сомнінія: первыя волокна, нити, были замітны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ, логла образоваться при тишині и времени обширная ткань. Все это такъ; но ея не было и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цілое поколініе и разорвать начальныя кружева паутины.

Воть это-то я и сказаль, отправивь печатать письме Комитета, Г. и его товарищамь, говоря имь о несвоевременности ихь возстанія. Падлевскій слишкомь хорошо зналь Петербургь, чтобь удивиться моимь словамь; хотя и увъряль меня, что сила и развѣтвленіе общества "Земли и Воли" идуть гораздо дальше, чѣмъ мы думаемь, но Г. призадумался. "Вы думали,—сказаль и ему улыбансь, — что мы сильнѣе? Да, Г., вы не ошиблись, сила у насъ есть большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждается на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны сочувствіемъ намъ, унисономъ съ своими. Организаціп, которой бы мы сказали: иди на право или на лѣво, нъто.

- Да, любезный другъ, однако же, началъ Б., ходпвшій въ волненіи по комнатъ...
- Что же, развѣ *есть?* спросилъ я его и остановился.
- Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внъшнюю форму, это совсъмъ не въ русскомъхарактеръ. Да видишь.....
- Позволь же мнѣ кончить; и хочу пояснить Г., почему и такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на вашемъ знамени не увидитъ надълъ земли и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ полубитъ; потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно можетъ бъется посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связани съ нами сочувствіемъ, а не службой!
- Вы будете нами довольны, говорили Г. и Падлевскій. Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву; третій уфхаль въ Парижъ.

Наступило затишье передъ грозой. Время темное.

тижелое, въ которое все казалось, что туча пройдеть, а она все приближалась; тутъ явился указъ о "подтасованномъ" наборѣ: это была песлѣдняя капля; люди, еще останавливавшіеся передъ рѣшительнымъ и невозвратнымъ шагомъ, рвались на бой. Теперь и бълые стали переходить на сторону движенія.

Прі**в**халь опять Падлевскій, наборь не отмѣнялся. Падлевскій уѣхаль въ Польшу.

Б. собирался въ Стокгольмъ совершенно независимо отъ экспедиціи Лапинскаго, о которой тогда никто не думаль. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Б. Въ тоже время какъ Потебня, пріѣхалъ черезъ Варшаву изъ Петербурга, уполномоченний отъ "Земли и Воли". Онъ съ негодованіемъ разсказываль, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказаль объ убійствѣ солдать, о раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но боялся ясно выступить противъ своихъ.

Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссін и пригласилъ насъ сдѣлаться агентами Общества "Земли и Воли". Я отклонилъ это къ крайнему удпвленію не только Б., но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое, французское названіе. Уполномоченный трактоваль насъ такъ, какъ Комиссары Конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

[—] А много васъ? — спросилъ н.

[—] Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и *тысячи три* въ провпнціяхъ.

- Ты върпшь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ. Ты въришь? спросилъ я Б.
- Конечно онъ прибавилъ: ну, нътъ теперъ столько, такъ будутъ потомъ! и онъ расхохотался.
 - Это другое дело.
- Въ томъ-то все и состоить, чтобъ поддержать слабыя начинанія; еслибъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ, замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.
- Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агенство.
- Это молодость, прибавиль Б. и ужхаль въ Швецію. А вслідь за нимь ужхаль и Потебня. Удручительно горестно я простился съ нимь; я ни одной секунды не сомнівался, что онь прямо пдеть на гибель.
- За нѣсколько дней до отъѣзда Б. пришелъ Мартьяновъ блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслью о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался итти и вдругъ, остановившись передо мной, мрачно сказалъ мнѣ: Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ, такъ ли, иначе ли, а Колоколъто вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки можетъ и правы, но ихъ дѣло шляхетное—не ваше. Не пожалѣли вы насъ, богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я-то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать.
- Ни вы не поѣдете въ Россію, ни Колоколь не погибъ, отвътилъ я ему.

Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ втораго пророчества и какого - то темнаго сознанія, что что-то ошибочное сдѣлано.

Мартыновъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ; онъ воротился весной 1863 и пошелъ умирать на каторгу, сосланный своимъ "земскимъ царємъ" за любовь къ Россіи, за вѣру въ него.

Къ концу 1863 года расходъ *Колокола* съ 2500—2000 сошелъ на 500 п ни разу не подымался далѣе 1000 экземпляровъ.

Шарлота Кордэ пэъ Орлова и Данінлъ нэъ крестьянъ были *правы!*

Писано въ Montreux и Lausanne, въ концъ 1865 года.

Друзья,

Съ глубокой любовью и глубокой печалью провожаемъ мы къ вамъ вашего товарища; только тайная надежда, что это возстаніе будетъ отложено, сколько нибудь успокоиваетъ и за вашу участь и за судьбу всего дъла. Мы понимаемъ, что вамъ нельзя не примкнуть къ польскому возстанію, какое бы оно ни было; вы искупите собой грѣхъ русскаго императорства; да сверхъ того, оставить Польшу на побіеніе, безъ всякаго протеста со стороны русскаго войска, также имѣло бы свою вредную сторону безмолвно покорнаго, безнравственнаго участія Руси въ Петербургскомъ палачествѣ.

Тъмъ не менъе, ваше положение трагично и безвыходно. Шанса на успъхъ мы никакого не видимъ. Даже еслибъ Варшава на одинъ мъсяцъ была свободна, то оказалось бы только, что вы заплатили долгъ своимъ участиемъ въ движении национальной независимости, но что воздвигнуть русскаго социальнаго знамени Земли и Воли — Польшъ не дано; а вы слишкомъ малочисленны.

При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша, очевидно, погибнетъ, а русское дѣло на долго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связп съ преданностью цар,ю и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14 Декабря, и взволнуетъ умы поколѣнія, теперь еще не зачатаго.

Выводъ отсюда ясенъ: отклоните возстаніе до лучшаго времени соединенія силь, отклоните его вашимъ вліяніемъ на Польскій Комитетъ и вліяніемъ на само правительство, которое со страха еще можетъ отложить несчастный наборъ, отклоните его всёми средствами, отъ васъ зависящими.

Если ваши усилія останутся безплодны, туть больше дѣлать нечего, какъ покориться судьбѣ и принять неизбѣжное мученичество, хотя бы его послѣдствіемь быль застой Россіи на десятки лѣтъ. По крайней мѣрѣ, сберегите по возможности людей и силы, чтобъ изъ несчастнаго, проиграннаго боя оставались элементы для будущей отдаленной побѣды. Если же вы успѣете и возстаніе будеть отложено, тогда вы должны начертить себѣ твердую линію поведенія и не уклоняться отъ нея.

Тогда вамъ надо имѣть одно въ виду: дѣлать общее русское дѣло, а не псключительно польское; составить цѣлую неразрывную цѣпь тайнаго союза во всѣхъ войскахъ, во имя Земли и Воли и Земскаго Собора, какъ сказано въ вашемъ письмѣ къ Русскимъ Офицерамъ. Для этого падо, чтобъ Русскій Офицерскій Комитетъ сталъ самобытно; поэтому центръ его долженъ быть внѣ Польши. Вы должны внѣ себя организовать центръ, которому сами подчинитесь; тогда вы будете командовать положеніемъ и поведете стройно организацію, которая придетъ къ возстанію не во имя псключительно польской національности, а во имя Земли и Воли, и которая придетъ къ возстанію не вслѣдствіе минутныхъ потребностей, а тогда, когда всѣ силы разсчитаны и успѣхъ несомнителенъ.

Для насъ этотъ планъ такъ ясенъ, что п вы не можете не сознавать того, что надо дёлать.

Добейтесь его какихъ бы трудовъ ни стоило.

Н. Огаревъ.

Друзья и братья,

Строки, писанныя другомъ нашимъ, Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, проникнуты искреннею и безконечною преданностью къ великому дѣлу нашего народнаго да и общеславянскаго освобожденія. Нельзя не согласиться съ нимъ, что общему, мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія, преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ. Признаться надо, что, при настоящемъ настроеніи Россіи и цѣлой Европы, надежда на успѣхъ такого возстанія слишкомъ мала, и что пораженіе партіи движенія въ Польшѣ будетъ имѣть непремѣннымъ

послёдствіемъ временное торжество царскаго деспотизма въ Россіи. Но съ другой стороны, положеніе поляковъ до того невыносимо, что врядъ ли у нихъ станетъ на долго терпёнія.

Само правительство гнусными мфрами систематического и жестокаго притъсненія вызываеть ихъ, кажется, на возстаніе, отложить которое было бы по этому самому столько же нужно для Польши, какъ и необходимо для Россіи. Отложеніе его до болье дальняго срока было бы безъ всякаго сомнънія и для нихъ и для насъ спасительно. Къ этому вы должны устремить всё усилія свои, не оскорбляя однако ни ихъ священнаго права, ни ихъ національнаго достоинства. Угонаривайте ихъ сколько можете и доколъ обстоятельства позволяють, но вмъстъ съ тъмъ не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми къ ръшительной минутъ, и, когда, выведенные изъ последней меры возможного терпенія, наши несчастные польскіе братья встануть, встаньте и вы, не противъ нихъ, а за нихъ, - встаньте во имя русской чести, во имя славянскато долга, во имя русскаго народнаго дела съ кликомъ: Земля и Воля. И, если вамъ суждено погибнуть, сама погибель ваша послужить общему делу... А богь знаеть! можеть быть геройскій подвигь вашъ, въ противность всёмъ разсчетамъ колоднаго разсудка, неожиданно увънчается и усптхомъ....

Что же до меня касается, чтобъ васъ ни ожидало, успѣхъ или гибель, я надѣюсь, что мнѣ будетъ дано раздѣлить вашу участь.

Прощайте-и, можеть быть, до скораго свиданія.

М. Б.

ПАРОХОДЪ WARD JACKSON

B. WETERLI & Co

Ī

Вотъ что случилось мѣсяца за два до польскаго возстанія: одинъ полякъ, пріѣзжавшій не на долго изт. Парижа въ Лондонъ, Іосифъ Цверчакѣвичъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, былъ схваченъ и арестованъ вмѣстѣ съ Х. и М., о которомъ я упомянулъ при свиданьи съ членами жонда.

Во всей арестаціи было много страннаго. Х. прівхаль въ десятомъ часу вечера; онъ никого не зналъ въ Парижв и прямо отправился на квартиру М. Около одинадцати явплась полиція. — Вашъ пассъ, спросилъ комиссаръ Х.

— Вотъ онъ, и X. подалъ исправно визированный пассъ на другое имя. Такъ, такъ, сказалъ комиссаръ: я зналъ, что вы подъ этимъ именемъ. Теперь вашъ портфель, спросилъ онъ Цверчакѣвича; онъ лежалъ на столѣ. Полицейскій вынулъ бумаги, посмотрѣлъ ихъ и, передавая своему товарищу небольшое письмо съ надписью Е. А., прибавилъ: Вотъ оно.

Всъхъ трехъ арестовали, забрали у нихъ бумаги, потомъ выпустили. Дольше другихъ задержали Х. Для полицейскаго изящества, имъ хотълось, чтобъ онъ наз-

вался своимъ именемъ. Онъ имъ не сдѣлалъ этого удовольствія. Выпустили и его черезъ недѣлю.

Когда, годъ или больше спустя, прусское правительство дёлало нелёпёйшій познанскій процессъ, прокуроръ въ числё обвинительныхъ документовъ представилъ бумаги, присланныя изъ русской полиціи и принадлежавшія Цверчаківнчу. На возникнувшій вопросъ, какимъ образомъ бумаги эти очутились въ Россіи? прокуроръ спокойно объяснилъ, что, когда Цверчаківнчъ былъ подъ арестомъ, нікоторыя изъ его бумагъ были сообщены французской полиціей русскому посольству.

Выпущеннымъ полякамъ велѣно было оставить Францію; они поѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ они сами разсказывали мнѣ подробности ареста и по справедливости всего больше дивились тому, что комиссаръ зналъ, что у нихъ есть письмо съ надписью Е. А. Письмо это изъ рукъ въ руки Цверчакѣвичу далъ Мацини и просилъ его вручить Этьену Араго.

- Говорили ли вы кому нибудь о письм в? спросиль я.
- Никому, рѣшительно никому, отвѣчалъ Цверчакѣвичъ.
- Это какое-то колдовство; не можетъ же пасть подозрѣніе ни на васъ, ни на Маццини. Подумайте-ка хорошенько.

Цверчакѣвичъ подумалъ. "Одно знаю я, замѣтилъ онъ что я выходилъ на короткое время со двора и, помнится, портфель оставилъ въ незапертомъ ящикѣ.

- Cloud! Cloud! теперь позвольте, гдѣ вы жили?
- Тамъ-то, въ furnished appartements.
- Хозинъ англичанинъ?
- Нѣтъ, полякъ.
- -- Еще лучше. А имя его?
- Туръ, онъ занимается агрономіей.

- И многимъ другимъ, коли отдаетъ меблированныя квартиры. Тура этого я немножко знаю. Слыхалп ли вы когда нибудь исторію о нѣкоемъ Михаловскомъ?
 - Такъ мелькомъ.
- Ну, я вамъ разскажу ее. Осенью 1857 года, я получилъ черезъ Брюссель письмо изъ Петербурга. Незнакомая особа извѣщала меня со всѣми подробностими о томъ, что одинъ изъ сидѣльцевъ у Трюбнера, Михаловскій, предложилъ свои услуги ІІІ отдѣленію, шпіонничать за нами, требуя за трудъ 200 фунтовъ, что въ доказательство того, что онъ достоинъ и способенъ, онъ представлялъ списокъ лицъ, бывшихъ у насъ въ послѣднее время и обѣщалъ доставить образчики рукописей изъ типографіи. Прежде чѣмъ я хорошенько обдумалъ что дѣлать, я получилъ второе письмо того же содержанія черезъ домъ Ротшильда.

Въ истинъ свъденія я не имъль ни мальйшаго сомнънія. Михаловскій, полякъ изъ Галиціи, низкопоклонный, безобразный, пьяный, расторопный и говорящій на четырехъ языкахъ, имъль всъ права на званіе шпіона и ждаль только случая pour se faire valoir.

Я рѣшился ѣхать съ Огаревымъ къ Трюбнеру и уличить Михаловскаго, сбить на словахъ и, во всякомъ случаѣ, прогнать отъ Трюбнера. Для большей торжественности я пригласилъ съ собой Піанчани и двухъ поляковъ. Михаловскій былъ наглъ, гадокъ, запирался; говорилъ, что шпіонъ Наполеонъ Шестаковскій, который жилъ съ нимъ на одной квартирѣ. Въ половину и готовъ былъ ему вѣрить, т. е. что и пріятель его тоже шпіонъ. Трюбнеру я сказалъ, что требую немедленной высылки его изъ книжной лавки. Негодяй путался и не умѣлъ ничего серьезнаго привести въ свое оправданіе. — Это все зависть, говорилъ онъ, у кого изъ нашихъ

заведется хорошее пальто, сейчасъ другіе кричатъ шпіонъ! — Отчего же, спросилъ его Зено Свентославскій, у тебя никогда не было хорошаго пальто, а тебя всегда считали шпіономъ? Всѣ захохотали. — Да обидьтесь же наконецъ, сказалъ Чернецкій. — Не первый разъ, отвѣтилъ философъ, я имѣю дѣло съ такими безумными. — Привыкли, замѣтилъ Чернецкій.

Мошенникъ вышелъ вонъ.

Всѣ порядочные поляки оставили его, за исключеніемъ совсѣмъ спившихся игроковъ и совсѣмъ проигравшихся пьяницъ. Съ этимъ Михаловскимъ въ дружескихъ отношеніяхъ остался одинъ порядочный человѣкъ, и этотъ человѣкъ вашъ хозяинъ, Туръ.

- Да, это подозрительно. Я сейчасъ...
- Что сейчасъ? Дѣла теперь не поправите, а имѣйте этого человѣка въ виду. Какія у васъ доказательства?

Вскор в посл в этого Цверчак вичь быль назначень жондом в в свои дипломатические агенты въ Лондонъ. Прі в за въ Париж в ему быль позволен в въ это время Наполеон в чувствоваль то пламенное участие къ судьбам Польши, которое ей стоило ц влаго покол в и может в стоить всего будущаго.

Б. быль уже въ Швеціи, знакомись со всёми, открывая пути въ Землю и Волю черезъ Финляндію, слаживая посылку Колокола и книгъ и видаясь съ представителями всёхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ короля, онъ всёхъ увёрилъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи. Увёрилъ тёмъ больше, что самъ искренно върилъ, если не въ такихъ размёрахъ, то вёрилъ въ растущую силу. Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ. Цёль Б. состояла въ томъ, чтобъ, устронвши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву.

Цверчакъвичъ возвратился изъ Парижа съ Демонтовичемъ. Въ Парижъ они и ихъ друзья придумали снарядить экспедицію на балтійскіе берега. Они искали парохода, искали дъльнаго начальника и за тъмъ пріъхали въ Лондонъ. Вотъ какъ шла тайная негоціація.

Какъ-то получаю я записочку отъ Цверчакѣвича: онъ просилъ меня зайти къ нему на минуту, говорилъ, что очень нужно и что самъ онъ распростудился и лежитъ въ злой мигрени. Я пошелъ. Дѣйствительно засталъ его больнымъ и въ постели. Въ другой комнатѣ сидѣлъ С. Тхоржевскій. Зная, что Цверчакѣвичъ писалъ ко мнѣ и что у него есть дѣло, Тхоржевскій хотѣлъ выйти, но Цверчакѣвичъ остановилъ его, и я очень радъ, что есть живой свидѣтель нашего разговора.

Цверчакѣвичъ просилъ меня, оставивъ всѣ личныя отношенія и консидераціи, сказать ему по чистой совѣсти и, само собой разумѣется, въ глубочайшей тайнѣ, объ одномъ польскомъ эмигрантѣ, рекомендованномъ ему Маццини и Б., но къ которому онъ полной вѣры не имѣетъ. — Вы его не очень любите, я это знаю, но теперь, когда дѣло идетъ первой важности, жду отъ васъ истины, всей истины.

- Вы говорите о Л.-Б.? спросиль я.
- Да.

Я призадумался. Я чувствоваль, что могу повредить человъку, о которомъ все таки не знаю ничего особенно дурнаго; и съ другой стороны, понимая какой вредъ принесу общему дълу, споря противъ совершенно върной антипатіи Цверчакъвича. — Извольте, я вамъ скажу откровенно и все. Что касается до рекомендаціи Маццини п Б., я ее совершенно отвожу. Вы знаете, какъ я люблю Маццини; но онъ такъ привыкъ изъ всякаго дерева рубить и изъ всякой глины лѣпить агентовъ п

такъ умфетъ ихъ въ итальянскомъ делф ловко держать въ рукахъ, что на его мнѣніе трудно положиться. Къ тому же, употребляя все, что попалось, Маццини знаетъ до какой степени, кому и что поручить. Рекомендація Б. еще хуже: это большой ребенокъ, "большая Лиза", какъ его назвалъ Мартьяновъ; ему всв нравятся. "Ловецъ человъковъ", онъ такъ радуется, когда ему попадется "красный", да притомъ Славянинъ, что онъ далъе не идетъ. Вы помянули о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Л.-Б., следуетъ же сказать и объ этомъ. З и Л.-Б. хотвли меня эксплоатировать; иниціатива двла принадлежала не ему, а 3. Имъ это не удалось, они разсердились, и я это давно бы забыль: но они стали между Ворцелемъ и мной, и этого я имъ не прощалъ. Ворцеля я очень любиль, но, слабый здоровьемь, онъ подтакнуль имъ, и только спохватился (или признался, что спохватился) за день до кончины. Умирающей рукой сжимая мою руку, онъ шепталъ мнѣ на ухо: Да, вы были правы; (но свидътелей не было, а на мертвыхъ ссылаться легко). Затъмъ, вотъ вамъ мое мнъніе: перебирая все, я не нахожу ни одного поступка, ни одного слуха даже, который бы заставляль подозрѣвать политическую честность Л.-Б.; но я бы не замѣшалъ его ни въ какую серьезную тайну. Въ моихъ глазахъ онь избалованный фразеръ, наполненный французскими фразами и безм высоком врный, желающій во что бы то ни било играть роль, онъ все сдълаетъ, чтобъ испортить пьэсу, если она ему не выпалетъ.

Цверчакъвичъ привсталъ. Онъ былъ блъденъ и озабоченъ.

— Да, вы у меня сняли камень съ груди; если не поздно теперь, я все сдѣлаю. Взволнованный Цверчакѣвичъ сталъ ходить по комнатѣ. Я ушелъ вскорѣ съ Тхоржевскимъ.

- Слышали вы весь разговоръ? спросилъ я у него идучи.
 - Слышалъ.
- Я очень радъ; не забывайте его: можетъ придетъ время, когда я сошлюсь на васъ... А знаете что? мнѣ кажется, онъ ему все сказалъ, да потомъ и догадался повърить свою антипатію.
- Безъ всякаго сомнѣнія. И мы чуть не расхохотались, не смотря на то, что на душѣ было вовсе не смѣшно.

1. Нравоучение

- Недъли черезъ двъ Цверчакъвичъ вступилъ въ переговоры съ Blackwood'а компаніей пароходства о наймъ парохода для экспедиціи на Балтикъ.
- Зачёмъ же, спрашивали мы, вы адресовались именно къ той компаніи, которая десятки лётъ исполняетъ всё коммиссіи по части судоходства для петербургскаго адмиралтейства?
- Это мнъ самому не такъ нравится, но компанія такъ хорошо знаетъ Балтійское море. Къ тому же она слишкомъ заинтересована, чтобъ выдать насъ; да и это не въ англійскихъ нравахъ.
- Все такъ, да какъ вамъ въ голову пришло обратитья именно къ ней?
 - Это сдълалъ нашъ коммиссіонеръ.
 - То есть?
 - Туръ.
 - Какъ? тотъ Туръ!
- О, на счетъ его можно быть покойнымъ. Его самымъ лучшимъ образомъ намъ рекомендовалъ Л.-Б.

Мнѣ на минуту, вся кровь броспласъ въ голову. Я смѣшался отъ чувства негодованія, бѣшенства, оскор-

бленія; да, да, личнаго оскорбленія. А делегатъ Рѣчи-Посполитой, ничего не замѣчавшій, продолжалъ: онъ превосходно знаетъ по англійски.

- И языкъ и законодательство.
- Въ этомъ я не сомнѣваюсь.
- Туръ какъ-то сидълъ въ тюрьмъ въ Лондонъ, за какія-то не совсъмъ ясныя дъла, и употреблялся присяжнымъ переводчикомъ въ судъ.
 - Какъ такъ?
- Вы спросите у Л.-Б., или у Михаловскаго; вы не знакомы съ нимъ?
 - -- Нѣтъ.
- Каковъ Туръ! занимался земледѣліемъ, а теперь занимается вододѣліемъ; но общее вниманіе обратилъ на себя взошедшій начальникъ экспедиціи, полковникъ Лапинскій.

П

LAPINSKI-COLONEL. — POLLES-AIDE DE CAMP

Въ началѣ 1863 года я получилъ письмо, написанное мелко, необыкновенно калиграфически и начинавшееся текстомъ Licite venire parvulos. Въ самыхъ изысканно льстивыхъ, стелящихся выраженіяхъ, просилъ у меня parvulus, называвшійся Polles, позволенія прівхать ко мнѣ. Письмо мнѣ очень не понравилось. Онъ самъ—еще больше. Низкопоклонный, тихій, вкрадчивый, бритый, напомаженный, онъ мнѣ разсказалъ, что былъ въ Петербургѣ въ театральной школѣ и получилъ какойто пансіонъ, прикидывался сильно полякомъ и, просидѣвши четверть часа, сообщилъ мнѣ, что онъ изъ Фран-

ціи, что въ Парижѣ тоска и что тамъ узелъ узловъ— Наполеонъ.

- Знаете ли, что мнѣ приходило часто въ голову, и я больше и больше убѣждаюсь въ вѣрности этой мысли: надобно рѣшиться убить Наполеона.
 - За чѣмъ же дѣло стало?
- Да вы какъ объ этомъ думаете? спросилъ Parvulus, нѣсколько смутившись.
- Я никакъ. Въдь это вы думаете. И тотчасъ я разсказалъ ему исторію, которую я всегда употреблялъ въ случаяхъ кровавыхъ бредней и совъщаній о нихъ.
- Вы вѣрно знаете, что Карла V водилъ въ Римѣ по пантеону пажъ. Пришедши домой, онъ сказалъ отцу, что ему приходила въ голову мысль столкнуть императора съ верхней галлереи внизъ. Отецъ взбѣсился: вотъ (тутъ я варьирую крѣпкое слово, соображаясь съ характеромъ цареубійцы in spe) (*) негодяй, мошенникъ, дуракъ, такой разсякой. Какъ могутъ такія преступныя мысли приходить въ голову, а если могутъ, то ихъ иногда исполняють, но никогда объ этомъ не говорять.

Когда Поллесъ ушелъ, я рѣшился его не пускать больше. Черезъ недѣлю онъ встрѣтился со мной близь моего дома; говорилъ, что два раза былъ и не засталъ, натолковалъ какого-то вздора и прибавилъ: я, между прочимъ, заходилъ къ вамъ, чтобъ сообщить какое я сдѣлалъ изобрѣтеніе, чтобъ по почтѣ сообщить что нибудь тайное, напр. въ Россію. Вамъ вѣрно случается часто необходимость что нибудь сообщать.

И тигръ съ млекомъ въ жилахъ ушелъ.

^{(°) —} Я къ вамъ пришелъ спроситъ совета, сказалъ мит одинъ юный грузинъ, похожій на молодаго тигра по витыности, я хочу поколотить Скарятина. — Вы втрно знаете, что Карла V и проч-Знаю, знаю, бога ради не разсказывайте.

- Совствить напротивъ, никогда. Я вообще ни къ кому тайно не пишу. Будьте здоровы.
- Прощайте. Вспомните, когда вамъ или Огареву захочется послушать кой-какой музыки, я и мой віолончель къ вашимъ услугамъ.
- Очень благодаренъ. И я потерялъ его изъ виду съ полной увъренностью, что это шпіонъ; русскій ли, французскій ли, я не зналъ; можетъ интернаціональный, какъ Nord журналъ международный.
- Въ польскомъ обществъ онъ никогда не являлся, его тамъ никто не зналъ.

Послѣ долгихъ исканій, Демонтовичъ и парижскіе друзья его остановились на полковникѣ Лапинскомъ, какъ на способнѣйшемъ военномъ начальникѣ экспедиціи. Онъ былъ долго на Кавказѣ со стороны черкесовъ, и такъ хорошо зналъ войну въ горахъ, что о морѣ и говорить было нечего. Дурнымъ выбора назвать нельзя.

Лапинскій быль въ полномъ словѣ кондотьеръ. Твердыхъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ могъ итти съ бѣлыми и красными, съ чистыми и грязными; принадлежа по рожденію къ галиційской шляхтѣ, а по воспитанію къ австрійской арміи, онъ сильно тянуль къ Вѣнѣ. Россію и все русское онъ ненавидѣлъ — дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое, вѣроятно, онъ зналъ, велъ долго войну и написалъ замѣчательную книгу о Кавказѣ.

— Какой случай разъ былъ со мной на Кавказъ, разсказывалъ Лапинскій; русскій маіоръ, поселившійся съ цълой усадьбой своей недалеко отъ насъ, не знаю какъ п за что, захватилъ нашихъ людей. Узнаю я объ этомъ н говорю своимъ: что же это, стыдъ и срамъ; васъ какъ бабъ крадутъ? Ступайте въ усадьбу, берите что попало и тащите сюда. Горцы, знаете, имъ не нужно много толковать. На другой пли третій день привели ко мнѣ всю семью и слугь, и жену, и дѣтей, только самого маіора дома не застали. Я послаль повѣстить, что, если нашихь людей отпустять, да дадуть такой-то выкупь, то мы сейчась доставимь обратно плѣнныхъ. Разумѣется, нашихъ прислали, разсчитались, и мы отпустили московскихъ гостей. На другой день приходить ко мнѣ черкесъ: вотъ, говоритъ, что случилось; мы, говоритъ, вчера, какъ отпускали русскихъ, забыли мальчика лѣтъ четырехъ: онъ спалъ, такъ его и забыли. Какъ же быть?

- Ахъ вы, собаки, не умфете ничего въ порядкъ сдълать. Гдъ ребенокъ?
- У меня; кричаль, кричаль, ну, я сжалился и взяль его.
- Видно тебѣ Аллахъ счастье послалъ; мѣшать не кочу. Дай туда знать, что онп ребенка забыли, а ты его нашелъ: ну, и спрашивай выкупа. У моего черкеса такъ глаза и разгорѣлись. Разумѣется мать, отецъ въ тревогѣ, дали все, что хотѣлъ черкесъ. Пресмѣшной случай.

— Очень.

Вотъ черта для характеристики будущаго героя въ Самогитіи.

Передъ своимъ отправленіемъ Лаппнскій затхаль ко мнт. Онъ взошелъ не одинъ и, нтсколько озадаченный выраженіемъ моего лица, посптиль сказать: позвольте вамъ представить моего адъютанта.

- Я уже имъть удовольствіе съ нимъ встръчаться. Это быль Поллесъ.
- Вы его хорошо знаете, спросплъ Огаревъ у Лапинскаго на единъ.
 - Я его встрътилъ въ томъ же Boarding hous'ь, гдъ

теперь живу; онъ, кажется, славный малый и расторопный.

- Да вы увърены ли въ немъ?
- Конечно. Къ тому же онъ отлично играетъ на віолончели и будетъ насъ тѣшить во время плаванья. Онъ, говорятъ, тѣшилъ полковника кой-чѣмъ другимъ.

Мы впослѣдствіи сказали Демонтовичу, что для нась *Поллесъ* очень подозрительное лицо.

Демонтовичъ замѣтилъ: — да я имъ обоимъ не очень вѣрю, но шалить они не будутъ. И онъ вынулъ револьверъ изъ кармана.

Приготовленія шли тихо: слухъ объ экспедиціи все больше и больше распространялся. Компанія дала сначала пароходъ, оказавшійся негоднымъ по осмотру хорошаго моряка, графа С. Надобно было начать перегрузку. Когда все было готово, и часть Лондона знала обо всемъ, случилось слъдующее: Цверчакъвичъ и Демонтовичъ повъстили всъхъ участниковъ экспедицін, чтобъ они собирались къ десяти часамъ на такомъ-то амбаркадер'в желёзной дороги, чтобъ ёхать до Гуля въ особомъ train, который давала имъ компанія. И вотъ, къ десяти часамъ стали собираться будущіе воины. Въ пхъ числъ были итальянцы и нъсколько французовъ; бъдные, отважные люди, которымъ надоъла ихъ доля въ бездомномъ скитаніи, и люди истинно любившіе Польшу. И 10 и 11 часовъ проходять, но train'а нъть какъ нъть. По домамъ, изъ которыхъ тапиственно вышли наши герон, мало по малу стали распространяться слухи о дальнемъ пути, и часовъ въ 12, къ будущимъ бойцамъ въ сѣняхъ амбаркадера присоединилась стая женщинъ, неутъшныхъ дидонъ, оставленныхъ свиръшыми поклонниками, и свиръпыхъ хозяекъ домовъ, которымъ они не заплатили, въроятно, чтобъ онъ не дълали огласки

Растрепанныя, онѣ неистово кричали, хотѣли жаловаться въ полицію; у нѣкоторыхъ были дѣти; всѣ они кричали и всѣ матери кричали. Англичане стояли кругомъ и съ удивленіемъ смотрѣли на картину "Исхода". Напрасно старшіе изъ ѣхавшихъ спрашивали, скоро ли пойдетъ особый train? показывали свои билеты. Служители желѣзной дороги не слыхали ни о какомъ trai i'ѣ. Сцена становилась шумнѣе и шумнѣе... Какъ вдругъ прискакалъ гонецъ отъ шефовъ сказать ожидавшимъ, что они всѣ съума сошли, что отъѣздъ вечеромъ въ 10, а не утромъ, и что это до того понятно, что они и не написали. Пошли съ узелками и котомочками къ своимъ оставленнымъ дидонамъ и смягченнымъ хозяйкамъ бѣдные воины.

Въ 10 часовъ вечера они убхали. Англичане имъ даже прокричали три раза ура.

На другой день утромъ рано прівхаль ко мнѣ знакомый морской офицерь съ одного изъ русскихъ нароходовъ. Пароходъ получилъ вечеромъ приказъ утромъ выступить на всѣхъ парахъ и слѣдить за Ward Jackson'омъ.

Между тъмъ Ward Jackson остановился въ Копенгагенъ за водой, прождалъ нъсколько часовъ въ Мальме Б., собиравшагося съ ними для поднятія крестьянъ въ Литвъ, и былъ захваченъ по приказанію шведскаго правительства.

Подробности дѣла и второй попытки Лапинскаго, разсказаны были имъ самимъ въ журналахъ. Я прибавлю только то, что капитанъ уже въ Копенгагенѣ сказалъ, что онъ пароходъ къ русскому берегу не поведетъ, не желая его и себя подвергнуть опасности; что еще до Мальме доходнло до того, что Демонтовичъ пригрозилъ своимъ револьверомъ не Лапинскому, а капитану. Съ Лапинскимъ Демонтовичъ все таки поссорился, и они заклятыми врагами поёхали въ Стокгольмъ, оставляя несчастную команду въ Мальме.

- Знаете ли вы, сказалъ миѣ Цверчакѣвичъ, или кто-то изъ близкихъ ему: что во всемъ этомъ дѣлѣ остановки въ Мальме становится всего подозрительнѣе лицо Тугенбольда.
 - Я его вовсе не знаю. Кто это?
- Ну какъ не знаете, вы его видъли у насъ: молодой малый безъ бороды. Лапинскій былъ разъ у васъ съ нимъ.
 - Вы говорите стало о Поллесъ.
- Это его псевдонимъ; настоящее имя его Тугенбольдъ.
- Что вы говорите? и я бросился къ моему столу. Между отложенными письмами особенной важности я нашелъ одно, присланное мнѣ мѣсяца два передъ тѣмъ. Письмо это было изъ Петербурга; оно предупреждало меня, что нѣкій докторъ Тугенбольдъ состоитъ въ связи съ III отдѣленіемъ, что онъ возвратился, но оставилъ свопмъ агентомъ меньшаго брата, что меньшой братъ долженъ ѣхать въ Лондонъ.

Что Поллесъ и онъ былъ одно лицо, въ этомъ сомнънія не могло быть. У меня опустились рукп.

- Знали вы передъ отъйздомъ экспедиціи, что Поллесъ быль Тугенбольдъ?
- Зналъ. Говорили, что онъ перемѣнилъ свою фамилію потому, что въ краѣ его брата знали за шпіона.
 - Что же вы мнъ не сказали ни слова?
 - Да такъ, не прпшлось.

И Селифанъ Чичикова зналъ, что бричка сломана, а сказать не сказалъ.

Пришлось телеграфировать послѣ захвата въ Мальме.

И тутъ ни Демонтовичъ, ни Б., (*) не умѣли ничего порядкомъ сдѣлать, перессорились. Поллеса сажали въ тюрьму за какіе-то брильянты, собранные у шведскихъ дамъ для поляковъ и употребленные на кутежъ.

Въ то самое время, какъ толпа вооруженныхъ поляковъ, бездна дорого купленнаго оружія и Ward Jackson оставались почетными плѣнниками на берегу Швеціи, собиралась другая экспедиція, снаряженная бълыми; она должна была итти черезъ Гибралтарскій проливъ. Ее велъ графъ Сбышевскій, братъ того, который писаль замѣчательную брошюру « La Pologne et la Cause de l'ordre ». Отличный морской офицеръ, бывшій въ русской службѣ, онъ ее бросилъ, когда началось возстаніе, и теперь велъ тайно снаряженный пароходъ въ Черное море. Для переговоровъ онъ ѣздилъ въ Туринъ, чтобъ тамъ секретно видѣться съ начальникомъ тогдашней оппозиція, и между прочимъ, съ Мордини.

На другой день послѣ моего свиданья съ Сбышевскимъ, разсказывалъ мнѣ самъ Мордини, вечеромъ въ Палатѣ министръ внутреннихъ дѣлъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: пожалуйста, будьте осторожнѣе; у васъ вчера былъ польскій эмиссаръ, который хочетъ провести пароходъ черезъ Гибралтарскій проливъ; какъ бы дѣло ни было, да зачѣмъ же они прежде болтаютъ?

Пароходъ впрочемъ и не дошелъ до береговъ Италіи: онъ былъ захваченъ въ Кадиксъ испанскимъ правительствомъ. По минованіи надобности, оба правительства дозволили полякамъ продать оружіе и отпустили пароходъ.

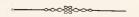
^(*) Демонтовичъ послѣ долгихъ споровъ съ Б., говорилъ: а вѣдь это, господа, какъ ни тяжело съ русскимъ правительствомъ, а все же наше положеніе при немъ лучше чѣмъ то, которое намъ приготовятъ эти фанатики-соціалисты.

Огорченный и раздосадованный прівхаль Лапинскій въ Лондонъ.— Остается одно, говориль онъ, составить общество убійцъ и перебить большую часть всвхъ царей и ихъ советниковъ; или вхать опять на востокъ, въ Турцію.

Огорченный и раздосадованный прівхаль Сбышевскій.

- Что же, и вы бить королей, какъ Лаппискій?
- Нътъ, поъду въ Америку... буду драться за республику. Кстати, — спросилъ онъ Тхоржевскаго, — гдъ здъсь можно завербоваться, со мной нъсколько товарищей и всъ безъ куска насущнаго хлъба.
 - Просто у консула.
- Да нътъ, мы хотъли на югъ, у нихъ теперь недостатокъ въ людяхъ и они предлагаютъ болъе выгодныя условія.
 - Не можетъ быть, вы не пойдете на югъ!
- По счастію Тхоржевскій отгадаль. На югь они не пошли.

3 мая 1869 года.

ДОКТОРЪ, УМИРАЮЩІЙ И МЕРТВЫЕ

(Ницца, мартъ 1869 года).

I

ДОКТОРЪ

- Ну, что новаго, любезный Гппербореецъ? Выраженія въ родѣ "любезный гппербореецъ" принадлежали у доктора къ послъднимъ запоздалымъ листочкамъ старофранцузскаго древа познанія добра и зла.
- Новаго ничего нътъ, кромъ того, что въ журналахъ ваше правительство такъ честятъ, какъ этого съ 2 Декабря не бывало. Да не зовите вы меня, бога ради, гиперборейцемъ. Во-первыхъ, мнъ отъ этого слова всякій разъ становитси холодно, а во-вторыхъ, жутко: такъ и кажется, что мы живемъ во времена Монтескье, близь отель Ледисьеръ, гдъ останавливался le Grand Tzar hyperboréen.
- Все забываю, что по новымъ учебникамъ васъ слъдуетъ называть не гиперборейцами, а *туранцами*.
 - Это все же лучше.
 - -- Ещебъ.... тутъ сверхъ моды комилиментъ.
 - -- Конечно не предумышленный!

- Въ этомъ-то и букетъ. Наши мудрецы выдумали это имя вамъ на смъхъ, на зло, чтобъ васъ филологически обругать. Это была единственная помощь, которую Франція оказала Польшѣ. Нечего сказать, ловко придумали. Назвать васъ туранцами, имфющими аріанскіе элементы, значить признать ваши притязанія на Азію и на Европу. Вотъ обидели-то. Въ одномъ мы съ вами никогда не спорили - это въ томъ, что люди еще очень глупы. Какъ у васъ должны хохотать надъ нами. Все, что мы противъ васъ дѣлаемъ, вамъ же идетъ въ прокъ. Наша ненависть полезнъе для васъ всъхъ союзовъ. Мы вамъ не можемъ простить взятія Парижа, хотя себя никогда не упрекали за вступленіе въ Москву; это еще понятно, но не удивительно ли, что и нъмцы, взявшіе съ вами Парижъ, тоже сердится на васъ за это. Изъ нелюбви къ вамъ, Европа всклепала на васъ неслыханную силу, а вы и повърили ей. Англія до того болтала о вашихъ замыслахъ въ Индіи, что вы въ самомъ дёлё пошли въ какую то Самарканду..... Гдё же здравый смысль?... Стоитъ Петербургскому кабинету забыть на недёлю Турцію; двадцать европейскихъ газетъ напомиятъ ему восточный вопросъ и поддразнятъ Константинополемъ и всевозможными Сербами и Булгарами. Въ отмщение за Польшу выдумали, что у васъ съ поляками нътъ славянского сродства, что вамъ стало и жальть ихъ нечего. Я завидую вамъ, мой милый Монголъ.
 - Вы таки придерживаетесь grattez un Russe.
- И скоблить не надобно. Татарскія степи такъ и сквозять сквозь французскія обои et cela a son charme. Я это не въ вину вамъ ставлю; напротивъ: съ вами, т. е. съ удавшимися, оттого и легко, что ступай куда хочешь, ни забора, ни запрета, ни надгробнаго креста, ни верстоваго столба; однѣ пустоты, да размѣры...

- Добавьте кое гдѣ вѣхи, кое гдѣ верблюды съ Европейской кладью второй руки, немного подсохнувшей, немного подмоченной... кругомъ спитъ какое-то многое множество непробуднымъ сномъ.
- Спящіе еще проснутся. Воть мы такъ на яву бредимъ, это плохо; мозги такъ парамизированы, что новой мысли прохода нѣтъ. Голова загружена какъ мѣняльная лавка; все, что не идетъ вмѣстѣ, навалено рядомъ; чего не набито тутъ! дѣйствительныя богатства и курьезная ненужная мебель, неудавшіяся машины воспоминаній, заклинаній, прорицаній, химическіе сосуды и церковные снаряды, микроскопы, ороскопы, допотопные звѣри, нежившіе уродцы, мыльные пузыри, надутые утопіями, лопаются въ облакахъ архивной пыли... Кабы у насъ въ головѣ да ваши пустыри!.... вы извините меня, вы еще народъ лѣнивый, не умѣете ими пользоваться. Съ нашей дѣятельностью, съ нашей привычкой, мы чудеса бы настроили....
- Еслибъ посчастливилось не наткнуться на дикихъ звърей.
- Дикіе звѣри выведутся, они отступаютъ передъ образованіемъ. Много ли у васъ осталось бѣловѣжскихъ зубровъ?
- Бѣда въ томъ, что наши дикіе звѣри, все звѣри высоко образованные.
- Это-то и хорошо. Опасно не то, когда звърь остается звъремъ, а когда онъ отъ образованія становится скотиной и бьется между двумя крайними типами русскаго плута и кроткаго дурака. Цивилизація подчистила у насъ все дикое, по крайней мъръ засыпала песочкомъ да землицей, изъ нихъ п образовался толстый пластъ грязи, въ которомъ пропадаетъ всякое движенье п вязнутъ всякія колеса. Кое гдъ по этимъ болотамъ

есть досчечки; но горе, если вы ступили возлъ : васъ затянетъ съ головой, и вы незамътно сдълаетесь лягушкой, и вамъ покажется хорошо, какъ дома, въ этой вязкой глинь; въ ней все есть: своя глупость и свой умъ, свои герои и свои геніи, свои интересы и заботы. Можетъ дренажъ и возможенъ, но поди расчищай такія понтійскія болота. Исторія не крина земли. Еслиби это было не такъ, цивилизація не перевзжала бы съ мъста на мъсто. Старые мозги труднъе двигать, чъмъ города и народы; новый умъ на нихъ не дёйствуетъ. Особенно трудно двигать нравственныхъ людей, знающихъ, что они нравственны и честны. Подите, объясните какому нибудь нелицепріятному судьт, что глупо, закрывши книгу Кетле, прикидывать на своемъ безмънъ справедливости, сколько годовъ каторжной работы вытягиваетъ какой нибудь бъщенный или отчаянный поступокъ. Эти господа опаснъе всъхъ дикихъ звърей вивств. Будь у насъ въ 1848 году дикіе звври на мвсто честный шаго Ламартина и честный ших товарищей его, не то бы было.

- Возвратились докторъ къ вашимъ баранамъ.
- Ужъ конечно въ этомъ случав не къ козламъ. Ха, ха, ха. Вотъ вы меня и сбили. О чемъ бишь рвчьто шла? Какъ этотъ Ламартинъ попадется на языкъ, такъ нить мысли и потеряна. Ну, да оно и хорошо: я что-то заврался. Кстати... ну, т. е., оно не совсвмъ кстати, но такъ и быть, я лучше разскажу вамъ по поводу Ламартина пресмъшную вещь. Вы знаете, что осенью 1848 я былъ на югъ франціи. Какъ-то въ торговый день сижу я послъ завтрака въ маленькомъ кафе и читаю; крестьянъ бездна, толкуютъ о выборахъ, о политикъ. Услышавъ, что я докторъ и изъ Парижа, одинъ высокій старикъ въ вязаномъ колпакъ, должно

быть человъкъ солидный и съ авторитетомъ, подсѣлъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать меня о новостяхъ. Выслушавъ, онъ подвинулся поближе, чекнулся стаканомъ, утеръ носъ и, понизивъ голосъ, сказалъ мнѣ въ полслуха и глядя на меня испытующими глазами: У насъ поговариваютъ, что все дѣло мутитъ одна особа... Самъ то дюкъ.....

Я посмотрълъ на него.

- Hy, le duc Rollin очень хорошій человѣкъ, да егото полюбовница, что ли, очень забрала силу и сбиваеть его.
- Не слыхалъ я, говорю ему, ни разу не слыхалъ. Старикъ хитро улыбнулся и прибавилъ—"а мы вотъ и вдали живемъ, да не только слышали объ этомъ, но и имя этой Иродіады знаемъ—ее прозываютъ la Martine".

Не выдержалъ я и, — какъ старика не жаль было, — расхохотался. Что мнѣ пуще всего понравилось, это названіе Иродіады Ла-Мартинъ. Иродіада, добро бы уже Нинонъ-де-Ланкло. Да-съ, милостивый государь, этотъ вопросъ былъ сдѣланъ не въ Рязани, не въ Казани, а въ какихъ нибудь ста километрахъ отъ Марселя и Авиньона. И это въ то самое время, когда у тѣхъ же крестьянъ готовились спрашивать, нуженъ ли республикъ президентъ и, если нуженъ, то кого они хотятъ въ президенты? Ну, какъ же послѣ этого не бросить весь политическій хламъ... А что вы давеча поминали о газетахъ?

- Старая пъсня, только голоса погромче. Винятъ правительство за все, за послабленія и за деспотизмъ, за разливы и за засухи.
 - То-то чай доволенъ, потираетъ себъ руки.
 - Ну, не думаю, ужъ очень бранятся.
 - Что ему брань, когда отъ него ждутъ урожая п

теплой погоды? Религія правительства и страсть къ опекъ были бъ цълы. Въра во власть: вотъ въ чемъ все дёло и вся сила. Я разъ посадиль блоху въ голову одной старушкъ, у которой лечилъ золотушныхъ внучатъ. Жаль, -- говорю ей, -- что наши короли утратили цълебную силу лечить золотуху. Будь по старому, вмъсто того, чтобъ меня звать да на аптеку тратиться, добѣжали бы со внучатами до оперы, сегодня король ъдетъ слушать Малибранъ... дътей посадили бы на столбики да на ступеньки. Онъ бы передъ Figaro qua. Figaro la, погладиль бы ихъ по головкъ и сняль бы золотуху какъ рукой. Что вы, отвъчаетъ мнъ старушка, развѣ тогда короли были такіе, развѣ они ѣздили въ оперу; тогда какое житье-то ихъ было! Это — говорю я-извините, я небольшой охотникъ до Людовика Филиппа, ну а все же ведетъ онъ себя почище. Тѣ-то, матушка, были все страшные блудники, да норовили все съ насиліемъ, съ убійствомъ. Старушка только качаетъ говолой. Я тогда молодъ быль, языкъ-то чесался.....

— Ну, докторъ, я не замѣчаю, чтобъ и теперь пересталъ.

— Досада береть. Кричать себь о рабствь, о притьсненіяхь, а сами-то такь и наклевывають на него. Интеграль, взятый оть тридцати милліоновь безконечно малыхь бонапартистовь, по неволь должень быть Наполеономь. Поговорите четверть часа съ любымъ французомъ о чемъ хотите, что его занимаеть: о Рейнь, о почетномъ легіонь, о будущемъ его дочери, о притязаніяхъ его работниковъ; и вы возстановите по зубу, по косточь, по волоску, по чешуйкь — и допотопныхъ маршаловъ, и флецовыхъ архіереевъ, и легистовъ deluvit testes, и трепетныхъ мыщанъ либераловъ, и весь кодексъ, писанный Камбасересомъ съ компаніей раскаяв-

шихся якобинцевъ, и соир d'état, и вчерашній день. Отъ чешуйки до чешуйки, отъ плебисцита до плебисцита, отъ сенатскаго ръшенья до сенатскаго ръшенья — вы невольно дойдете до постояннаго соотвътствія правительства или полиціи съ темпераментомъ французовъ, такъ какъ онъ выработался революціонными горячками, военными кровопусканіями à la Бруссе, романтическимъ постомъ и діетой во время реставраціи, и жирнымъ разговъньемъ при королъ гражданинъ и при пъсняхъ Беранже.

- Вы хотите сказать, что Франція имъетъ право на имперію такъ, какъ виновный на наказанье.
- Нѣтъ, не хочу и вамъ не совѣтую употреблять этотъ жаргонъ уголовныхъ палатъ и прокурорскихъ рѣчей. Какія тутъ наказанія, кякія вины: простая логическая, фактическая послѣдовательность, идущая по пятамъ за событіями и дѣлами. Человѣкъ напился пьянъ, на другой день у него болитъ голова: это вовсе не наказаніе, а послѣдствіе. Откуда это, изъ какой нѣмецкой философіи отхопали вы такое чудовище, какъ "право на казнь?"
- Докторъ, вы забыли вашихъ классиковъ: это сказалъ не нъмецъ, а Платонъ.
- "Божественный", такъ и видно, что не простой смертный. Онъ совътовалъ поэтовъ выгонять изъ своего воспитательнаго дома, возведеннаго въ образцовую республику; а не бось не догадался дать имъ въ безвозвратныхъ провожатыхъ всъхъ идеалистовъ, любомудровъ. Я сколько ни принимался читатъ философскіе трактаты, изданные послъ Вольтера и Дидро, все вздоръ. Они мнъ всегда напоминаютъ философскій камень, худшій изъ всъхъ камней, потому что онъ вовсе не существуетъ, а его ищутъ. Въ наукъ ли, въ засъданіи ка-

комъ, если человѣкъ кочетъ городить пустяки, общіе взгляды, недосказанныя гипотезы, онъ сейчасъ оговаривается тѣмъ, что это только философское, т. е. не дѣльное воззрѣніе.

- Какія вамъ книги, докторъ! вы величайшій философъ безъ книгъ, вы все по зубу, да по косточкъ.
- А какъ же иначе? Геологи не берутъ цѣлый Монбланъ въ лабораторію, а такъ верешки, да осколочки. Мелочь-то, мелочь-то надобно обсудить, да понять; а крупное само дается. Къ этому-то и ведетъ врачебная наука. Медицинская практика великое дѣло. Насъ зовутъ, когда машина совсѣмъ испортилась, такъ какъ часы отдаютъ чистить, когда колеса свинтились да перетерлись; а съ нами не худо бы было совѣтываться прежде болѣзни, да и не объ однихъ завалахъ да почечныхъ разстройствахъ.

Еслибъ передъ революціями, вмѣсто того, чтобъ собирать адвокатовъ и журналистовъ, дёлали консиліумы, не было бы столько промаховъ! Люди, видящіе сотни человъкъ въ день не одътыхъ, а раздътыхъ, — люди, щупающіе сотни разныхъ рукъ, ручекъ, рученокъ и ручищъ, поверьте мне, знаютъ лучше всехъ, какъ бьется общественный пульсъ. Публично на банкетахъ и собраніяхъ, въ камерахъ и академіяхъ, все театральные греки и римляне, что тутъ узнаешь? Посмотрите-ка на нихъ съ точки эрвнія врача. Куда двнутся ваши Бруты и Фабриціи! Гнилаго зуба, мигрени достаточно, чтобъ ихъ свести au naturel. Доктору все раскрыто; что больной не доскажеть, то здоровые добавять; что и здоровые умолчать, ствны, мебель, лица дополнять. Духовника боятся, съ нимъ и умирающій и всѣ другіе кокетничають; съ докторомъ никто. Ему ничего не говорять на духу, но во всемъ исповъдуются.

Подумайте, какіе медики нашли бы вамъ пульсъ девяностыхъ годовъ у нашихъ либераловъ сорокъ восьмаго. Возьмите портреты тъхъ..... Мирабо, Дантонъ felis leo..... Мара собака, бульдогъ, Робеспьеръ felis catus... барсъ, кошка, да какая кошка! Черты, глаза, разъ замъченные, остаются на въки въ мозгу. Гошъ, Марсо.... въ этихъ лицахъ горитъ огонь, эти люди объяты страстью; они отдались, они всѣ туть, у нихъ нѣтъ дома, семьи, неба; у нихъ нераздъльная республика и отечество въ опасности, у нихъ все въ общемъ ураганъ, на трибунъ, на полъ битвы. Дантонъ погибъ за то, что на мигъ забыль со своей молодой красавицей женой, что "отечество въ опасности". Робеспьеръ усталый отъ казней пріостановился на минуту, призадумался, пошелъ прогуляться въ поле, за городъ, и очутился безъ головы. Какъ въ такой горячкъ не надълать чудесь, не разрушить міръ и не сотворить другой. Головы валятся, ряды солдать валятся, стѣны валятся, а небосклоны становятся все шире и шире. Одно преступленіе за другимъ, одно безуміе за другимъ, и ихъ никто не замъчаетъ изъ за величія лицъ, изъ за свъта событій. Всь диссонансы, все свиръпое, кровавое, темное, тонетъ въ яркихъ краскахъ восходящаго солнца.

- Докторъ, дайте вашу руку; я пульса щупать не буду.
- Вспомните теперь, напримъръ, сводный портретъ временнаго правительства 48 года. Людямъ этимъ надобно было себъ сшить бълые жилеты съ отворотами à la Robespiërre, чтобъ ихъ приняли за якобинцевъ; одинъ крошечный Луи-Бланъ по человъчески одътъ, а тъ—круглая шляпа, сюртукъ и по сюртуку трехцвътный шарфъ..... вмъсто "отцевъ отечества" вышли какіето квартальные на слъдствіи. Впереди сухая фигура Ламартина... зачъмъ онъ тутъ? Какого "падшаго ангела"

пришель отпѣвать или подымать старый Нарциссь? а туть эти не *сами*, а *братья*..... Съ кѣмъ имѣю честь говорить, съ вами или съ вашимъ братомъ? — Съ моимъ братомъ, отвѣчаетъ Гарнье Пажесъ jun., Каваньякъ не Годефруа.

Вы не подумайте, что я врагъ этихъ людей. Я ихъ почти всёхъ зналъ, кого лечилъ, съ кёмъ спорилъ, съ кёмъ соглашался. Честные люди, добрые люди; но люди попавшіе не на мёсто, люди, ну знаете, люди безъ засте feu, какъ выражается одинъ нёмецкій потентатъ, пьющій съ нами воды.

У иныхъ сердце было золотое; да золотое-то для домашняго обихода, для жены, для пріятелей. Дѣти нашли брошенное безъ надзора ружье и храбро схватились за него, никакъ не думая что оно заряжено, — ружье выстрѣлило, они переполошились; сперва испугались шума, надзиратели какъ бы не услышали; потомъ испугались другъ друга, что выдадутъ. Это не я! кричатъ одни. И не я, — кричатъ другіе. Ружье само выстрѣлило, кричатъ третьи. И въ голову ни одному не пришло, что старые надзиратели сами давно убѣжали, и что надзирателей, кромѣ ихъ, совсѣмъ нѣтъ. Ну какъ же имъ было дѣлатъ республики? Вы когда нибудь на досугѣ почитайте двѣ книжки: изъ нихъ многому научитесь. Одна изъ нихъ называется "Буржскій процессъ", а другая "Донесеніе слѣдственной коммиссіи".

- Господи, какое русское заглавіе!
- Составленное Бошаромъ объ Іюньскихъ дняхъ. Прочитавши ихъ, вы перестанете многому дивиться; а это очень важно. Человъкъ дивится только тому, чего не понимаетъ; а въдь сознаться надобно, какъ ни горько, намъ только остается, что кой что понять.
 - И другимъ объяснить, докторъ.

- Это дѣлается само собою. Вы зажигаете спичку для себя, а человѣкъ посмотритъ который часъ... Кстати, дайте-ка посмотрѣть и на свои. Поздно. Прощайте. Доброй вамъ ночи.
 - И вамъ докторъ, хорошаго сна.

H

УМИРАЮЩІЙ

Ī

- Докторъ, а вы все время февральской революціи были въ Нарижѣ?
 - Все время.
 - Вотъ бы разсказали.
- Что я могу разсказать. Я никогда не бралъ прямаго участія въ политикъ.
- Тъмъ лучше, вы то и можете разсказывать, какъ безпристрастный свидътель.
- Я не говориль, что я не имѣль своихъ пристрастій... Впрочемъ, я какъ-то печально встрѣтился съ 24 Февралемъ. Совершенная случайность, но она имѣла на меня пліяніе, ее-то я вамъ и разскажу вмѣсто исторической лекціи.
- ... Сильно не въ духѣ пробирался я между каменьями барикады. На моихъ рукахъ часъ тому назадъ умеръ старикъ, котораго я очень любилъ, очень уважалъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ умеръ, перевернули всю внутренность мою. Нашего брата трудно удивить агоніей. Мы съ молодыхъ лѣтъ привыкаемъ къ смерти, нервы крѣпнутъ, притупляются въ больни-

цахъ, на военныхъ перевязкахъ, во время заразъ; а смерть моего паціента такъ перетряхнула меня, что я нѣсколько дней не могъ съ ней справиться, потомъ махнулъ рукой, какъ человѣкъ машетъ на все, когда видитъ свое безсиліе.

Пока я искалъ, куда поставить ногу между каменьями, гляжу — бъжитъ нашъ лаборантъ изъ Hôtel Dieu, съ веселымъ лицомъ, безъ шляпы, съ пукомъ какихъ-то листовъ. Увидъвъ меня, онъ прокричалъ мнъ:-Побъда, докторъ, побъда. Nous l'avons. Вотъ читайте, и знаете кто набиралъ? самъ Прудонъ, въ типографіи "Реформы". Я сейчась оттуда, несу раздавать нашимъ! Прощайте! - Онъ было ударился бъжать, но наткнулся въ упоръ на двухъ всадниковъ, которые хотъли тоже проъхать по разгороженному мъсту барикады. Одинъ былъ въ кепи и кабанъ; другой въ круглой шляпъ, надвинутой на брови. Vive la République! закричалъ имъ во всю горловую мочь лаборанть и приставиль нальцы въ носу. Военный схватился за руконтку сабли, всадникъ въ круглой шляпъ остановилъ его руку; оба пожали плечами. Лаборантъ громко и звонко хохоталъ. Всадники, словно передумали, поворотили лошадей и тихо побхали назадъ. Военный показывалъ что-то пальцемъ вдали и объясняль; штатскій слегка качаль головой.

Исхудалое, мрачное лицо, мѣстами почернѣвшее какъ бронза, умирающаго старика не выходило у меня изъ головы.

Прежде чёмъ продолжать, я васъ вотъ что спрошу: Вы вёрно встрёчали въ Россіи послёднихъ могиканъ нашей революціи, непримиримыхъ, неисправимыхъ стариковъ девяностыхъ годовъ?

— Встръчалъ и не одного, и признаюсь вамъ, имъю къ нимъ пристрастіе...

- Тъмъ лучше... я ихъ ставлю ужасно высоко. Такихъ людей больше нътъ. Должно быть на людей бываеть урожай, какъ на виноградъ. Кажется условія тъже, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше, говорятъ отъ кометы. Въ Англіи комета на людей была во время Кромвеля, а у насъ въ концъ XVIII въка. И замътъте, что люди этихъ двухъ crus, похожи другъ на друга. Пуритане, доканчивавшіе свой в'якъ въ Швейцаріи и Голландін, сильно сбивались на старыхъ якобинцевъ, только что одни все говорили по Исаію и Эзекінлу, а другіе по Тациту и Плутарху. Въ началъ моей практики, нашихъ стариковъ еще было много; теперь чуть ли не всъ ушли, да и пора: новая Франція для нихъ чужая. Они страдали, были въ тягость другимъ, были просто не на мъстъ. Дъло въ томъ, что они въ сущности были моложе внучать. Т'в все ихъ учили уму-разуму, а старики учились дурно. Какъ сохранили эти люди свъжесть души, своего рода наивность и въру? это потерянный секретъ. Я бывало смотрю и дивлюсь, какъ съдой, пожелтълый старикъ, едва двигающій ноги, а туда же, какъ влюбленный мальчикъ, хранитъ свою святыню, имфетъ свои завфтныя на памяти и свои завътныя слова, отъ которыхъ въ семьдесить, въ восемьдесять лёть, ихъ глаза горять и голось дрожить; привычные утописты, они върили въ свой практическій смыслъ и, отдавши все общему дёлу, серьезно считали себя эгоистами. Ихъ жиденькіе наслёдники скучали съ ними, думали, что они позирують; а этоть поднятый тонъ происходилъ просто отъ того, что душа ихъ была поднята и привыкла гордо хранить свое убъжденье въ тяжелое время. Теперь я долженъ вамъ сказать нъсколько словъ о жизни челов вка, со смерти котораго я началь мой разсказь. Умершаго паціента моего звали

по крещенью и метрикъ Лукасомъ Ральеромъ, но по собственному усовершенствованію, гражданиномъ Тразеасъ-Гракхомъ Ральеромъ. Лётъ двадцати онъ попался въ тюрьму по дёлу "послёднихъ Римлянъ"; это было въ 1796, какъ вы знаете. Судъ, приговорившій Рома и Гужона съ товарищами къ гильотинъ, испугался ихъ великаго самоубійства и на скорую руку объявиль Тразеаса-Гракха, вибств съ множествомъ людей, захваченныхъ для уголовнаго corps de ballet, невинными. Ральеръ вовсе не хотълъ быть оправданнымъ, а самъ явиться обвинителемъ; съ этой цёлью онъ писалъ судьямъ записки съ разными нѣжностями, въ родѣ "Убійцы республики, изверги и измѣнники рода человъческаго"; но его не слушали: жертвъ было больше не нужно. Ральера вытолкали противъ воли изъ тюрьмы. Онъ бросился въ журнализмъ и мстилъ своимъ перомъ за смерть Poma и ero друзей, à la sequelle corrompue de l'infâme Cabarus. Бараса и Таліена онъ не подорваль, а самъ посидълъ еще раза два въ тюрьмъ и чуть не отправился въ одну изъ депортацій, которыя делались тогда на томъ разсчетъ, на которомъ давали элексиръ Леруа, для героического очищенія общественного организма. Призадумался мой Тразеась - Гракхъ, видя, какъ всякій день "Наполеонъ больше и больше просвъчивалъ сквозь Бонапарта", и наконецъ какого-то Нивоза an VIII или IX, взяль паспорть во имя "единой и нераздёльной республики" и оставилъ Францію. Наспортъ этотъ онъ потомъ переплелъ въ сафьянъ, берегъ всю жизнь, иногда показывая близкимъ знакомымъ. Ральеръ отправился прямо въ Петербургъ. Въ оригинальномъ ръщеніи этомъ помогъ ему опять таки указующій перстъ du grand maître. Какъ-то вечеромъ въ 92 году Ральеръ сидълъ у Терони-де-Мерикуръ; туда пришелъ Ромъ и

съ нимъ какой-то юноша. Юношу Ромъ воспитывалъ и любиль какъ сына. Онъ говориль объ немъ съ восторгомъ, какъ о будущемъ представителъ безсмертныхъ началь революціи въ Россіи. Мальчикъ этотъ доженъ быль получить тысячь тридцать крестьянь и клялся Рому ихъ освободить. Ральеръ сблизился съ нимъ. Молодой человъкъ много разъ звалъ Ральера въ Россію просвѣщать полуварваровъ; онъ рѣшился воспользоваться его приглашениемъ. Это было въ концъ царствования Павла. C'élait un fameux farceur, votre empereur Paul, у меня слабость къ нему. Прежде, чемъ Ральеръ отыскаль le citoven comte Strogonoff, онь однимь добрымь утромъ встрвтилъ на улицъ Павла. Замътивъ что-то якобинское въ покров его кафтана, онъ осмотрвлъ его съ головы до ногъ и велълъ узнать кто онъ такой? Узнавъ, что онъ гражданинъ французской республики, Тразеасъ-Гракхъ по имени, императоръ не то, чтобъ особенно обрадовался и туть же вельль отставить одного генерала, одного полковника, двухъ таможенныхъ приставовъ и десятокъ квартальныхъ, за допущение въ столицу такого Тразеаса - Гракха. Ральера схватили, свезли въ кръпость. Черезъ часъ въ кръпость явился оберъ-полиціймейстеръ; черезъ часъ и пять минутъ тройка съ фельдъ-егеремъ. Оберъ-полиціймейстеръ объявиль, что государь приказаль его отправить на житье въ Пермь, и потомъ сталъ допрашивать его, зачемъ онъ прівхаль, какого званія и проч. "Справедливве было бы, — замътилъ Ральеръ—сперва спросить, а потомъ ссылать". Полиціймейстеръ испугался, писарь записалъ. Ральера усадили въ кибитку, адъютантъ проводилъ до заставы, и они помчались... На другой день они были километровъ за триста отъ Петербурга, когда нагнала ихъ другая тройка, скакавшая во весь опоръ.

Адъютантъ, сидъвшій въ ней, кричалъфельдъ-егерю, чтобъ онъ остановился, и билъ ямщика, чтобъ тотъ обгонялъ. Подскакавши, онъ соскочиль съ телѣги, велѣлъ Ральеру выйти и объявилъ ему слъдующее отъ имени императора: государь находить замёчаніе французскаго подданнаго Ральера совершенно върнымъ, относитъ къ глупости и нерадѣнію по службѣ оберъ-полиціймейстера, что онъ сперва не допросилъ его, въ силу чего всемилостивъйше приказываетъ выслать означеннаго Ральера за границу, давъ ему сто червонцевъ на дорогу. Ральеръ отказался отъ денегъ и помчался тъмъ же порядкомъ въ Петербургъ; на заставъ его уже ждалъ третій адъютантъ съ третьимъ приказомъ Павла. "За отказъ отъ денегъ следовало бы иностранца Ральера строжайше наказать, но, такъ какъ онъ показываетъ столько же безкорыстія, сколько первое зам'вчаніе разсудительности, предложить ему на выборъ-вхать въ ссылку въ Сибирь, или опредълиться въ женское учебное заведение учителемъ французскаго языка, съ обязанностью носить армейскій прапорщичій мундиръ". Думать надобно, что такое странное сходство павловскихъ мфръ съ мфрами Комитета Общественнаго Спасенія не совсёмъ было антипатично Ральеру: онъ не поъхалъ и заказалъ себъ мундиръ, который оказался не нужнымъ, потому что, если Тразеасъ-Гракхъ неожиданно остался въ Петербургъ, то Навель оставиль этоть городь тоже невзначай, по экстренному поъзду. Послъ смерти Павла Ральеръ добрался до Строгонова. Онъ тотчасъ сообщилъ ему проэктъ преобразованія Россіи, основанный на уничтоженія крѣпостнаго состоянія, дворянства, чиновъ, привилегій, на превращеніи церквей въ школы, а аршиновъ въ метры.

Строгоновъ находилъ его проэктъ замъчательнымъ,

но преждевременнымъ. Ральеръ надулся и воспользовался первой войной съ Франціей, чтобъ убхать въ Молдо-Валахію. Тамъ онъ проповёдывалъ Рома и монтаньяровъ дётямъ какого-то владётельнаго принца, обучалъ ясскихъ аристократовъ французскому языку и пънію Марсельезы. Изъ Яссь онъ потхаль въ Польшу, къ какому-то магнату, князю и поклоннику Робеспьера; въ его домъ онъ встрътилъ сироту француженку, ея красота тронула моего героя, онъ предложилъ ей руку и сердце на томъ условіи, чтобъ въ церкви не вѣнчаться. La belle enfant разсудила, что, чъмъ менъе цъпей, тъмъ лучше, и согласилась. Черезъ три года она его бросила, уфхавъ съ сыномъ поклонника Робеспьера, оставляя въ знакъ памяти новорожденнаго; черезъ тринадцать лътъ она сама, брошенная магнатомъ, поселилась въ Парижѣ и упросила Ральера отпустить къ ней le cher fils для воспитанія въ la belle France. Въ Парижъ она умерла, обобранная до нитки какимъ-то высокимъ итальянскимъ баритономъ и двумя тощими аббатами. Сынъ остался въ школъ.

Наконець, послѣ всѣхъ скитаній и Ральерь, какъ настоящій французъ, все таки очутился въ Парижѣ послѣ 1830 года, смягченный возстановленіемъ трехъ цептовъ. Онъ съ высока смотрѣлъ на конституціонную монархію и былъ увѣренъ, что новая измѣна Мотье (онъ иначе не называлъ Лафайета) и "узурпація" старшаго сына Филиппа-Егалите непрочны, и что республика настоящая, la bonne et la vraie, за плечами. Но видны интриги Бараса и Кабаргосъ пережили ихъ, и Ральера, замѣшаннаго въ дѣло Барбеса и Бланки, усадили въ Мопt Saint Michel. Ему было тогда уже за шестьдесятъ.

... A propos къ Mont Saint Michel, я помню въ старые

годы, въ Версали или въ Сенъ-Клу, въ комнатѣ Маріи Амеліи, висѣлъ превосходный видъ Мопt Saint Michel. Для меня всегда было странно, почему она выбрала именно этотъ видъ, а не что нибудь другое... морское и гористое, ну Сенъ-Мало, что ли? Какъ будто пріятно засыпать съ такими Метепtо власти передъ глазами и просыпаться, думая: а вотъ нашъ добрый соціп Пакье еще вчера законопатилъ въ это птичье гнѣздо на скалѣ двѣ-три безпокойныя головы; а Барбесъ тамъ сидитъ столько-то; мой мужъ можетъ выпустить ихъ всѣхъ, онъ добрый человѣкъ, но затрудняется въ выборѣ, и чтобъ не сдѣлать несправедливости, не выпускаетъ никого...

- А миѣ кажется, докторъ, она вовсе этого не думала, а просто смотръла, да любовалась на волны и камни. Такъ какъ люди, ѣдящіе страсбургскіе пироги, не думаютъ о разныхъ непріятностяхъ, причиняемыхъ гусямъ для ожиренія ихъ печени.
- J'aime ça... вы правы; и это уже чистый туранизмъ: въ самомъ дѣлѣ, ей и въ голову, вѣроятно, не приходило, что за этими стѣнами томятся люди, она все на чаекъ смотрѣла.

И такъ, снабдивши старика ревматизмомъ во всѣхъ суставахъ, правительство лѣтъ черезъ шесть возвратило сколько его осталось "семьѣ и обществу". Старика взялъ къ себѣ его сынъ, который уже успѣлъ сдѣлаться большимъ дѣльцомъ и извѣстнымъ нотаріусомъ въ Парижѣ. Я лечилъ у него въ домѣ и меня призвали къ старику. Старикъ очень привязался ко мнѣ, ему не съ кѣмъ было души отвести, а я слушалъ его съ любовью. За то, могу васъ увѣрить, рѣдко кто знаетъ больше меня подробностей о процессѣ Рома и Гужона. Молодой Ральеръ, Изидоръ, былъ не глупый, не злой человѣкъ,

даже либеральничаль, но при этомъ онъ все же быль больше нотаріусь, чёмь что нибудь другое. Ему и въ голову не приходило становиться на дорогъ реакціи; онъ сторонился передъ ней, пожимая плечами и предоставляя исторіи самой выработываться какъ знаетъ. Къ тому же онъ былъ въ ложномъ положеніи. Онъ ничего не имълъ, кромъ кой-какихъ знаній и того пятна, которое въ глазахъ честныхъ и умфренныхъ людей положиль на него нераскаянный старикь. Мъсто свое, тепло насиженое со всей кліентелією тестя, онъ получиль въ приданное за женой. Жена его во всю жизнь имъла одинъ капризъ: ей вздумалось выйти за мужъ за Изидора. Ральеръ былъ хорошъ собой, какъ-то удачно чесался à la Louis-Philippe и могъ танцовать отъ 10 вечера безъ устали до 5 утра. Капризъ былъ не силенъ, но отецъ сначала поперечилъ, тогда она ръшила во чтобъ ни стало поставить на своемъ и поставила. Это была чистая парижанка средняго круга, не хуже, не лучше тысячи другихъ. Она была правильно красива, имъла видъ образованія, большой эгоизмъ, бездну тщеславія и совершеннъйшую пустоту внутри. Мужу она не позволяла ни на минуту забывать, что она ему вмѣстѣ съ своей персоной, сладкой и холодной, какъ meringue russe, съ своей правильной любовью, безъ излишествъ и отказовъ, принесла очень "хорошее общественное положение ". Мысль поселить старика у нихъ въ домъ принадлежала ей, она смертельно боялась, что онъ на волъ скомпрометируетъ опять ея Изидора и его общественное положеніе. Матеріально она ему все приготовила, обчистила его и пріодела. Она, понимая, что между старикомъ и ею не было ничего общаго, высказывала тъмъ сильнъе свои чувства. Мнъ приходилось не разъ внутренно улыбаться, когда М^{те} Матильдъ, провожая послѣ обѣда прищуренными глазами старика, уходившаго къ себъ, опираясь на костыль, полъ предлогомъ трубки, говорила мнв: "Какъ это мило имвть въ домъ такого почтеннаго старика, vénérable vieillard; я такъ люблю, когда рара за столомъ, это такъ трогательно, такъ патріархально. Старикъ съ почтенными съдинами такъ же необходимъ для семейной картины. какъ дътскія бълокурыя головки. Жаль, что у папа такіе нехорошіе принципы, но онъ жилъ въ ужасное время, когда все было ниспровергнуто, и тронъ, и алтарь. Мнъ, знаете, просто страшно, когда онъ говоритъ о религіи и о всемъ такомъ, я стараюсь просто не слушать. Это такъ прекрасно имъть религію, неправда ли?" Нотаріусъ не перечиль ей, не перечиль и отцу. Онъ сидълъ весь день и часть вечера въ своемъ студіумъ, искалъ законы, писалъ черновые и принималъ разныхъ княгинь и маркизь въ первую минуту зачатія подложной духовной, исправленнаго брачнаго контракта, и безъ шума откладываль плоды своихъ совътовъ въ разныя желъзныя дороги. Старику было не по себъ у нихъ, онъ не шелъ ни къ кабинету сына, ни къ гостиной его жены, скучаль, слабъль, становился мрачнъе и, мнъ кажется, жалёлъ Mont Saint Michel. Раза два ему хотвлось уйти куда нибудь на свободу и покой, но жена нотаріуса и слышать не хотьла; она рышительно находила неприличнымъ имъть старика отца на сторонъ. "То положеніе, которое занимаеть (и съ такимъ достопнствомъ) мой Изидоръ, — говорила она, — положеніе, которое создать и упрочить стоило жизни моему бъдному отцу, обязываеть ко многому; оно требуеть des ménagements и великій тактъ поведенія. Это не капиталъ, съ котораго рента ростеть, какъ трава, пока мы спимъ; тутъ все зависить отъ нравственнаго кредита. Что же

258 повъсть

вы думаете-хорошо, когда пальцемъ укажутъ на рара прибавляя, что это отецъ Изидора, и тутъ пойдутъ всѣ эти комментаріи, распросы. "Отъ чего онъ не ужился у своего сына, и какъ онъ его отпустилъ, върно его сноха выжила? " Къ тому же нашъ добрый старикъ, онъ опасенъ внъ дома съ своими идеями съ того свъта и фразами изъ Chevaliers de la maison rouge Дюма. Его посадять, если не опять въ тюрьму, то въ съумасшедшій домъ. За нимъ надобно смотръть какъ за ребенкомъ, и я со всей охотой, со всей преданностью делаю все это для отца моего Изидора. Жена плакала, Изидоръ принимался умолять старика; старикъ угрюмо соглашался и шелъ къ себъ читать по новому изданію Монитера девяностыхъ годовъ процессъ Рома, дёлая на маржахъ отмътки, поправки и собираясь торжественно уличить въ криводушіи редакторовъ, изъ которыхъ ни одного не было въ живыхъ.

Π

Пока старикъ собиралъ неопровержимыя доказательства, что гарантіи, даваемыя закономъ всякому преступнику, не были взяты въ уваженіе при процессѣ послѣднихъ римлянъ "и великихъ патріотовъ", онъ получилъ первое предостереженіе. У него отнялись рука и нога. Немного спустя, какъ всегда бываетъ, когда судьба или ея представители хотятъ прекратить человѣка или журналъ, второе предостереженіе. Я намекнулъ мте Ральеръ, что положеніе не безъ опасности; она вскочила съ какимъ-то ужасомъ. — Боже мой! я всегда этого боялась. — Разсудите, замѣтилъ я: семьдесятъ шестой годъ. — Нѣтъ, нѣтъ, вы этого, докторъ, не поймете,

онъ кончито тако; и она побъжала къ мужу въ какомъто истерическомъ раздраженіи.

Прівзжаю я разъ къ старику утромъ и застаю его очень печальнымъ и неспокойнымъ.—Мнѣ, говоритъ онъ, съ вами надобно особо поговорить.

- -- Къ услугамъ вашимъ, у меня времени довольно.
- Посмотрите сперва не подслушиваетъ ли кто?
- Я посмотрёль: разумёется, никто не подслушиваль.
- Теперь заприте дверь и сядьте ко мнѣ поближе. Вотъ въ чемъ дѣло, и думаю, почти увѣренъ...
- Ваше положеніе, замѣтиль я, не безъ опасности (старикъ презрительно улыбнулся); но живуть и не такіе больные годы цѣлые у насъ теперь въ Hôtel Dieu.

Ральеръ строго посмотрълъ на меня изъ подъ нависшихъ бровей: Извините, сказалъ онъ, у меня нътъ достаточно силъ и времени, чтобъ дослушать эту, в вроятно, очень интересную исторію о вашемъ паціентъ. Вы, докторъ, кажется человъкъ умный п меня немного знаете; не можете же вы думать, что я не умъю покориться неизмѣннымъ законамъ естества? Я пожилъ довольно, слишкомъ довольно. Меня занимаетъ совсъмъ другое. Съ того дня, когда великій учитель мой Ромъ прижаль меня къ своей груди и сказалъ мнъ: "Храни эти чувства", я ихъ хранилъ во всёхъ обстоятельствахъ моей трудной, скитальческой жизни. Съ ними я хотълъ бы отойти. Пока машина псправна, я ничего не боюсь; ну, а сломается (онъ указаль пальцемъ на свой высокій, покрытый морщинами лобъ)-что же я сдѣлаю? Изидоръ хорошій человіть, но слабый, и не туда направлень умъ..... Матильда женщина добрая, хорошая мать, но женщина не свободная отъ фанатическихъ предразсудковъ, и еще меньше, отъ мивнія пустыхъ людей. Послів перваго случая со мной, я какъ-то послѣ обѣда возвратился опять въ столовую; дверь въ гостиную была отворена, тамъ сидълъ молодой откормленный аббатъ; Матильда съ жаромъ говорила съ нимъ и наливала ему въ рюмку ликеру. Аббатъ слегка качалъ головой и то закрывалъ глаза, то поднималъ ихъ къ небу. Увидя меня, Матильда сконфузилась, да сконфузился и я; показалъ ей пальцемъ, чтобъ она меня не замъчала, п ушелъ къ себъ.

- ... Черезъ нъсколько минутъ я подхожу къ окну. Аббатъ стоялъ на тротуаръ и дружески толковалъ съ нашей Бабетой.
 - -Вы знаете?
 - Какъ же не знать.
- Аббатъ благословилъ ее и подарилъ ей какую-то медальку. Эге, да это комплотъ — подумалъ я—и комплотъ противъ меня. Они хотятъ загнать въ папское стадо потерянную овцу. Дъло лестное, овца недюжинная... Но они считаютъ безъ хозяина... меня смертью не испугаешь. -- Старикъ началъ сердиться и повторялъ: нътъ, вътъ, въдъ я не принцъ Беневентскій, я никогда не примирялся съ конкордатомъ, — нътъ, я не принцъ Беневентскій! — И, выбившись изъ силь, онъ заснуль середь рфчи. Во сиф больной, вфроятно, продолжаль туже нить мыслей..... Раскрывши, глаза онъ сказалъ мнъ: Докторъ, вы честный человъкъ, вы не были равнодушныни ко мнъ, ни къ великимъ началамъ революціи. Могу ли я считать на васъ, что вы не оставите меня въ послъднія минуты, что вы будете здъсь... возлъ моей кровати, что вы не позволите опозорить чистую жизнь старика, что вы не допустите къ моему одру чернаго таракана (Caffard).
- Здъсь я буду, сказаль я ему, за это я вамъ отвъчаю и сдълаю все человъчески возможное, чтобъ желаніе

ваше исполнилось. Но теперь успокойтесь; вамъ необходимо отдохнуть, вы оченъ взволнованы. Вечеромъ я опять зайду. Больной взялъ меня за руку и, сколько могъ, сжалъ ее, чтобъ поблагодарить.

— Не безпокойтесь объ устали; скоро я буду имѣть досугъ для того, чтобъ отдохнуть отъ всего. А теперь дайте мнѣ вотъ эту шкатулку, что стоитъ на комодѣ.

Я подаль; онь съ уваженіемь отперь, вынуль изъ нея черепаховую табакерку, портретъ въ этюн и еще что-то въ кожаномъ мътечкъ. "Табакерка Рома, его портретъ, дъланный ученикомъ измънника Давида, "барона Давида", и шейный платокъ Гужона, покрытый его кровью... Это всѣ мои сокровища. Я съ ними не разлучался съ 96 года; я ихъ завъщаю вамъ, докторъ, берегите ихъ и оставьте при мнѣ до тѣхъ поръ, пока не потухнетъ мое зрѣніе". Старикъ отеръ слезы. Да, признаюсь вамъ, и не одипъ старикъ. Я опять старался его успокоить, но угомонить его было трудно; онъ не отпускалъ меня и держалъ то за руку, то за сюртукъ. "Ну спасибо вамъ; что я безъ васъ могъ бы сделать въ моемъ положеніи противъ заговора, въ которомъ участвуютъ всѣ? Вчера Бабета приноситъ мнѣ изображеніе казни одного великаго мученика и говоритъ мнъ: Я пришпилю это изображение къ вашей занавъси; это облегчитъ васъ и заставитъ подумать о спасеніи души вашей. Когда мой отецъ былъ очень больнъ, ему бабушка положила такое изображение на подушку и ему стало легче. — Бабета, сказалъ я ей, искренно жалъю, что вашъ родитель кончилъ жизнь въ мракъ предразсудковъ. Я этого казненнаго человъка уважаю: онъ твердо, какъ наши великіе учители, умеръ за свои убъжденія, убитый судейскими барасами и римскими военносудными коммиссіями; но, когда вы приносите его изо262 повъсть

браженіе какъ лекарство или колдовство, я прошу васъ удалиться съ нимъ; у меня въ комнатъ не мъсто знакамъ фанатизма, ниспровергающимъ право ума человъческаго и гармоніи законовъ природы... На мои слова Бабета отвъчаетъ мнъ: "Ужъ хоть бы Богъ передъ смертью раскрылъ ваше сердце. Я вамъ изъ жалости говорю: вы кончите безъ поканнія и попадете въ адъ, словно вы не крещеный".--Мте Куртилье, говорю я ей, человъкъ не отвъчаетъ за дъйствіе, сдъланное надъ нимъ въ младенчествъ, но отвъчаетъ за свою старость и смерть, пока не сошелъ съ ума. Что касается до Бога п ада, это вопросы неръшенные и вовсе меня незанимающіе, какъ выходящіе изъ круга нашей дінтельности. -- "Такъ вы еретикомъ и пойдете туда", прибавила она, ворча и убираясь вонъ. Это, все аббатъ ее научилъ; іезунты везді пщуть себі агентовь и соглядатаевь.

Старикъ уснулъ, бормоча что-то о Лойолъ.... а я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, тихо, тихо притворивши дверь.

III

Прямо отъ старика я прошелъ въ студію нотаріуса. Въ канцеляріи былъ величайшій безпорядокъ. Ни одного ожидающаго, зѣвающаго, скучающаго посѣтителя на лавкахъ, ни одного писца на своемъ мѣстѣ. Самого Изидора не было въ кабинетѣ, не смотря на то, что это былъ пріемный часъ. Я имѣю непреодолимое отвращеніе къ конторамъ, канцеляріямъ и всякимъ мастерскимъ и людскимъ бюрократіи,— и самое ненавистное для меня въ нихъ, это ихъ бездушный порядокъ, ихъ запыленное и потертое однообразіе; потому я почти обрадовался, увидя анархію Изидоровой готовальни. Молодой клеркъ

стояль на столь п читаль громко газету; около него собрались всь писцы, положивь перья свои за ухо, въ томъ родь какъ ружья беруть отъ дождя. Одинъ старшій письмоводитель, старичекъ крошечнаго роста, съ сморщившимися мелкими складочками, которыя придавали ему видъ печенаго яблока, сидълъ поодаль. Беззубый, въ красномъ парикъ, подобранномъ полосками всъхъ рыжихъ цътовъ, отъ темно-бураго до красножелтаго, онъ постоянно жевалъ какія-то зернышки и журплъ молодыхъ писарей. Теперь онъ для сохраненія уваженія къ своему общественному положенію сидъль одинъ на своемъ мъстъ и говорилъ шамшая: "шалунъ, перестань читать; здъсь не кафе. Перестань, сорванецъ Сейчасъ воротится самъ и увидитъ...

Мое появленіе остановило чтеніе и смѣхъ.— "Что у васъ за mardi gras сегодня?" — Вы, докторъ, развѣ не знаете, что творится на свѣтѣ, замѣтилъ стоявшій па столѣ, соскочилъ на полъ и подалъ мнѣ торжественно газету. — Я вамъ совѣтую ѣхать домой, вы вѣрно найдете приглашеніе. Тюйльрійскій дворецъ занемогъ и ему надобно поставить горчишникъ.

— Перестанешь ли ты, проклятый болтунъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбился; вотъ, докторъ, что значитъ подрывать авторитеты, замѣтилъ старикъ, сердясь какъ сердятся нянюшки на рѣзвыхъ дѣтей.

Я взялъ газету, съ утра дѣло банкета разыгралось и приняло огромные размѣры. Оппозиція требовала отдать министровъ подъ судъ. Гизо шпынялъ надъ ней, президентъ камеры бросилъ петицію подъ столъ, а тонъ журналовъ и оппозиціи поднимался, грозилъ. На улицахъ, на перекресткахъ собирались группы.

— И вотъ, докторъ, эдакой праздникъ doyen d'âge не позволиетъ намъ праздновать, болталъ клеркъ: Върно

нашъ рете Бонкокъ, подхватилъ другой, въ половинъ съ Гизо въ какихъ нибудь акціяхъ и боится потерять. Какъ нашъ Бертранъ совсѣмъ оборвется со своимъ Роберъ Макеромъ.

- Кто, кто, Роберъ Макеръ? спрашивалъ не на шутку разсердившійся и испугавшійся старикъ.
- Будто вы не знаете, père Бонкокъ: Фредерикъ Леметръ.

Снова взрывъ смѣха, и вдругъ все умолкло, вошелъ Изидоръ. Онъ хотѣлъ быстро пройти въ кабинетъ, но, увидя меня, остановился и, мягко указывая рукой на дверь, пропустилъ меня впередъ. Тамъ онъ устало опустился въ большое сафьянное кресло, указалъ мнѣ на другое и, пробомотавъ: "Что за день! что за день! "спросилъ объ отцѣ. — Я не скрою отъ васъ, отвѣчалъ я, больной плохъ. Всего хуже то, что онъ поддерживаетъ себя въ тревожномъ состояніи, въ раздраженіи; на это быстро потратятся очень сочтенныя силы его.

- Какъ такъ?
- Я разсказалъ ему, что счелъ нужнымъ. Нотаріусъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, потомъ остановился передо мной и, скрестивши руки на груди, сказалъ: Ей Богу, голова идетъ кругомъ, есть отъ чего съ ума сойти. Кажется, я привыкъ ко всякаго рода самымъ запутаннымъ положеніямъ; но это слишкомъ; все разомъ и нѣтъ времени сообразить... Тутъ разваливается цѣлый общественный строй отъ упрямства двухъ стариковъ; уличный безпорядокъ и шумъ грозитъ богъ знаетъ чѣмъ. Дома умираетъ стецъ, котораго я люблю, но котораго несчастный ригоризмъ, совсѣмъ непринадлежащій нашему времени, ставитъ меня въ страшнѣйшую алтернативу. Я съ вами, докторъ, буду откровененъ, мы люди нашего вѣка; вы не можете думать,

чтобъ у меня были какіе нибудь предразсудки... Между нами будь сказано, я полагаю, что во всемъ домѣ одна Бабета въ самомъ дѣлѣ имѣетъ дѣтскую вѣру и держится церкви; но тутъ одно проклятое обстоятельство... Если я могу его устранить, я сдѣлаю все такъ, чтобъ кончина старика была тиха и покойна; только сладить трудно.

- Въ чемъ же дѣло?
- Какъ въ чемъ, любезный докторъ? слухъ о тяжелой болѣзни отца разнесся, не могу же я сказать тогда, что онъ кончилъ скоропостижно, не успѣлъ исполнить обряды. Его прошедшее, его мнѣнія слишкомъ извѣстны, чтобъ они захотѣли смотрѣть сквозь пальцы. Будь это просто такъ кто нибудь, я поѣхалъ бы къ Афру, прекраснѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ. Я сладилъ бы съ нимъ въ четверть часа; но тутъ онъ упрется: почитатель Рома, нераскаянный Якобинецъ, умеръ безъ отреченья, безъ примиренья, онъ для примѣра другимъ, для угрозы, не позволитъ его хоронить съ должной церемоніей.
 - Что же, отецъ вашъ этого-то и хочетъ.

Нотаріусъ поднялъ голову на верхъ, какъ это дѣлаютъ лошади въ упряжи.

- Въ моемъ общественномъ положеніи это безусловно невозможно безусловно. Есть обязанности, которымъ слѣдуетъ подчинять самыя справедливыя стремленія сердца. У меня дѣти, я долженъ объ нихъ думать, и это далеко не все: мое положеніе, мое достояніе, это дело, ввѣренное мнѣ женщиной, ихъ матерью, я его именно потому долженъ хранить какъ святыню, что съ меня нельзя требовать никакого отчета. Понимаете теперь?...
 - Нѣтъ, не понимаю.

- Вамъ хорошо, вы одни и васъ зовутъ, когда тъло нездорово; отъ васъ хотять только физической помощи. Наши паціенты посложнье, отъ насъ требують не одного знанія, но неукоризненной правственности, огромнаго такта въ поведеніи и самаго строгаго соблюденія приличій. Ну, какъ же имя, особенно женское, аристократическое, пойдетъ въ мою студію послѣ гражданскихъ похоронъ моего отца? Вы не подозрѣваете чудовищную силу предразсудковъ въ нашемъ обществъ! На словахъ мы всѣ кощунствуемъ; а на дѣлѣ — величайшіе трусы. Незаконнорожденному, подкидышу скорфе простять его рожденіе, чъмъ отцу, который бы не окрестиль своихъ дътей. Да что тутъ толковать, я душевныя немощи знаю столько, сколько вы телесныя. Отца я люблю, уважаю, хотя и не делю его эксцентричностей, и сделаю все, что могу — nul n'est tenn à l'impossible.
 - Я всталъ.
- А что? Отецъ не говорилъ вамъ, что онъ писалъ свою волю? Вы понимаете, добавилъ нотаріусъ, подымая плечи, я не за наслъдство боюсь: оно, кажется, состоитъ изъ Ромовой табакерки и его портрета.
- Ими вашъ отецъ распорядился, онъ ихъ завъщалъ мнъ.....
- Спорить изъ-за наслъдства, надъюсь, мы не будемъ, замътилъ онъ съ невыразимо сдержанной улыбкой. Нътъ, л на счетъ письменнаго заявленія о порохонахъ.
- Можетъ и писалъ, замѣтилъ я, желая его помучить. Туча пробѣжала по лицу нотаріуса. — Онъ вамъ читалъ?

— Нѣтъ.

Лицо нотаріуса прояснилось; мы разстались.

IV

... На другой день весь Парижъ былъ на ногахъ, били раппель; все шло и двигалось. Министерство Одильона Баро было смыто мгновенно, какъ глина и грязь первой волной. Правительство уступало, никто не зналъ куда итти, и всв шли скорыми шагами. Пріемный часъ мой проходиль; ни одного больнаго: въ такіе дни, я всегда замічаль, всі бывають здоровы. Въ 49 году, 13 Іюня сдёлало перерывъ въ холеръ. Я хотёль выйти взглянуть, взяль уже шляпу, вдругь колокольчикь и самъ Изидоръ in propria persona явился передо мной. Онъ никогда не бывалъ у меня. — Я къ вамъ забхалъ, говорить онъ, на минуту, чтобъ сказать, что дёло я почти уладиль, и легче чемь думаль. Воть что намь помогло... и онъ указалъ пальцемъ на улицу, по которой шли колонны вооруженныхъ людей, громко покрикивая: Vive la réforme! A bas Guizot. Духовенство сконфужено до высочайшей степени, боится революціи, какъ огня, и со страху кокетничаеть съ нами. Если наша возьметь, а въ этомъ почти нъть сомнъпія, все сойдеть съ рукъ безъ хлопотъ. "Успокойтесь, сказалъ мнѣ самъ Архіерей, я поговорю съ вашимъ священникомъ и постараюсь убъдить его. Если состояние больнаго препятствуетъ, мы охотно возьмемъ на себя спасеніе его души. Церковь volentem ducit, nolentem trahit. Скажите вашей доброй супругъ, что я молюсь за него и чтобъ и она молилась; скажите, что я посылаю ей пастырское благословеніе и очень ціню, что въ нашъ суетный віскь она прибъжна къ храму господню. Вклады ея мнъ извъстны и такъ же то, что ея мъсто въ церкви ръдко бываетъ пусто въ воскресные дни". Онъ очень, очень милый человъкъ.

- A хорошо, сказалъ я ему, что вашъ батюшка не будетъ присутствовать на своихъ похоронахъ.
- Вы не къ намъ ли? Мой экпиажъ у вашего подъвзда, я васъ довезу.
 - Благодарю васъ, мнъ хочется пройтись.
- Ходить теперь не совсѣмъ удобно, il у a trop de peuple souverain на улицахъ. До свиданья.
- Утромъ я засталъ старика въ забытын. Жизнь отступала тихо, надежды не было никакой. Мнъ говорпли, что онъ слышалъ шумъ на улицъ, раппель, спрашивалъ что такое? узналъ Марсельезу, билъ тактъ и двигалъ губами; потомъ опять заснулъ. Я повхалъ къ двумъ-тремъ больнымъ, съблъ котлету и воротился въ сумеркахъ къ старику. У дверей больнаго стояла добрая Бабета и горько плакала. Этогъ агентъ римской церкви и алгвазилъ ордена Игнатія Лойолы любила старика и жалъла его отъ чистаго сердца. - Докторъ, говорила она миъ. онъ отходитъ; не берите на вашу душу часть гръха, уговорите его, пока время есть, поканться и примириться съ святой церковью. У него въдь было золотое сердце, онъ любилъ насъ бъдныхъ и безъ всякой гордости, сколько могъ, всегда помогалъ. За что же, помилуйте, за что же его праведная душа должна итти въ адъ? Неужели вы такой безчувственный, что вамъ не жаль?
- Бабета, успокойтесь, chère enfant, душа его въ адъ не пойдетъ; сами же говорите, что она праведная.
- Безъ отпущенія никакая не войдеть въ рай, говорила она, и бѣдная заливалась слезами. Во время моего отсутствія у старика быль еще ударъ. Сынь сидѣль возлѣ на креслахъ и, все что-то обдумывая, глядѣль на

потолокъ. Онъ во время моего отсутствія привель въ порядокъ бумаги отца. Я, осмотрѣвши больнаго, сказалъ Изидору, что остаюсь по обѣщанію до послѣдняго дыханія старика, что надежды нѣтъ никакой и, что это вопросъ нѣсколькихъ часовъ больше или меньше...

Изидоръ замѣтилъ, что онъ ничего письменнаго на счетъ распоряженій не нашелъ.

Старикъ только минутами приходилъ въ себя и то не совсѣмъ. Разъ, всмотрѣвшись въ меня, онъ узналъ, обрадовался и сказалъ: а вы слышали Марсельезу на улицѣ и барабанъ? Ихъ оправдаютъ! съ торжествомъ прибавилъ онъ.

Въ комнатъ было совершенно тихо; вдругъ брякнулъ залпъ и за нимъ опять тишина. Старикъ раскрылъ мутные глаза, прислушался и сказаль: — "Вандемьерь; я не върю корсиканцу". Это былъ знаменитый залпъ на бульварт. Часа черезъ два народное море заревтло по улицамъ. Изпдоръ пошелъ узнать, что дѣлается. Старикъ много разъ раскрывалъ глаза, будто припоминалъ что-то... Изидоръ возвратился взволнованный. Онъ мн сказаль, что строять барикады и покрикивають: Да здравствуетъ Республика. Мнѣ хотѣлось сообщить это умирающему и въ минуту, когда онъ снова услышалъ шумъ и барабанъ, я сказалъ ему: — Республика, Республика. — Une et indivisible, повторилъ онъ слабо, но внятно. Затъмъ началась послъдняя борьба жизни. Сынъ подошель къ кровати, опустится на колфии и взялъ старика за руку. Бабета тихо вошла въ комнату и плакала, удерживая рыданья; Матильды, по нашему обычаю не было въ комнатъ. Изидоръ сдълалъ какой-то знакъ, Бабета бросилась вонъ и забыла затворить дверь.

Послѣ сильнаго вздоха, больной открылъ большіе глаза, видно было, что сознаніе на минуту возврати-

лось. Онъ узналъ опять меня и сына. Толпы народа шумъли больше прежняго; старикъ указалъ головой и потомъ обвелъ глазами комнату, и вдругъ, какъ ужаленный змъей или преслъдуемый звъремъ, вскрикнулъ; лицо его исказилось отъ ужаса, онъ вырвалъ руку у сына и, усиливаясь спрятаться подальше въ постели, указывалъ мнъ въ противуположную сторону. — Черный! черный! проговорилъ онъ, и голова его склонилась, рука повисла; пульса не было.

Я взглянулъ на то мѣсто, на которое онъ указалъ. Въ дверяхъ, не входя въ комнату, стоялъ аббатъ, за нимъ Матильда; Бабета держала свѣчу. Сынъ показалъ, что все кончено, и покрылъ глаза платкомъ. Аббатъ развернулъ маленькую книжку, которая у него была въ рукахъ, и сталъ въ носъ бормотать по латыни...

Привыкнувшій ко всему, этого я не могъ выдержать, п глядя въ упоръ на Изидора, сказаль ему: Это уже пзъ Лукреціи Борджіа, только постановка не удалась, поторопились! Я закрылъ покойнику глаза, поцѣловаль его святой, честный лобъ; на лицѣ его осталось выраженіе гнѣва и отвращенія, можетъ, умирая, онъ и меня считалъ однимъ изъ заговорщиковь, однимъ изъ негодяевъ!

Съ плитой на сердцѣ вышелъ я на улицу и встрѣтилъ, какъ вамъ сказалъ, лаборанта и двухъ всадниковъ. III

МЕРТВЫЕ

Ι

— Вчера, началь докторъ, разставшись съ вами, я долго рылся въ бумагахъ и нашелъ тамъ, наконецъ, старую газету, которую искалъ. Статья клерикальнаго журнала и моя назидательная бесъда съ Марастомъ хорошо замкнутъ мой разсказъ о старомъ якобинцъ.

Докторъ развернулъ листъ и прибавилъ: позвольте прочесть, я ужасно люблю эту статейку.

- Сдълайте одолжение.
- Чего стоитъ одно заглавіе: « Le catholicisme est-il démocratique et républicain? Католическая церковь не можеть быть свизана ни съ какой формой земной и проходящей власти; она связана съ небомъ и властью, которая не проходить? Католическая церковь не враждуетъ съ свободой, она сама основана на высшемъ изъ всвхъ освобожденій, на освобожденіи отъ грвхопаденія; она не враждуетъ съ равенствому, призывая малыхъ, сирыхъ и неимущихъ рядомъ съ сильными міра сего; она не враждуетъ съ братствомъ, называя братомъ во Христъ каждаго христіанина и повельвая любить ближняго и врага. Нечестивыя стфны, отдфлявшія жизнь гражданскую отъ жизни церкви, разлетаются какъ прахъ въ такіе великіе дни, въ которые гласъ божій смѣшивается съ гласомъ народнымъ. И вотъ почему для насъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что вожди народнаго движенія послё поб'ёды пришли къ алтарю,

272 повъсть

воздать Богу богово, и нашли архипастыря возносящаго къ небу теплыя молитвы о народѣ и народныхъ властяхъ. Domine fac salvam Rempublicam раздалось въ тоже время во всѣхъ церквахъ великаго града.

"Да, времена, въ которыя мы живемъ, глубоко знаменательны, и еще на дняхъ мы видёли торжественное зрѣлище, которое сильно потрясло насъ и на долго запечатл влось въ сердахъ нашихъ. Едва бушующее народное море отступило съ львинымъ ревомъ своимъ въ берега, какъ на Монмартрскую пажить господню постучался новый гость, сопровождаемый неутышнымъ сыномъ, опиравшимся на руку подруги своей. Она-то примирила почившаго старца съ тѣмъ, который принимаетъ всякое раскаяніе и прощаетъ всякій грахъ за ревность о даль ближняго. Хоронили по всёмъ правиламъ католическаго культа Люкаса Ральера, отца извъстнаго въ Нарижъ нотаріуса и легиста. Родившись въ тѣ несчастныя времена, когда легкомысліе Аруэта и върующее невъріе Жанъ-Жака считались наукой, а ненависть къ церкви любовью къ народу и образованію, Ральеръ въ молодыхъ годахъ дерзко закрылъ себъ врата церкви. Гордость полъ-въка воспрещала ему сознаться въ своей ошибкѣ, и только въ послѣдніе дни, благодаря кроткому вліянію доброд тельной жены своего сына, старецъ смпрился передъ Искупителемъ, и церковь поспфшила принять духъ его съ миромъ. Отецъ Амарантъ пропзнесъ нъсколько (но какихъ) словъ на текстъ: "Онъ сказалъ вертоградарю, что не пойдеть на работу — и пошель"... — Да, заключилъ красноръчивый аббатъ С.-Сульпиція: усопшій гражданинъ работаль въ вертоград Христа, зане работалъ для страждущихъ..... Ты былъ нашъ, враждуя на ны. Мы ждали тебя долготерпъливо и дождались, гряди же какъ невъста Ливанская на пріуготовленное ложе..... А мы повторимъ отъ всей души и всего помышленія литію архипастыря..... И еще помолимся о державномъ народѣ французскомъ и испросимъ благословенія господня на нашу христолюбивую республику, на ея градоначальниковъ, военачальниковъ и представителей. Народъ, сильно тронутый словами Амаранта, разошелся съ крикомъ: Vive la République! Vive l'église».

П

..... Мёсяца три спустя, мнё было нужно повпдаться по очень важному дёлу съ Марастомъ. Я былъ съ нимъ корошо знакомъ и помёщалъ время отъ времени обозрёнія медицинскихъ книгъ и отчеты о засёданіяхъ Медицинской Академіи въ «National'ъ». Это былъ медовый мёсяцъ его президентства; добраться до президента было не легко. Пріёзжаю въ первый разъ, — отказываютъ; пріёзжаю во второй — дома нётъ.

- А какъ вы думаете, гдф онъ?
- Въ Собраніи.
- Я сейчасъ оттуда, его тамъ нѣтъ.
- Стало увхалъ.
- Очень в роятно, а когда онъ воротится?
- Да вамъ который часъ назначенъ?
- Нпкакого; мий нужно видёть Мараста по дёлу, я докторъ такой-то. Одинъ huissier съ цёпью позвалъ другаго huissier съ цёпью; этотъ былъ важийе и слёдственно грубйе: высокій, илёшпвый, рыхлый подагрикъ, павшій на ноги, въ замшевыхъ сапогахъ, съ тёмъ театральнымъ величіемъ, за которымъ человёкъ прячетъ совершенную пустоту своего ремесла, онъ объявилъ,

274 повъсть

глядя не на меня, а куда-то въ уголъ, что у Monsieur le Président надобно письменно просить свиданія и прибавиль: еслибъ президентъ всёхъ принималъ, ему надобно было бы 48 часовъ въ сутки, да и тёхъ, можетъ, не хватило бы. Хотите бумаги и чернилъ? вотъ все, что нужно, прибавилъ онъ и указалъ маленькимъ пальцемъ на столъ. Я вынулъ изъ кармана свою карточку и написалъ на ней: Мнѣ васъ нужно по дѣлу; меня къ вамъ не пускаютъ. Я прійду завтра въ девять утра узнать, когда васъ можно видѣть? Huissier улыбнулся и не могъ удержаться, чтобъ не сказать: это не дѣлается такъ.

На другое утро таже исторія. Ниіззіег говориль, что онь карточку положиль сь другими, что приказа никакого не было. Шутка эта стала мив надовдать. Позовите кого нибудь изъ секретарей, сказаль я, немного приподнявь голось. — Ни одного еще ивть. — Зачвмы ивть, должень быть дежурный; что за безпорядокь. Я сажусь здвсь и буду ждать чась, два; а потомь, прошу покорно замвтить, что, если не прійдеть секретарь, я не возвращусь, а послёдствіе этого вы возьмете на себя.

Подагрикъ, нѣсколько огорошенный, отправился во внутреннія комнаты, беззвучно ступая по паркету съ осторожностью слона, идущаго по льду. Черезъ минуту онъ воротился съ чернымъ фракомъ, видимо заряженнымъ на всякую дерзость; онъ еще издали, для тону громко сморкаясь, спросилъ: Гдѣ онъ? que diable, и срѣзался. Я его зналъ корректоромъ въ "Насіоналъ" и вмѣстѣ съ нимъ поправлялъ моп статьи. — Зачѣмъ, говорю я ему, Марастъ играетъ въ прятки и поставилъ какихъ-то гипопотамовъ съ цѣпями въ свою охрану. Мнѣ его нужно видѣть по дѣлу, которое столько же интересуетъ его, какъ меня.

- Видѣть теперь президента невозможно; у него Ламартинъ и Гарнье Пажесъ, поѣзжайте домой; я черезъ два часа пришлю вамъ отвѣтъ. Черезъ два часа, даю честное слово. Вы слышали, что затѣваютъ Косидьеръ и Луи-Бланъ?
- Не слыхалъ, но не хочу у васъ отнимать времени. И такъ, черезъ два часа.....

Эксъ-корректоръ сдержалъ слово. Хоть не черезъ два часа, но въ тотъ же день явился ко мнѣ, гремя палашемъ и шпорами, зацѣпляясь каской за двери, драгунъ, и подалъ огромный пакетъ, въ которомъ лежала крошечная бумажка, и на ней: "Г. президентъ проситъ васъ пріѣхать завтра въ 11 часовъ утра, время его утренней закуски".

Когда я на другой день вошель въ пріемную залу, тамъ стояли, сидъли, ходили, говорили, молчали обычныя лица всёхъ оффиціальныхъ переднихъ. У дверей во внутреннія комнаты красовались часовые изъ національной гвардіи съ ружьями у ногъ, лакеи въ ливреяхъ сновали взадъ и впередъ, какіе-то офицеры главнаго штаба пробъгали въ такомъ вооружении и такъ озабоченно и быстро по залѣ, какъ будто сейчасъ начнется канонада, и непріятель уже заняль Монмартрскія высоты. Нфсколько человфкъ въ нечищенныхъ пальто п ярко красныхъ шейныхъ платкахъ сильно ораторствовали; полагаю, что эти представители демократическаго равенства сословій были просто шпіоны, которыхъ Марастъ захватилъ съ собой изъ Hôtel de Ville. Словомъ, это была пріемная временщика, Меттерниха, при царѣнародъ; но пріемная не обходовшаяся, не обтершаяся; словно въ ней пахло краской и двери скрипъли на петляхъ.

Оффиціантъ громко назвалъ меня по фамиліи и пригла-

силь въ столовую. Въ углу большой залы быль накрыть столь на четыре прибора, ломившійся оть тяжелаго серебрянаго плато. У окна стоялъ Паньеръ, я подошелъ къ нему и едва успълъ, улыбаясь, сказать: tempora mutantur, какъ двери отворились à deux battants и, предшествуемый главнымъ huissier, сопровождаемый секретаремъ и оффиціантами, вошелъ Марастъ. Часовые брякнули на карауль; щегольски одътый, въ небрежномъ утреннемъ костюмъ, раздушенный, съ пышно-взбитыми съдыми волосами, Марастъ былъ свъжъ и румянъ, какъ американское яблоко; въ лицъ его, отъ природы очень красивомъ, была какая-то фосфоричность отъ упоенія собою. Онъ слегка извинился передо мной и, указавъ рукой на стулъ, прибавилъ: — Мы, любезный докторъ, переговоримъ за котлеткой, если вы думаете, что дело не повредить пищеваренію. Оффиціанть торжественно сняль какую-то крышку и передаль ее другому, который торжественно понесъ ее на другой столъ. Я взглянулъ на Паньера и подумаль: съ какимъ бывало веселымъ аппетитомъ ужинали мы съ нимъ въ небольшой столовой третьяго этажа, у издателя "Насіоналя", н какъ интересно болтали съ милой, умной Mme Marast, которой, видно, не по этикету было являться такъ рано...

О дѣлѣ мы переговорили. «Romanée gelée», сказалъ козяинъ, тихо и ни къ кому не обращалсь; и въ туже минуту выросъ, какъ изъ подъ земли, мажоръ д'омъ, у котораго въ рукахъ была бутылка, поконвшаяся на боку въ тростниковой колыбели. — Знаете, докторъ, кого я часто поминаю и кого ужасно жаль: это нашего папа Ральера. И какъ странно, что онъ умеръ въ ту самую минуту, когда воскресала Республика, которой онъ такъ ждалъ, которую такъ любилъ. Славный былъ старикъ, и какъ бы онъ былъ счастливъ; мѣсяцъ бы пожить ка-

кой нибудь. Это быль удивительный человъкъ, прибавиль онъ, обращаясь къ Паньеру, вы его знали?

- Очень, отвъчалъ Паньеръ.
- Такихъ-то людей, непоколебимыхъ и сильныхъ, намъ теперь очень, очень нужно.
 - Будто? замѣтилъ я, улыбаясь.

Едва уловимое движеніе пробъжало по лицу Мараста.

- A вы знаете педробности о его кончинъ и похоронахъ?
- Ничего не знаю кромъ того, что онъ умеръ въ ночь 24 Февраля; что же особеннаго?

Я передалъ ему вамъ извъстныя подробности, не забылъ даже упомянуть и о статьъ въ клерикальномъ журналъ.

По мфрф того какъ я разсказывалъ, фосфоричность Мараста исчезла, онъ безпокоплся, дѣлалъ видъ мигрени и наконецъ, нетериѣливо кроша двумя пальцами хлѣбъ, сказалъ: Вы мнф позвольте замѣтить, любезнѣйшій докторъ, мнф кажется, что вы напрасно такъ обвиняете Изидора Ральера. Вы дѣйствительно не вошли въ его положеніе; я его знаю очень хорошо за прекраснаго человѣка и преданнаго республиканца...

Я улыбнулся.

- Я говорю, *что я его знаю*, сказалъ, нѣсколько прищуривая глаза, Марастъ.
- Въ нашемъ царствъ всеобщей подачи голосовъ позвольте мнъ имъть мое смиренное мнъніе.
- У васъ взглядъ непрактическій, докторъ. Исполненіе религіозныхъ обрядовъ большинства народа до нѣкоторой степени обязательно для всѣхъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о притѣсненіи совѣсти, это дѣло декорума. Зачѣмъ человѣку высокомѣрно выдѣлять себя въ какое-то оскорбительное а рагtе... Это очень хорошо

понималь человъкъ, котораго авторитетъ трудно отвести: Робеспьеръ. Онъ говорилъ, что атеизмъ — аристократія.

- И выдумалъ свою церковь, въ которую вербовалъ гильотиной; да и то не навербовалъ...
- Вы знаете, что я гильотину не оправдываю, но все же его религія была лучше атеизма Геберта.
- Какъ кому, это дёло вкуса: а послёдній крикъ умирающаго Ральера у меня въ ушахъ; и католическую галиматью, въ которой подхваливаютъ христолюбивую республику, я считаю обиднымъ и для честнаго республиканца, и для второй республики.
- Что же, вы думаете, что мы могли бы, какъ въ 93, закрыть церкви, дъйствительно насилуя совъсть огромнаго большинства французовъ? Хороши мы были бы, еслибъ съ самаго начала затронули такую опасную струну съ народомъ, который надобно всъми средствами пріучить къ республикъ, воспитать къ свободъ и пониманью права.
- Вы были не совсёмъ того мнёнія о немъ три м'єсяца тому назадъ, въ вашихъ энергическихъ premiers Paris.
- Три мѣсяца немного времени, а посмотрите, сколько у меня прибавилось сѣдыхъ волосъ. Перо публициста и дѣятельность государственнаго человѣка могутъ имѣть общую цѣль; но они далеки, какъ практика и теорія; а эту даль только тотъ можетъ измѣрить, кто самъ окунулся въ омутъ дѣлъ.

Затъмъ Марастъ быстро всталъ и пригласилъ меня въ кабинетъ. Когда мы проходили въ двери, часовые опять взяли на караулъ. Въроятно, Марасту это не было непріятно; имълъ же онъ, въроятно, право сказать имъ, чтобъ они стояли смирно и не дурачились.

Ему было совъстно и досадно; онъ подалъ Паньеру и мнъ сигары и, потрепавъ меня дружески по плечу, сказалъ ему: Что намъ дълать съ нашимъ неисправимимъ эскулапомъ, вотъ enfant terrible съ съдыми волосами?

- Скажите, спросилъ я, смѣясь, гражданинъ Паньеръ давно ли это нашъ президентъ сдѣлался изъ вольтеріанцевъ клерикаломъ и проповѣдуетъ церковные обряды?
- Что вы дурачитесь, докторъ! Ну какой тутъ клерикализмъ; а вотъ, вамъ, что за охота говорить при секретаръ. Онъ очень хорошій молодой человѣкъ, но въ душу не заглянешь, а въ нашемъ положеніи надобна осторожность и осторожность; да тутъ оффиціанты еще. Неужели вы не понимаете, что мое общественное положеніе, которое только и держится на нравственномъ вліяніп.....
- И свищенное депо, ввъренное вамъ, сказалъ я, невольно вспомпнаи фразеологію Изидора.
- Да, да, депо, ввъренное самимъ народомъ мнъ и моимъ товарищамъ, накладываетъ на меня обязанности, и во-первыхъ не дозволяетъ мнъ ссориться съ духовенствомъ. А au bout du compte мнъ все равно, будетъ ли итти за моимъ гробомъ какой нибудь шустъ въ четвероугольной шляпъ и бълой манишкъ сверхъ черной сутаны, или нътъ, лишь бы они мнъ живому не мъшали.
- Я не подумаль объ этомъ за столомъ, сказалъ я, откланивансь.

Марастъ любезно проводилъ меня за двери. Часовые брякнули на караулъ. '

25 марта 1869 года. Ницца.

IV

эпилогъ

— Мнѣ, докторъ, хочется вамъ повторить вопросъ, который сдѣлалъ какой-то математикъ, прослушавши очень внимательно симфонію: Что же это доказываетъ?

- И музыкантъ не умълъ ему, въроятно, ничего отвътить. Не легко и мнъ, а все таки я думаю, что моя симфонія, или Marche funèbre, доказываетъ кое что; доказываеть хоть бы напримфръ и то, что Франція совсьмъ не такая уже революціонная страна, какой себь представляли ее иностранцы и мы сами. Мы взбалмошные консерваторы и капризные рутинисты. Мы часто стоимъ на одномъ мъстъ съ видомъ скораго марша и отступаемъ съ крикомъ атаки. Малейшій ветеръ колышетъ и рябитъ наше море, по на вершокъ, не больше. Девяностые годы захватили глубже, такъ мы восемьдесять льть пятимся, чтобъ войти въ старое, узкое и жесткое русло. Революціонная пьэса донграна, но костюмы намъ понравились и мы мирно ходили въ нихъ по улицамъ, какъ дъти въ мундирахъ. Входъ за кулисы только легокъ въ театрахъ. Нигдъ не хранятъ лучше семейныя тайны и физическія недостатки, какъ у насъ. Насъ ужасно трудно застать въ расплохъ. Что мудренаго узнать англичанина, не дающаго себъ труда играть роль; или нъмца, довъряющаго свои чувствованія знакомому по table d'hôte'y. Раскусите-ка насъ. Мы для ближайшихъ знакомыхъ дълаемъ туалетъ, и такія неглиже всегда по модъ и къ лицу. Бываютъ иногда "дурные четверть часа", когда все, спрятанное подъ манишками, выступаетъ наружу; тутъ и ловите. Пропустили — ваша бъда. Я самъ дожилъ до съдинъ, плохо понимая что дълается вокругъ, и потомъ въ три дня выучился больше, чъмъ во всю жизнь, и выучился на всю жизнь.

- Вы говорите?....
- Разумъется, объ Іюньскихъ дняхъ.
- Вы соціалисть?
- Я докторъ медицины.
- Это не мъшаетъ.
- Мѣтаетъ, и очень. Быть разомъ больнымъ п врачемъ, дѣло плохое. Одильонъ Баро говорилъ, что законъ не знаетъ Бога; а ужъ врачъ и подавно не долженъ имѣть никакой религін; иначе онъ неодинаково будетъ относиться къ больнымъ.
 - Вольно вамъ соціализмъ считать религіей?
- А какъ же? Можетъ онъ когда нибудь и выростетъ изъ стихаря, даже есть объщающіе зачаточки; но это еще неръшенное дѣло; великая революція имѣла не меньше его зачатковъ, а такъ и состарѣлась на своихъ цивическихъ литургіяхъ и политическихъ процессіяхъ. Все тѣже идолопоклонники и иконоборцы; только иконы другія; а средства защиты и нападенія, какъ встарь, чисто богословскія, основанныя на вѣрѣ во что нибудь невѣроятное, подтверждаемой доказательствами, ничего недоказывающими, и силой, доказывающей, что разсужденіемъ ничего не сдѣлаешь, а кулакомъ очень много. Религіп всегда учреждались и держались на горячемъ сердцѣ и крѣпкомъ кулакѣ.
- Ничего подобнаго нѣтъ въ современной борьбѣ капитала съ работой; какія тутъ литургіп, да крестные ходы?

- Помилуйте, да тутъ все литургія, кромѣ самого предмета. Одни хотятъ увѣрить другихъ, что эти другіе... имъ же нѣтъ чясла, не имѣютъ права на необходимое, тогда какъ они сами имѣютъ лишнее, и дивятся какъ тѣ въ проголодь не понимаютъ, что въ этомъ-то и состоитъ свобода. Другіе укоряютъ въ грабежѣ тѣхъ, которые также безсознательно имѣютъ деньги, какъ укоряющіе ихъ не имѣютъ. Гдѣ же тутъ логика? одно богословіе, примѣненное къ земнымъ предметамъ. Иконоборцы капитала и его идолопоклонники такъ и стоятъ на своемъ диспутѣ, все больше и больше отравляя его и поддразнивая другъ друга.
 - Куда же это ириведетъ?
- Туда, куда приводять вс $\mathfrak b$ религіозныя препинанія: не къ $\partial m n y$, а къ крови.
 - И будто это такъ неминуемо?
- Я не фаталистъ, но, кажется, миновать трудно. Одинъ станъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ; другой свиръпъетъ, и оба не понимаютъ другъ друга...
 - Надобно посредниковъ.
- А гдѣ же ихъ взять? Примирившихся и непримирившихъ бездна, но примпрителей нѣтъ. Примирившіеся резонеры всего хуже; что они примутся объяснять, то остается на вѣки мутнымъ и безжизненнымъ, какъ замерзнувшая лужа. Это наша язва. Вы ее найдете почти во всѣхъ журналахъ. Мишле говоритъ о томъ, какъ схоластика и монашеское воспитаніе образовали цѣлую породу дураковъ. Журнализмъ, парламентаризмъ, неудавшіяся революціи и революціонное похмѣлье, выростили въ наше время слой умниковъ, заговаривающихъ всякое дѣло до безсмыслія. Они все объясняютъ, все понимаютъ; но всякій жизненный вопросъ выходитъ изъ ихъ мозговой реторты какъ зеленый листъ, опущеный въ

хлоръ, блёднымъ, увядшимъ. Ихъ неистощимая верва, запугивающее умничанье однихъ, дёловая наторёлость другихъ, дёлаютъ изъ нихъ казовый конецъ нашего времени; и это большое несчастіе. Это не диллетанты, а адвокаты всего на свётѣ. Ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобъ одержать верхъ въ преніи, выиграть дёло; а въ чемъ оно, имъ все равно.

... Я прерываю философствованіе моего доктора, пли лучше, не продолжаю его : потому, что и тутъ, какъ почти во всемъ, обстоятельства нагнали насъ и опередили...

Разсказъ доктора о гражданинъ Ральеръ я писалъ въ началъ марта 1869. Черезъ нъсколько мъсяцевъ, гроза, давно собиравшаяся, разразилась безъ ударовъ и потрясеній. Удушливая тяжесть атмосферы Парижа и Франціи измънились. Равновъсіе, устроившееся отъ начала реакціи послъ 1848, нарушилось окончательно.

Явились новыя силы и люди.

THIERS-DANIEL

(Deuxième circonscription. - Discours électoral.)

- « L'Europe, dit M. Thiers d'un accent pénétré et sombre, marche à la République; mais il ne faut pas que les jeunes hommes se fassent illusion. Par la faute des gouvernements, qui tantôt cèdent lorsqu'ils devraient tenir ferme, qui tantôt résistent quand ils devraient diriger et contenir, ce siècle ne connaîtra que la période de transition brusque, sanglante, terrible à tous, et que je remercîe Dieu de ne pas être appelé à voir.
- L'enchevêtrement des problèmes sociaux et politiques, intérieurs et internationaux, est tel aujourdhui, que les peuples sont fatalement amenés à tout trancher en supprimant tout.
- « Mais, suppression violente et solution sont deux, et, pour être déplacées, les questions n'en subsisteront pas moins toujours menaçantes. Ce n'est que lorsque le monde nouveau, qui déjà déchire les stancs de l'Europe, aura acquis assez de virilité et de sagesse pour vaincre et pour résoudre, que la République économique ramènera l'ordre et la paix au sein de la société.
- Vous êtes jeunes, Messieurs, ajouta-t-il, mais dussiezvous atteindre l'extrême limite de la vie, vous n'aurez vu que le prologue de la civilisation de l'avenir.

ДАНІИЛЪ-ТЬЕРЪ

Двадцать одинъ годъ тому назадъ соціализмъ былъ побитъ на голову и похороненъ рядомъ съ анабаптизмомъ и другими утопіями, имѣвшими цѣлью благосостояніе большинства и общественное пересозданіе на его основахъ. Увѣренность въ побѣдѣ была велика и не мудрено, побъдили больше чъмъ хотъли, побѣдили виѣстѣ съ врагомъ самихъ себя. Хотѣли усмирить, подавить химеру соціализма, а усмирили всякое свободное движеніе и подавили всякую независимость, всякое человѣческое достойнство.

Надъ тъми, которые утверждали, что соціализмъ только оглушенъ, и указывали на растущій ропотъ заъдаемыхъ индустріей работниковъ, смѣялись; смѣялись даже у насъ въ Россіп, не смотря на то, что соціальный вопросъ у насъ совсѣмъ иначе поставленъ. Ни колоссальныя соединенія англійскихъ работниковъ, ни движеніе работниковъ въ Германіи, ни лиги, ни гревы, ни международные союзы не могли увѣрить счастливыхъ побѣдителей, что ихъ побѣда, не въ самомъ дѣлѣ такъ полна какъ пмъ кажется. Правительствующее сословіе продолжало заниматься свонмъ дѣломъ и призрачными вопросами.

А между тѣмъ, достаточно было слабаго, перелетнаго вѣтра выборовъ, чтобъ мѣстами сдунуть золу и показать надъ садовыми клумбами и гладко убитыми дорожками, рдѣющіе волчыми глазами угли.... и кто ихъ увидѣлъ и заявилъ, кто Даніпломъ вышелъ впередъ испугать ппрующихъ, сказать второй разъ въ жизни свое "приливъ подымается" и признаться, что онъ опять обойденъ событіями? Тотъ же маленькій, тотъ же большой

Тьеръ, геніальний Фигаро тридцатыхъ годовъ, ораторъ парламентаризма, либералъ, убившій двадцать лѣтъ тому назадъ соціализмъ въ образѣ Прудона, Тьеръ вдругъ превратился изъ Іоанна Златоуста буржуазіи въ Іоанна Предтечу соціализма.

"Европа идеть къ республикъ, сказазъ онъ передъ выборами 1869, но молодые люди не должны ошибаться. По винъ правительствъ, которыя то уступаютъ, когда слъдовало бы твердо противодъйствовать, то противодъйствуютъ, когда слъдовало бы направлять и умърять, нашъ въкъ увидитъ только періодъ крутаго, кроваваго, грознаго для всъхъ перехода и который, благодаря бога, я не призванъ видъть.

"Заступленіе (l'enchevêtrement) другъ въ друга соціальныхъ и политическихъ, международныхъ и внутреннихъ вопросовъ таково, что народы роковой необходимостью приводятся къ тому, чтобъ все разрѣшать, уничтожал все. Но насильственное уничтоженіе и рѣшеніе не одно и тоже, и переставленные вопросы останутся угрожающими по прежнему. Надобно, чтобъ новый міръ, который уже раздираетъ лопо Европы, пріобрѣлъ много совершеннолѣтія и мудрости для того, чтобъ Республика экономическая привела снова порядокъ и миръ въ обществѣ.

"Вы молоды господа, но еслибъ вы достигли до послѣдняго предѣла жизни, то и тогда вы ничего не увидите кромѣ пролога будущей цивилизаціи".

Поздно старый дѣлецъ разглядѣлъ будущее, невольно признался въ ошибкѣ, продолжавшейся цѣлую жизнь и жизнь очень длинную. Что за трагическое безсиліе въ упованіи на близкую смерть, какъ на средство ускользнуть отъ неминуемаго будущаго! Старый человѣкъ и новое человѣчество, лицо и исторія, настоящее и будущее, такъ разошлись, что нѣтъ перехода, кромѣ бѣгства въ могилу.

Суетный даже въ эту минуту отчаяннаго пророчества, Тьеръ пытается промахами правительства объяснить опасность, грозящую государственному строю.

Какъ будто міровыя явленія зависять отъ канцелярскихь ошибокъ и полицейскихь распоряженій..... къ звукамъ трубы, зовущей на послѣдній судъ цѣлую цивилизацію, двѣ цивилизаціи, онъ прибавиль звукъ театральнаго свистка..... и музыка вышла еще ужаснѣе. Хорошо Тьеру, что онъ старъ и скоро умретъ. Цѣлое поколѣніе, цѣлыхъ два поколѣнія не могутъ бѣжать въ смерть отъ совершенія необходимыхъ судебъ: на кладбищѣ будетъ слишкомъ тѣсно; что же имъ дѣлать? Чѣмъ же, наконецъ, будить людей, если и это предостереженіе пройдетъ даромъ, какими еще зарницами и молніями?..... Заспанные, отяжелѣвшіе, они не умѣютъ никогда во-время проснуться, опи тогда придутъ въ себя, когда бѣда разразится надъ головой, т. е. когда не только поздно понимать, уступать, но поздно спасаться.

Можетъ на насъ, людяхъ принадлежащихъ къ обоимъ мірамъ, къ одному, по случайности рожденія, къ другому, по избирательству сродства, лежитъ долгъ повторять сторожевой крикъ и призывъ къ разуму упорствующихъ. Если онъ не устранитъ страшное столкновеніе, то можетъ смягчить его удары, а это само по себѣ великое дѣло.

Пока вы спали съ закрытыми ставнями, все перемѣнилось, новый міръ переросъ васъ, не вѣритъ въ ваши права и скоро не будетъ вѣрить въ силу. Вглядитесь, хочется имъ сказать, въ то, что дѣлается, и не отстапвайте того, чего нельзя отстоять, для того, чтобъ уцѣлѣла хотъ часть изъ того, что не должно погибнуть, но погибнуть можетъ.

КЪ СТАРОМУ ТОВАРИЩУ

письмо первое

Одни мотивы, какъ бы они ни были достаточны, не могутъ быть дъйствительны безъ достаточныхъ средствъ.

> Іеремія Бэнтамъ. (Письмо къ Александру I).

Насъ занимаетъ одинъ и тотъ же вопросъ. Впрочемъ одинъ серьезный вопрось и существуеть на историческомъ череду. Все остальное или его растущія силы, или бользии, сопровождающія его развитіе, т. е. страданія, которыми новый и болже совершенный организмъ выработывается изъ отжившихъ и тъсныхъ формъ, примъшивая ихъ къ высшимъ потребностямъ. Конечное разрѣшеніе у насъ обоихъ одно. Дъло между нами вовсе не въ разныхъ началахъ и теоріяхъ, а въ разныхъ методахъ и практикахъ, въ оцънкъ силъ, средствъ, времени, въ оцънкъ исторического матеріала. Тяжелыя пспытанія съ 1848 г. розно отозвались на насъ. Ты больше остался какъ былъ, тебя жизнь сильно помучила - меня только помяла, но ты быль вдалп-я стояль возлё. Но если и измёнился, то вспомни, что измпнилось все. Экономически-соціальный вопросъ становится теперь иначе, чемъ онъ быль двадцать лътъ тому назадъ. Онъ пережилъ свой религіозный и пдеальный, юношескій возрасть, также какъ

возрастъ натянутыхъ опытовъ и экспериментацій въ маломъ видъ, самый періодъ жалобъ, протеста, исключительной критики и обличенія приближается къ концу. Въ этомъ великое знамение его совершеннолътия. Оно достигается наглядно, но не достигнуто, не отъ однихъ внёшнихъ препятствій, не отъ одного отпора, но и отъ внутреннихъ причинъ. Меньшинство, идущее впередъ, не доработалось до ясныхъ истинъ, до практическихъ путей, до полныхъ формулъ будущаго экономическаго быта. Большинство, наиболъе страдающее, стремится одною частью городскихъ работниковъ выйти изъ него, но удержано старымъ, традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части. Знанія и пониманья не возмешь никакими coup d'état и никакими coup de tête. Медленность, сбивчивость историческаго хода пониманья насъ бъситъ и душитъ, она намъ невыносима, и многіе изъ насъ, изм'вняя собственному разуму, торопятся и торопять другихь. Хорошо ли это или нътъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ; а ихъ трудно установить и страшно переступать. На это, сверхъ логическаго самоотверженія, надобенъ тактъ и вдохновенная импровизація. Сверхъ того, не вездѣ одинакая работа и одни предѣлы. Петръ І, Конвентъ, научили насъ шагать семимильными сапогами, шагать изъ перваго мѣсяца беременности въ девятый, и ломать безъ разбора все, что попадется на дорогѣ. Die Zerstærende Lust ist eine schaffende Lust—и впередъ за неизвѣстнымъ богомъ-пстребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и хламомъ.

... Мы видъли грозный примъръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на барикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его, вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, еслибъ побѣда стала на сторону барикадъ? Въ двадцать лѣтъ грозпые бойцы высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построяющей, органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а экономическіе промахи, не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведутъ къ раззоренію, къ застою, къ голодной смерти.

Наше время—именно время окончательнаго изученія, того изученія, которое должно предшествовать работ осуществленія, такъ какъ теорія паровъ предшествовала желізнымъ дорогамъ. Прежде діло хотіли взять грудью, усердіемъ, отвагой и шли зря на авось; мы на авось не пойдемъ.

Ясно видимъ мы, что дальше дѣла не могутъ итти такъ, какъ шли, что наконецъ, исключительному царству капитала и безусловному праву собственности также пришелъ конецъ, какъ нѣкогда пришелъ конецъ царству феодальному и аристократическому. Какъ передъ 1789 обмиранье міра средневѣковаго началось съ сознанія несправедливаго подчиненія средняго сословія, такъ и теперь переворотъ экономическій начался сознаніемъ общественной неправды относительно работниковъ. Какъ тогда упрямство и вырожденіе дворянства помогло собственной гибели, такъ и теперь упрямая и выродившаяся буржуазія тянетъ сама себя въ могилу.

Но общее постановление задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насильемъ

ихъ не завоюещь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями — какой нибудъ буржуазный міръ. Потому, что онъ внутри не конченъ и потому еще, что ни міръ построяющій, ни новая организація не на столько готовы, чтобъ пополниться осуществляясь. Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ, пзъ тѣхъ, которыя должны рухнуть и пересоздаться, не на столько почата и расшатана, чтобъ ее достаточно было вырвать силой, чтобъ исключить изъ жизни. Государство, церковь, войско, отрицаются точно также логически, какъ богословіе, метафизика и пр. Въ извѣстной научной сферѣ онѣ осуждены, но внѣ ея академическихъ стѣнъ онѣ владѣютъ всѣми нравственными силами.

Пусть каждий добросовъстный человъкъ самъ себя спроситъ, готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромъ простаго ломанья), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дъло?

Знаніе неотразимо, но оно не имѣетъ принудительныхъ средствъ. Излеченье отъ предразсудковъ медленно, имѣетъ свои фазы и кризисы. Насильемъ и терроромъ распространяются религіи и политики, учреждаются самодержавныя имперіи и нераздѣльныя республики; насильемъ можно разрушать и расчищать мѣсто—не больше. Петрограндизмомъ соціальный переворотъ дальше каторжнаго равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдетъ. Новыя формы должны

все обнять и вмѣстить всѣ элементы современной дѣятельности и всѣхъ человѣческихъ стремленій. Изъ нашего міра не сдѣлаешь ни Спарту, ни бенедиктинскій монастырь. Не душить одни стихіи въ пользу другихъ слѣдуетъ грядущему перевороту, а умѣть всѣ согласовать къ общему благу.

Экономическій перевороть имѣеть необъятное преимущество передь всѣми религіозными и политическими революціями въ трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его, таково обращеніе съ данными. По мѣрѣ того, какъ онъ выростаеть изъ состоянія неопредѣленнаго страданія и недовольства, онъ невольно становится на реальную почву. Тогда какъ всѣ другіе перевороты постоянно оставались одной ногой въ фантазіяхъ, мистицизмахъ, вѣрованіяхъ и неоправданныхъ предразсудкахъ патріотическихъ, юридическихъ и пр., экономическіе вопросы подлежатъ мамематическимъ законамъ.

Конечно, математическій, какъ и всякій научный законъ, носитъ доказательство въ самомъ себѣ и не нуждается ни въ эмпприческомъ оправданіи, ни въ большинствъ голосовъ. Но для приложенія, эмпираческая сторона и всѣ внѣшнія условія осуществленія выступаютъ на первый планъ. "Мотивы могутъ быть истинны, но безъ достаточныхъ средствь они не осуществятся". Все это принято во всъхъ дълахъ человъческихъ и обходится слишкомъ сангвиническими людьми въ дълъ такого значенія, какъ общественное пересозданіе. Какой механикъ не знаетъ, что его выкладка, формула, не перейдеть въ дъйствительность, пока въ ряду явленій захватываемыхъ имъ, будутъ элементы не подчиняющіеся, посторонніе, или подлежащіе другимъ законамъ. Большей частью въ физическомъ мірѣ, эти возмущающіе элементы не сложны и легко вводятся въ формулу, какъ въсъ линіи маятника, упругость среды, въ которой дълаются его размахи и пр. Въ мірѣ историческаго развитія это не такъ просто. Процессы общественнаго роста, ихъ отклоненія и уклоненія, ихъ послѣдніе результаты, до того переплелись, до того неразымчато вошли въ глубочайшую глубь народнаго сознанія, что приступъ къ нимъ вовсе не легокъ, что съ ними надобно очень считаться, и однимъ реестромъ отрицаемаго, отданнымъ какъ въ "приказѣ по соціальной арміи", ничего кромѣ путаницы не сдѣлаешь.

Противъ ложныхъ догматовъ, противъ вѣрованій, какъ бы онѣ ни были безумны, однимъ отрицаніемъ, какъ бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать: "не вѣрь!" также авторитетно и въ сущности нелѣпо, какъ сказать: "вѣрь". Старый порядокъ вещей крѣпче признаніемъ его, чѣмъ матеріальной сплой, его поддерживающей. Это всего яснѣе тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни карательной, ни принудительной силы, гдѣ онъ твердо покоится на невольной совѣсти, на неразвитости ума и на незрѣлости новыхъ воззрѣній (*), какъ въ Швейцаріи п Англіи.

Народное сознаніе, такъ какъ оно выработалось, представляетъ естественное, само собой сложившееся, безотвѣтственное, сырое произведеніе разныхъ усилій, попытокъ, событій, удачъ и неудачъ людскаго сознанія, разныхъ инстинктовъ и столкновеній; его надобно

^(*) Что говорить о папскихъ силлабусахъ и индексахъ, о полицейскихъ наказаніяхъ за такія-то и такія-то мнёнія, о сенатскихъ рёшеніяхъ философскихъ вопросовъ, когда неясность, сбивчивость самыхъ элементарныхъ понятій, поражаютъ въ мірт свободнаго мышленія, въ высшихъ сферахъ оппозиціи и революціи..... Вспомни старый споръ Маццини противъ Прудона и новое препирательство о вмёненіи, о волё, объ идеализмѣ, о позитивизмѣ Жирардена, Луи-Блана, Жюль-Симона.

принимать за естественный фактъ и бороться съ нимъ, какъ мы боремся со всёмъ безсознательнымъ, изучая его, овладёвая имъ и направляя его же средства сообразно нашей цёли.

Вообще въ соціальныхъ нелѣпостяхъ современнаго быта никто невиноватъ и никто не можетъ быть казненъ съ большей справедливостью, чѣмъ море, которое сѣкъ персидскій царь, или вѣчевой колоколъ, наказанный Іоанномъ Грознымъ. Винить, наказывать, отдавать на копье — все это становится ниже нашего пониманья. Надобно проще смотрѣть, физіологичнѣе, и окончательно пожертвовать уголовной точкой зрѣнія, а она по несчастью прорывается и мѣшаетъ понятія, вводя личныя страсти въ общее дѣло и превратную перестановку невольныхъ событій въ преднамѣренный заговоръ. Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человѣческаго освобожденія и развитія, мы выходили изъ нихъ по минованіи падобности.

Обрушивать отвѣтственность за былое и современное на послѣднихъ представителей "прежней правды", дѣлающейся "настоящей неправдой" также нелѣпо, какъ было нелѣпо и несправедливо казнить французскихъ маркизовъ за то, что они не якобинцы; и еще хуже, потому что мы за себя не имѣемъ якобинскаго оправданія: наивной вѣры въ свою правоту, въ свое право. Мы измѣняемъ основнымъ началамъ нашего воззрѣнія, осуждая цѣлыя сословія, и въ тоже время отвергая уголовную отвѣтственность отдѣльнаго лица. Это мимоходомъ, для того, чтобъ не возвращаться.

Прежніе перевороты дѣлались въ сумеркахъ, сбивались съ пути, шли назадъ, спотыкались и, въ сплу внутренней неясности, требовали бездну всякой всячины,

разныхъ вѣръ и геройства, множество выспреннихъ добродѣтелей, патріотизмовъ, піэтизмовъ. Соціальному перевороту ничего не нужно, кромѣ пониманъя и силы, знанья и средствъ.

Но пониманье страшно обязываетъ. Оно имъетъ свои неотступныя угрызенія разума и неумолимые упреки логики.

Пока соціальная мысль была неопределенная, ся проповъдники, сами върующіе и фанатики, обращались къ страстямъ и фантазіи столько же, сколько къ уму; они грозили собственникамъ карой и раззореніемъ, позорили, стыдили ихъ богатствомъ, склоняли ихъ на добровольную бъдность страшной картиной страданій. (Странная captatio benevolentiæ, — согласенъ). Изъ этихъ средствъ соціализмъ выросъ. Не то надобно доказать собственникамъ и капиталистамъ, что ихъ обладание гръшно, безиравственно, беззаконно (понятія взятыя изъ совстыть инаго міросозерцанія чёмъ наше), а то, что нелёпость его контрафорсовъ пришла къ сознанію неимущихъ, въ силу чего оно становится невозможнымъ. Имъ надобно показать, что борьба противъ неотвратимаго -- безсмысленное истощение силъ и что, чъмъ она упорнъе и длиннъе, тъмъ къ большимъ потерямъ и гибелямъ она приведетъ. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти разсчетомъ, двойной бухгалтеріей, яснымъ балансомъ дебита и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтеть утонуть со всёми богатствами, если можеть спасти часть ихъ и самого себя, бросая другую за бортъ. Для этого необходимо только, чтобъ опасность была также очевидна для него, какъ возможность спасенія.

Новый водворяющійся порядокъ долженъ являться не только мечемъ рубящимъ, но и силой хранительной. Нанося ударъ старому міру, онъ не только долженъ спа-

сти все, что въ немъ достойно спасенія, но оставить на свою судьбу все не мѣшающее, разнообразное, своеобычное. Горе бъдному духомъ и тощему художественнымъ смысломъ перевороту, который изъ всего былаго и нажитаго сдълаетъ скучную мастерскую, которой вся выгода будетъ состоять въ одномъ пропитаніи, и только въ пропитаніи. Но этого и не будеть. Человъчество во всѣ времена, самыя худшія, показывало, что у него potentialiter больше потребностей и больше силь чёмъ надобно на одно завоеваніе жизни, развитіе не можетъ ихъ заглушить. Есть для людей драгоценности, которыми они не поступятся, и которыя у него изъ рукъ можетъ вырвать одно деспотическое насиліе, и то на минуты горячки и катаклизма. И кто не скажетъ, безъ вопіющей несправедливости, чтобъ и въ быломъ и въ отходящемъ не было много прекраснаго и что оно должно погибнуть вмёстё съ старымъ кораблемъ.

Ницца, 15 января 1869.

письмо второе

Международные работничьи съёзды становятся асспзами, передъ которыми вызывается одинъ соціальный вопросъ за другимъ; они получаютъ больше и больше организующій складъ, ихъ члены эксперты и слёдопроизводители. Они самую стачку и остановку работъ допускаютъ какъ тяжелую необходимость, какъ різ aller, какъ средство сосчитать свою силу, какъ боевую организацію. Серьезный характеръ ихъ поразилъ враговъ. Сильное ихъ покоя испугало фабрикантовъ и заводчиковъ. Было бы огромное несчастье, еслибъ они преждевременно вышли изъ этого строя.

Работники, соединиясь между собой, выдёляясь въ особое "государство въ государствъ", достигающее своего устройства и своихъ правъ помпмо капиталистовъ и собственниковъ, номимо политическихъ границъ н границъ церковныхъ, составятъ первую съть и первый всходъ будущаго экономическаго устройства. Международный союзъ можетъ вырости въ Авентинскую гору à l'intérieur. Отступая на нее, міръ рабочій, сплоченный между собой, покинеть мірь пользующійся безь работы, за свою доходную непроизводительность, и онъ, отлученный, nolens volens, пойдетъ на сдёлки. А не пойдетъ, тёмъ хуже для него, онъ самъ себя поставить выв закона, и тогда гибель его отстранится только на столько, на сколько у новаго міра ніть силь. А пока ихъ ніть, надо въ тиши собирать полки и не грозить. Угроза при безсилін вредна. Подавленный взрывъ двинетъ назадъ. Досугъ нуженъ для двойной работы серьезнаго изученія и вербованья пониманьемъ; а настороженный врагъ, пифющій силу въ рукахъ, схватится за оружіе для своей обороны прежде, чемъ противный станъ успетъ построиться. Уничтожать и топтать всходы легче, чёмъ торопить ихъ ростъ. Тотъ кто не хочетъ ждать и работать, тотъ идетъ по старой колев пророковъ и прорпцателей, іересіарховъ, фанатиковъ и цёховыхъ революціонеровъ. А всякое дёло, совершающееся при пособін элементовъ безумныхъ, мистическихъ, фантастическихъ, въ последнихъ выводахъ своихъ непременно будетъ пифть и безумные результаты рядомъ съ дъльными. Сверхъ того, пути эти все больше и больше заростаютъ для насъ травой, пониманье и обсуживанье наше единственное оружіе. Теократическіе и политическіе догматы не требуютъ пониманья; они даже тверже и кръпче покоятся на въръ безъ духа крптики и анализа. Папу

надобно считать непогрѣшимымъ, царя слушаться, отечество защищать, писанія и предписанія исполнять...

Все прошлое, изъ котораго мы хотимъ выйти, такъ и и шло. Мѣнялись формы, образы, обряды. Сущность оставалась таже. Человѣкъ, склонявшій голову передъ капуциномъ, идущимъ съ крестомъ, дѣлалъ тоже, что человѣкъ склоняющій голову передъ рѣшеніемъ суда, какъ бы оно нелѣпо ни было.

Изъ этого-то міра нравственной неволи и подъ-авторитетности, повторяю, мы и быемся выйти въ ширь пониманья, въ міръ свободы во разумю. Всякія попытки обойти, перескочить сразу отъ нетеривнія, увлечь авторитетомъ или страстью, приведутъ къ страшнъйшимъ столкновеніямъ и, что хуже, къ почти неминуемымъ пораженіямъ. Обойти процессъ пониманья также невозможно, какъ обойти вопросъ о силъ. Навязываемое предръщение всего, что составляеть вопрось, поступаеть очень безперемонно съ освобожденнымо веществомо. Взять вдругъ человъка умственно дремавшаго и огорошить его въ первую минуту, съ просонья, рядомъ мыслей, сбивающихъ вст его нравственныя понятія и къ которымъ ему не поставлено лестницы, врядъ ли много послужитъ развитію; а скорее смутить, собьеть съ толку оглушеннаго, или обратнымъ дыйствіемъ оттолкнеть его въ свирыний консерватизмъ.

Я нисколько не боюсь слова "постепенность", опошленнаго шаткостью и невърнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность, такъ какъ непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумънья. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводи, мысли о соціологіи могутъ прививаться какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ съ разу лекарство въ ротъ. Между конечными выводами и современнымъ состояніемъ есть практиче-

скія облегченія, пути, компромиссы, діагонали. Понять, которыя изъ нихъ короче, удобнье и возможнье, дъло практическаго такта, дело революціонной стратегін. Идя безъ оглядки впередъ, можно затесаться какъ Наполеонъ въ Москву, и погибнуть отступая отъ нея, не доходя даже до Березины. Международное соединение работниковъ, всевозможныя соединенія ихъ, ихъ органы и представители, должны всёми силами достигать того невм в тасти въ работу, котораго оно не дълаетъ въ управленіи собственностію. Формы, сдерживающія людей въ полунасильственных ковахъ, à la longue не вынесуть напора логики и развитія общественнаго пониманья. Однъ изъ нихъ до того внутри сгнили, что имъ дать толчекъ ногой; другія, какъ ракъ, держатся корнями въ дурной крови. Ломая одинакимъ образомъ ть и другія, можно убить организмъ и навърное заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростиве возстанутъ за "ракъ" наиболъ страдающіе отъ него.

— Это очень глупо, но пора съ глупостью считаться какъ съ громадной силой.

Во всей Европѣ подымется за старые порядки сплошь все крестьянское населеніе. А развѣ мы не знаемъ, что такое сельское населеніе, какова его упорная сила п упорная колкость? Отобравъ изъ рукъ революціи земли эмигрантовъ, оно-то и подсидѣло республику и революцію. Конечно оно отпрянетъ и накинется по неразумью и невѣжеству, но въ этомъ-то вся важность.

На неразуміи и нев'єжеств'є зиждется вся прочность существующаго порядка; на нихъ покоятся устар'єлыя воспитательныя формы, въ которыхъ люди выростали изъ несовершеннол'єтія, и которыя жмутъ теперь меньшинство, но которыхъ вредной ненужности не понимаетъ большинство. Мы знаемъ, что значитъ ошибаться въ

возрастъ и въ степени пониманья. Всеобщая подача голосовъ, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой онъ чуть не заръзался.

Но если понятія государства, суда, сильны и кръпкп, то еще кръпче укоренены понятія о семьъ, о собственности, о наслъдствъ. Отрицание собственности само по себъ безсмыслица; "собственность не погибнетъ", скажу парафразпруя извъстную фразу Людовика-Филиппа. Видопзмѣненіе ея, въ родѣ перехода пзъ личной въ коллективную, неясно и неопределенно. Крестьянину на Западъ также необходимо привилась его любовь къ своей земль, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владение. Нелепаго туть ничего неть. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человъка представлялась освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можетъ быть онъ убідится въ невыгоді безпрерывно крошащихся и дробимыхъ участковъ и въ выгодъ свободнаго хозяйства, общинныхъ запашекъ полей; но какъ же его "безъ пристрастія" уломать, чтобъ онъ сперво-начала отказался отъ віками взлельянной мечты, которою онъ жилъ и тешился и которая действительно поставила его на ноги, прикрѣпила къ неми землю, къ которой онъ былъ прежде крѣпокъ.

Вопросъ, прямо идущій за тѣмъ, вопросъ о наслѣдствѣ, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ въ родѣ монаховъ раскольниковъ, икаріанъ и пр., никакая масса не согласится на безусловное отреченіе отъ права завѣщать какую нибудь часть своего достоянія своимъ наслѣдникамъ. Я •не знаю довода, по которому было бы можно противодѣйствовать этой формѣ любви избирательной или кровной, передачѣ вмѣстѣ съ жизнію, съ чертами, даже съ болѣзнями, вещей, служившихъ мнѣ

орудіемъ. Развѣ во имя обязательнаго братства и любви ко всѣмъ? Въ худшемъ человѣческомъ положеніи, у дворовыхъ крѣпостныхъ людей, были кой-какія тряпки, которыя они оставляли своимъ и которыя почти инкогда не отбирались помѣщиками. Отнимите у самаго бѣднаго мужика право завѣщать—и онъ возьметъ колъ въ руки и пойдетъ защищать своихъ, свою семью и свою волю; т. е. непремѣнно станетъ за попа, квартальнаго и помѣщика, т. е. за трехъ своихъ злѣйшихъ опекуновъ, обирающихъ его, предупреждающихъ, чтобъ онъ ничего не оставилъ своимъ, но не оскорбляющихъ его человѣческое чувство къ семьѣ, какъ онъ ее понпмаетъ.

— Что же тогда?.... Или свернуть свое знамя и отступить, потому что сила очевидно будеть съ ихъ стороны, или ринутся въ бой и, въ случав мѣстной, временной побѣды, начать водвореніе новаго порядка, новаго освобожденія, избіеніемъ!

Аракчееву было сполгоря вводить свои военно-экономическія утопіи, имѣя за себя сѣкущее войско, сѣкущую полицію, императора, сенатъ и сунодъ; да и то ничего не сдѣлалъ. А за упраздненіемъ государства, откуда брать "экзекуцію", палачей, и пуще всего фискаловъ? А въ нихъ будетъ огромная потребность. Не начать ли новую жизнь съ сохраненіемъ соціальнаго корпуса жандармовъ? Неужели цивилизація кнутомъ, освобожденіе гильотиной, составляютъ вѣчную необходимость всякаго шага впередъ?

Дальше я не пойду теперь, а скажу въ заключеніе вотъ что. Стон возлѣ труповъ, возлѣ ядрами разрушенныхъ домовъ, слушая въ лихорадкѣ, какъ разстрѣливали плѣнныхъ, я всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями звалъ дикія сплы на месть, на разрушеніе старой пре-

ступной веси; зваль, даже не очень думая, чёмь она замёнится.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Месть пришла съ другой стороны, месть пришла сверху. Народы все вынесли потому, что ничего не понимали ни тогда, ни послѣ. Середина вся растоптана и втоптана въ грязь... Длинное, тяжелое время дало досугъ страстямъ успокоиться и мыслямъ отстояться, дало досугъ на обдумуманіе и наблюденіе.

Нп ты, нп я—мы не измѣнили нашихъ убѣжденій, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему со страстью разрушенья, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шать людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобъ знать какъ итти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мной, не могутъ итти.

И еще слово. Высказать это въ томъ кругу, въ которомъ мы живемъ, требуетъ если не больше, то конечно не меньше мужества и самостоятельности, чѣмъ брать во всѣхъ вопросахъ самую крайнюю крайность.

Я думаю ты самъ согласишься въ этомъ.....

Ницца, 25 января, 1869.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Нѣтъ, любезные друзья, мозгъ мой отказывается понимать многое изъ того, что вамъ кажется яснымъ; изъ того, что вы допускаете и противъ чего я имѣю тысячи возраженій.

Мозгъ старъетъ, можетъ быть, и я беру въ свою защиту то, что одинъ изъ нашихъ друзей писалъ обо мнъ или противъ меня.

"Человѣку очень мудрено втолковать что нибудь, о чемъ этотъ человѣкъ думаетъ иначе. Тутъ дѣйствительно физіологическій процессъ, о которомъ столько говорятъ общими мѣстами и котораго никто не хочетъ принять въ разсчетъ, какъ скоро дѣло доходитъ до дѣла. Мозгъ ничего не выработываетъ произвольно, а всегда выработываетъ результатъ соотношенія принятыхъ имъ впечатлѣній. Слѣдственно, если впечатлѣнія одного рознятся отъ впечатлѣній другаго на какой нибудь дифференціалъ, то дальнѣйшее развитіе соотношенія впечатлѣній и результата изъ нихъ выводимаго, т. е. постановка и дальнѣйшее развитіе уравненія (которое есть единственная форма мозговыхъ дѣйствій) можетъ разойтись у одного отъ другаго на разстояніе, невозможное къ совпаденію.

"Въ этомъ вся мудрость доказательствъ, доходящихъ почти до тщетныхъ усилій".

Эти строки, писанныя противъ меня, совершенно справедливы, печально справедливы.

Отрывокъ этотъ, приведенный изъ отвъта Огарева на мое письмо къ Бакунину, оканчивается такъ:

"Каждый отдельный мозгъ, вследствие нарощения въ

себъ своихъ впечатлѣній, встрѣчаетъ отъ нихъ уклоняющіяся новыя впечатлѣнія, или вовсе мимоходно, или не съ достодолжной емкостью, или совсѣмъ отрицательно (т. е. враждебно). Отсюда каждый человѣкъ убѣжденъ или предубѣжденъ, что онъ правъ, что положительно не можетъ быть доказано даже въ такихъ абстрактныхъ спеціальностяхъ, какъ математическія построенія (Теорія Тихо-де-Браге также была построена на математическихъ построеніяхъ, какъ и теорія Галилея); и потому, дѣйствительное признаніе истины требуетъ новыхъ мозговъ, не увлеченныхъ предыдущими впечатлѣніями. На этомъ даже зиждется знаменитое историческое развитіе или прогрессъ".

Мои возраженія, такъ какъ и вообще возраженія, нетерпѣливымъ людямъ начинаютъ надоѣдать. "Время слова, говорятъ они, прошло; время дѣла наступило". Какъ будто слово не есть дъло? Какъ будто время слова можетъ пройти? Враги наши никогда не отдѣляли слово и дѣло и казнили за слово, не только одинакимъ образомъ, но часто свирѣпѣе, чѣмъ за дѣло. Да и дѣйствительно, какое нибудь Allez dire à votre maître Мирабо не уступитъ по вліянію никакому соир de main.

Разчлененіе слова съ дъломъ и ихъ натянутое противуположеніе не выноситъ критики, но имѣетъ печальный
смыслъ какъ признаніе, что все уяснено и понято, что
толковать не о чемъ, а нужно исполнять. Боевой порядокъ не терпитъ разсужденій и колебаній. Но кто же
кромѣ нашихъ враговъ готовъ на бой и силенъ на дъло?
Наша сила въ силѣ мысли, въ сплѣ правды, въ силѣ
слова, въ исторической попутности. Международные
сходы только сильны проповѣдью; матеріально, дальше
отрицательной силы гревы, они не могутъ итти.

Стало быть, остается по прежнему сидёть сложа руки весь въкъ, довольствуясь прекрасными ръчами?

Не знаю, весь ли въкъ или часть его, но навърное до тъхъ поръ не сходить въ рукопашную, пока нътъ ни единства убъжденій, ни сосредоточенныхъ силъ. Быть правимъ въ бою немного значитъ: правота давала побъду только въ судъ божіемъ; у насъ на небесное вмъшательство надежды мало.

Чѣмъ кончилось польское возстаніе, правое въ требованіи, мужественное въ исполненіи, но невозможное по несоразмѣрности силъ?

Каково теперь на совъсти тъмъ, которые подталкивали поляковъ?

На это говорять наши противники съ какимъ-то философскимъ фатализмомъ:

"Избраніе путей Исторіи не въ личной власти; не событія зависять отъ лиць, а лица отъ событій. Мы только мнимо заправляемъ движеніемъ, но въ сущности плывемъ, куда волна несетъ, не зная до чего доплывемъ".

Пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманьемъ, съ личной энергіей. Личность создается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодѣйствіе. Быть страдательнымъ орудіемъ какихъ-то независимыхъ отъ насъ силъ, какъ дѣва, богъ вѣсть съ чего зачавшая, намъ не по росту. Чтобъ стать слѣпымъ орудіемъ судебъ, бичемъ, палачемъ божіимъ, надобно наивную вѣру, простоту невѣденія, дикій фанатизмъ и своего рода непочатое младенчество мысли. Честно мы не можемъ брать на себя ни роль Атиллы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая ихъ, мы должны будемъ обманывать другихъ или самихъ себя. За эту ложь намъ придется отвѣчать пе-

редъ своей совъстью и передъ судомъ близкихъ намъ по духу.

То, что мыслящіе люди прощали Атиллъ, Комитету Общественнаго Спасенія и даже Петру, не простять намъ. Мы не слыхали голоса, призывавшаго насъ свыше къ псполненію судебъ и не слышали подземнаго голоса снизу, который указаль бы путь. Для насъ существуетъ одинъ голосъ и одна власть-власть разума и пониманья. Отвергая пхъ, мы становимся разстригами науки и ренегатами цивилизаціи. Самыя массы, на которыхъ лежитъ вся тяжесть быта, съ своей македонской фалангой работниковъ, пщутъ слова и пониманья, и съ недовъріемъ смотрять на людей, проповъдующихъ аристократію науки и призывающихъ къ оружію. И зам'ятьте, проповъдники не изъ народа, а изъ школы, изъ книгъ, изъ литературы, жившіе въ отвлеченностяхъ. Старые студенты-они ушли отъ народа дальше, чёмъ его заклятые враги. Попъ и аристократъ, полицейскій и купецъ, хозяннъ и солдатъ имфютъ больше схимкоп связей съ массами чёмъ они. Отъ того-то они и полагаютъ возможнымъ начать экономпческій переворотъ съ tabula rasa, съ выжиганья до тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле это, съ своими полосами и плевелами, составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его правственную жизнь, всю его привычку и все его утъшение. Съ консерватизмомъ народа труднъе бороться чъмъ съ консерватизмомъ трона и амвона. Правительство и церковь сами початы духомъ отрицанія, борьба мысли не даромъ шла подъ пхъ ударами: она заразила разящую руку; самозащищение правительства корыстно и гоненія церкви лицем фрны.

Народъ консерваторъ по инстинкту п потому, что онъ не знаетъ ничего другаго; у него нътъ идеаловъ

внѣ существующихь условій; его идеаль буржуазное довольство, такъ какъ идеалъ Атта-Троля у Гейне абсолютно бѣлый медвѣдь. Онъ держится за удручающій быть, за тѣсныя рамы, въ которыя онъ вколоченъ; онъ вѣритъ въ ихъ прочность и обезпеченіе, не понимая, что эту прочность онъ-то имъ и даетъ. Чѣмъ народъ дальше отъ движенія исторія, тѣмъ онъ упорнѣе держится за усвоенное, за знакомое. Онъ даже новое понимаетъ только въ старыхъ одеждахъ. Пророки, провозглашавшіе соціальный переворотъ анабаптизма, облачались въ архіерейскія ризы. Пугачевъ для низложенія Петра, нѣмецкаго дѣла, самъ назвался Петромъ, да еще самымъ нѣмецкимъ, и окружилъ себя андреевскими кавалерами изъ казаковъ и разными псевдо Воронцовыми и Чернышевыми.

Государственныя формы, церковь и судъ, выполняють оврагъ между непониманіемъ массъ и односторонней цивилизаціей вершинъ. Ихъ сила и размъръ въ прямомъ отношеніи съ неразвитіемъ ихъ. Взять неразвитіе силы невозможно. Ни республика Робеспьера, ни республика Анахарсиса Клотца, оставленныя на себя, не удержались; а Вандейство надобно было годы вырубать изъ жизни. Терроръ также мало уничтожаетъ предразсудки, какъ завоеваніе народности. Страхъ вообще вгоняетъ внутрь бытъ, формы; пріостанавливаетъ ихъ отправленіе и не касается содержанія. Іудеевъ гнали въка; одни гибли, другіе прятались, и послъ грозы являлись и богаче, и сильнъе, и тверже въ своей въръ.

Нельзя людей освобождать въ наружной жизни больше, чѣмъ они освобождены внутри. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы. Въ сущности всѣ формы историческія, nolens

volens, ведуть отъ одного освобожденія къ другому. Гегель въ самомъ рабствъ находитъ (и очень върно) шагъ къ свободъ; тоже явнымъ образомъ должно сказать о государствъ: и оно, какъ рабство, идетъ къ самоуничтоженію; и его нельзя сбросить съ себя, какъ грязное рубище, до извъстнаго возраста. Государство форма, черезъ которую проходитъ всякое человъческое сожитіе, принимающее значительные размфры. Оно постоянно измъняется съ обстоятельствами и прилаживается къ потребностямъ. Государство вездъ начинается съ полнаго порабощенія лица и вездъ стремится, перейдя извѣстное развитіе, къ полному освобожденію его. Сословность — огромный шагъ впередъ, какъ разъяснение и выходъ изъ животнаго однообразія, какъ разділь труда. Уничтоженіе сословности — шагъ еще большій. Каждый восходящій или воплощающійся принцппъ въ исторической жизни представляеть высшую правду своего времени, и тогда онъ поглощаетъ лучшихъ людей; за него льется кровь и ведутся войны; потомъ онъ дълается ложью, и наконецъ воспоминаніемъ. Государство не имъетъ собственнаго опредъленнаго содержанія: оно служитъ одинаково реакціи и революціи, тому, съ чьей стороны сила; это сочетание колесь около общей оси; ихъ удобно направлять туда или сюда; потому что единство движенія дано; потому что оно примкнуто къ одному центру. Комптетъ Общественнаго Спасенія представляль сильнъйшую государственную власть, направленную на разрушение монархіп. Министръ юстиціп Дантонъ былъ министръ революціи. Иниціатива освобожденія крестьянъ принадлежитъ самодержавному царю. Этой государственной силой хотёлъ воспользоваться Лассаль для введенія соціальнаго устройства. Что жедумалось ему-ломать мельницу, когда ея жернова могутъ молоть и нашу муку? На томъ же самомъ основании и я не вижу разумной примънимости въ отречении.

Между мнѣніемъ Лассаля и проповѣдью о немпнуемомъ распущеніп государства въ федерально-коммунную жизнь лежить вся разница обыкновеннаго рожденія п выкидыванія. Изъ того, что женщина беременна, никакъ не слѣдуетъ, что ей завтра слѣдуетъ родить. Изъ того, что государство форма проходящая, не слѣдуетъ, что эта форма уже прошедшая. Съ какого народа въ самомъ дѣлѣ можетъ быть снята государственная опека какъ лишняя перевязка, безъ раскрытія такихъ артерій п внутренностей, которыя теперь надѣлаютъ страшныхъ бѣдствій; а потомъ спадутъ сами.

Да и будто какой нибудь народъ можетъ безнаказанно начать такой опыть, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, какъ Франція, Пруссія п проч. Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственнаго устройства, когда уничтожение постоянныхъ войскъ и обезоружение составляютъ дальніе идеалы? И что значитъ отрицать государство, когда главное условіе выхода изъ него совершеннольтіе большинства. Посмотрѣли бы вы, что дълается теперь въ просыпающемся Парижъ. Какъ тъсны грани, о которыя бьется движение, и какъ онъ никъмъ не построены, и сами выросли какъ изъ земли. Маленькіе города, тѣсные круги, страшно портять глазомъръ. Ежедневно повторяя со своими одно и тоже, естественно дойдешь до убъжденія, что вездъ говорять одно и тоже. Долгое время убъждая въ своей сплъ другихъ, можно убъдиться въ ней самому и остаться при этомъ убъждении до перваго поражения.

Bruxelles, Paris. Августъ 1869 года.

ИИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Иконоборцы наши не останавливаются на обыденномъ отрицаніи государства и разрушеніи церкви: ихъ усердіе идеть до гоненія науки. Тутъ умъ оставляєть ихъ окончательно.

Робеспьеровской нельпости, что атеизмъ аристократиченъ, только и не доставало объявленія науки аристократією.

Никто не спрашиваетъ, на сколько вообще подобныя опредъленія идутъ или нътъ къ предмету. Вообще, весь споръ о "наукъ для науки" и о наукъ только какъ пользъ, основанъ на чрезвычайно дурной постановкъ вопросовъ.

Безъ науки научной не было бы науки прикладной. Наука — сила: она раскрываетъ отношенія вещей, ихъ законы и взаимодъйствія, и ей до употребленія нѣтъ дѣла. Если наука въ рукахъ правительства и капитала, такъ какъ въ ихъ рукахъ войско, судъ, управленіе, то это не ея вина. Механика равно служитъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и всякихъ пушекъ и Zündnadelgewähr'овъ. Такъ какъ въ рукахъ правительства и капитала все: богатство, машины, войско, судъ, то наше дѣло вырвать науку изъ вражыихъ рукъ, освободить ее отъ нихъ; а не въ томъ, чтобъ ее давить за услуги имъ. Нельзя остановить умъ и сказать ему: дальше не изслѣдуй, погоди пока мы освободимся.

Нельзя же остановить умъ, основываясь на томъ, что большинство не понимаетъ, а меньшинство злоупотребляетъ пониманьемъ.

Дикіе призывы къ тому, чтобъ закрыть книги, оста-

вить науку и итти на какой-то безсмысленный бой разрушенія, принадлежать къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной. За ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей, le déchaînement des mauvaises passions. Этими страшными словами мы шутимъ, нисколько не считая на сколько опѣ вредны для дѣла и для слушающихъ.

Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей. Христіанство проповѣдывалось чистыми и строгими въ жизни апостолами и ихъ послѣдователями, аскетами и постниками, людьми, замаривавшими всѣ страсти кромѣ одной. Таковы были Гугеноты и реформаторы. Таковы были Якобинцы 93 года. Бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятіяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля, и оттого сильны.

Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежели путная; проповѣдь равно обращенная къ работнику и хозянну, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ.

Проповъдь къ врагу — великое дъло любви: они не виноваты, что живутъ внъ современнаго потока какимито просроченными векселями прежней нравственности. Я ихъ жалью какъ больныхъ, какъ поврежденныхъ, стоящихъ на краю пропасти съ грузомъ богатствъ, который ихъ стянетъ въ нее. Имъ надобно раскрыть глаза, а не вырвать ихъ, чтобъ и они спаслись, если хотятъ.

Грекп радикальнъе насъ говорилп: "Мудрому законъ не нуженъ, его разумъ законъ". Ну, такъ п начнемъ съ того, что "сдълаемъ" самп себя и другъ друга мудрыми.

Я не только жалію людей, но жалію и вещи; и иныя вещи больше иных людей.

Дико-необузданный взрывь, вынужденный упорствомь, ничего не пощадить; онъ за личныя лишенія отомстить самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнеть другой капиталь, идущій отъ поколѣнья въ поколѣнье и отъ народа къ народу. Капиталь, въ которомъ осѣдала личность и творчество разныхъ временъ, въ которомъ сама собой наслоилась лѣтопись людской жизни и скристаллизовалась исторія. Разгулявшаяся сила истребленія уничтожить вмѣстѣ съ межевыми знаками и тѣ предълы силь человѣческихъ, до которыхъ люди достигали во всѣхъ направленіяхъ съ начала цивилизаціи.

Довольно христіанство и исламизмъ наломали древняго міра. Довольно французская революція наказнила статуй, картинъ, памятниковъ; намъ не приходится пграть въ иконоборцевъ.

Я это такъ живо чувствоваль, стоя съ тупою грустью и чуть не со стыдомъ передъ какимъ нибудь кустодомъ, указывающимъ на пустую стѣну, на разбитое изванніе, на выброшенный гробъ, повторяя: "все это истреблено во время революціи".....

60 -

18-08:

